„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1887 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

11.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ДЕСЯТИ ВЫПУСКОВЪ

РУССКАГО АРХИВА 1886 ГОДА.

О КОНЧИНѢ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ *).

Уважая дѣльныя и убѣдительныя доказательства г. Погодина касательно до невинности царя Бориса въ мнимомъ убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича [1]), присовокупимъ мы къ нимъ еще и наши которыя ускользнули отъ наблюденія сего дѣеиспытателя.

Въ X томѣ Исторіи Государства Россійскаго, на 138 страницѣ напечатано: «Собравъ духовенство и гражданъ», онъ (князь Василій Ивановичь Шуйскій, присланный съ окольничимъ Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ отъ царя Ѳеодора Іоанновича изслѣдовать о кончинѣ Царевича въ Угличъ) «спросилъ у нихъ: *Какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія Нагихъ, закололъ самъ себя?* Единодушно, единогласно иноки, священники, мужи и жены, старцы и юноши отвѣтствовали: *Царевичъ убіенъ своими рабами, Михаиломъ Битяговскимъ съ клевретами, по волѣ Бориса Годунова*». Въ 239 примѣчаніи къ симъ словамъ, покойный г. исторіографъ ссылается на *Никоновскую* и *Ростовскую* лѣтописи. Послѣдней мы не имѣемъ; а въ первой—части VIII на страницѣ 19—дѣйствительно вотъ что: «Князь же Василей нача распрашивати града Углича всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ заклася самъ» (Царевичъ Димитрій); «они же вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юнше, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михаила Битяговскаго по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники». Но въ сей же самой лѣтописи выше, на страницахъ 17 и 18, объясняется убіеніе Царевича

*) Статья эта первоначально появилась въ 12-й кн. „Вѣстника Европы“ 1830 года. За указаніе на нее обязаны мы профессору В. С. Иконникову. П. Б.

[1]) См. „Московскаго Вѣстника“ 1829 года части III статью *Объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія.*

Димитрія такимъ образомъ. «Той же злодѣй Данилко Волоховъ пріятъ его праведного за руку и рече ему сіе: у тебя Государя новое ожерельецо. Онъ же ему отвѣща и глагола тихимъ гласомъ, и подня ему выю свою, и рече ему: сіе есть старое ожерелье. Онъ же окаянніи, аки змія ужали жаломъ, кольну ножемъ праведного по шеѣ и не захвати ему гортани. Сія же кормилица [2]), видя пагубу Государя своего, паде на немъ и нача кричати; той же окаянный Данилко поверже ножъ свои побѣже. Союжникижъ его Данилко Битяговской да Микитка Качаловъ начаша ее бити, едва живу оставиша, праведного же у нея отняша, и заклаша аки агнца нескверна, юнца осмолѣтна» [3]).

Въ семъ повѣствованіи двѣ лжи: а) Волоховъ назывался Осипомъ, а не Даниломъ [4]); б) сама кормилица Тучкова, въ своемъ допросѣ, отнюдь не показала, чтобы ее били [5]); и одна истина, что при умерщвленіи Царевича не было совсѣмъ Михаила Битяговскаго. Послѣднею ясно доказывается ложь перваго изъ приведенныхъ нами лѣтописныхъ извѣстій. Можно ли же—имѣя предъ собою слѣдственное

---

[2]) Ирина Тучкова, а не *Жданова*, какъ напечатано Исторіи Государства Россійскаго на страницѣ 132 упомянутаго тома.

[3]) Въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ на страницѣ 24 описано сіе обстоятельство исправнѣе, а именно: „Той же злодѣй Данилко (не Осипъ) Волоховъ пріятъ его праведнаго за руку: сіе у тебя Государя новое ожерельцо. Онъ же ему отвѣща, и подня ему шею свою и рече ему: сіе есть старое ожерелье. Онъ же окаянный, аки змія ужали жаломъ, кольну ножемъ праведнаго по шеѣ и не захвати ему гортани. Сія же кормилица, видя пагубу Государя, паде на немъ и нача кричати. Той же окаянный Данилко Битяговской, да Никитка Качаловъ начаша ее бити и едва живу оставиша, праведнаго же у ней отняша и заколоша аки агнца нескверна, юнца осмолѣтна“.

[4]) Въ слѣдственномъ дѣлѣ объ убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича, произведенномъ въ Угличѣ по повелѣнію Государя царя Ѳеодора Іоанновича, бояриномъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, окольничимъ Андреемъ Петровичемъ Клешнинымъ и дьякомъ Елизаріемъ Вылузгинымъ, которое напечатано въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ II, 103: „И для чево онъ (слѣдователи спрашивали Михаила Нагова) велѣлъ убити Михаила Битяговскаго и Михаилова сына Данила и Микиту Качалова и Данила Третьякова и *Осипа* Волохова и посадскихъ людей и Михаиловыхъ людей Битяговскаго и *Осиповыхъ* Волохова“.

[5]) Въ Слѣдственномъ дѣлѣ, стр. 108: „И Жданова жена (мужъ ея назывался Жданомъ) Тучкова, Царевичева кормилица, Орина, сказала, что ходилъ Царевичъ Дмитрей въ Суботу по двору, игралъ съ жилцы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на Царевича болѣзнь черная; а у него втѣпоры былъ ножъ въ рукахъ, и онъ ножемъ покололся, и она Царевича взяла къ себѣ на руки, и у нея Царевича на рукахъ не стало“. Вотъ все показаніе Тучковой.

дѣло объ убіеніи Царевича Димитрія, гдѣ допросы подписаны руками допрашиваемыхъ [6]) — ссылаться на упомянутыя, явно лживыя, увѣдомленія людей неизвѣстныхъ, краснослововъ, которые, сдобривая еще слова свои, употребляютъ Священное Писаніе всуе [7])? «Истина тѣмъ подозрительнѣе, чѣмъ украшеннѣе, и тѣмъ милѣе, чѣмъ простѣе; *на правду мало словъ*, гласитъ старая пословица», писалъ къ намъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ блюстителей отечественнаго нашего дѣеиспытанія.

Въ томъ же X томѣ Исторіи Государства Россійскаго, на страницахъ 139 и 140, напечатано: «Сію нелѣпость» (что Царевичъ Димитрій, начавъ играть съ жильцами на дворѣ ножемъ въ тычку, получилъ припадокъ черной болѣзни, которою онъ одержимъ былъ прежде, проткнулъ себѣ горло ножемъ) «утвердили своею подписью Воскресенскій архимандритъ Ѳеодоритъ, два игумена и духовникъ Нагихъ». Но для чего умолчано здѣсь о подписи роднаго дяди Царевича Григорія Ѳеодоровича Нагова, брата вдовствующей царицы Маріи? Вотъ что о семъ въ слѣдственномъ дѣлѣ: «И Григорей Ѳеодоровъ сынъ Нагово въ розпросѣ сказалъ, что дѣялось тѣмъ обычаемъ. Маія въ 15 день, въ Суботу, поѣхали они, Михаило братъ его, да онъ Григорей, въ себѣ на подворье обѣдать; и только они пришли на подворье, ажно зазвонили въ колокола, и они чаяли, что загорѣлося и прибѣжали на дворъ, ажно Царевичъ Дмитрей лежитъ, набрушился самъ ножемъ въ падучей болѣзни, что̀ и прежъ того болѣзнь была, а какъ они пришли, а Царевичъ еще живъ былъ и при нихъ преставился. А Михаило Битяговской былъ у себя на подворьѣ и прискакалъ къ царицѣ на дворъ, и на дворъ прибѣжали многіе люди посадскіе и посошные и почали говорить, не вѣдомо кто, что будто зарѣзали Царевича Дмитрія Михаиловъ сынъ Битяговскаго Данило, да Осипъ Волоховъ, да Микита Качаловъ; а Михаило Битяговской учалъ разговаривать, и посадскіе люди кинулися за Михаиломъ Битяговскимъ, и Михаило убѣжалъ въ брусяную избу на дворѣ, и посадскіе люди выломали двери и Михаила выволокли и тутъ его убили до смерти,

---

[6]) См. слѣдственное дѣло, показанное выше.

[7]) Напримѣръ въ Никон. Лѣтоп. VIII, 16, 17: „и вниде дьяволъ въ единаго отъ нихъ (братіи и друзей Клешнина) предстоящимъ (въ Лѣтоп. о мног. мятеж. стр. 22: „предстоящихъ") рекомый Михаило Битяговской и яки же воиде сатана во Іюду Скаріотскаго иде ко Іюдеомъ глаголя, что ми хощете дати и я вамъ предамъ Исуса, тако и сей окаянный Михаилъ"... „Сіяжъ окаянная мамка Волохова речѣ праведному (Царевичу Димитрію) лестію, аки змія прельстивъ Еву"... Тоже самое и въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ на стр. 22, 23.

а Данила Третьякова тутъ же съ Михаиломъ убили вмѣстѣ; а сына Михаилова Данила Битяговскаго и Микиту Качалова убили въ дьячьей въ разрядной избѣ; а Осипа Волохова привели къ царицѣ вверхъ къ церкви къ Спасу, и тутъ его передъ царицею убили до смерти; а людей Михаиловыхъ Битяговскаго четырехъ человѣкъ и Осиповыхъ Волохова дву человѣкъ, гдѣ ково изымали, убили черныо не вѣдомо гдѣ; и того онъ не вѣдаетъ, про што тѣхъ людей побили. А людей они посадскихъ сбирали для князя Василья Ивановича Шуйскаго, да для Ондрея Петровича Клешнина, да Елизарья Вылузгина; а блюлись отъ Государя опалы, чтобъ кто Царевичева тѣла не укралъ; а въ колоколъ-де и звонить учалъ пономарь, Огурцомъ зовутъ. А вчерась-де во Вторникъ, Мая въ 19 день [8]), братъ его Михаило Нагой велѣлъ городовому прикащику Русину Ракову сбирати ножи, и велѣлъ курячью кровь кровавити, да велѣлъ палицу желѣзную добыть; и тѣ ножи и палицу велѣлъ братъ его Михаило Нагой покласти на тѣ люди, которые побиты, на Осипа Волохова, да на Данилу на Михаилова сына Битяговскаго, да на Микиту на Качалова, да на Данилу на Третьякова для того, что-де будто се тѣ люди Царевича Димитрея зарѣзали». Къ подлинному допросу руки приложены такъ: «къ сѣмъ рѣчемъ Григорей руку ложилъ; а въ тѣ поры былъ у спросу Воскресенской архимандритъ Ѳедоритъ и къ тѣмъ рѣчемъ и руку приложилъ; къ сѣмъ рѣчемъ отецъ духовной Григорья Нагово Царекостянтиновской попъ Богданъ руку приложилъ» [9]).

Сіе показаніе Нагова, допросы Царевичевыхъ кормилицы Ирины Тучковой и постельницы Марьи Колобовой [10]), не подозрѣваемыхъ ни въ какихъ связяхъ съ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ и бывшихъ самовидицами кончины Димитрія, также объявленія мальчиковъ-жильцовъ, игравшихъ тогда съ Димитріемъ, изъ коихъ одинъ былъ Тучковой, а другой Колобовой [11]), даютъ неоспоримую силу

---

[8]) Ошибка: должно бы сказать *въ 18 день*.

[9]) Изъ слѣдствен. дѣла стр. 104, 104.

[10]) См. выше № 5. Въ слѣдствен. дѣла стр. 108: „А постельница Самоилова жена, Марья (см. ниже № 11) сказала: Царевичъ Дмитрей ходилъ въ Суботу по двору и тѣшился съ жилцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь черной недугъ, и его бросило о землю; а у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ тѣмъ ножикомъ самъ покололся“.

[11]) Въ слѣдственномъ дѣлѣ стр. 107, 108: „А жилцы Царевичевы, которые играли съ Царевичемъ Петрушка Самоиловъ сынъ Колобова, Баженко Неждановъ сынъ Тучкова, Івашко Івановъ сынъ Красенскаго, Гришка Ондреевъ сынъ Козловскаго, сказали: игралъ-де Царевичъ въ тычку ножикомъ съ ними на заднемъ дворѣ, и пришла на него болѣзнь падучей недугъ и набросился на ножъ“.

истины нижеслѣдующимъ словамъ мамки Царевичевой Василисы Волоховой и Угличскаго городоваго прикащика Русина Ракова, а именно:

«И вдова Василиса Волохова въ розпросѣ сказала, что разболѣлся Царевичъ Дмитрей въ Середу нынѣшняго 99 [12]) году, Маія въ 12 день, падучею болѣзнью, и въ Пятницу-де и ему маленько стало полегче, и Царица-де его Марья взяла съ собою къ обѣднѣ, и отъ обѣдни пришотчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтра въ Суботу, пришотчи отъ обѣдни, Царица велѣла Царевичю на дворъ итить гулять; а съ Царевичемъ были: она Василиса, да кормилица Орина, да маленькіе робятки жильцы, да постельница Марья Самоилова, а игралъ Царевичъ ножикомъ. И тутъ на Царевича пришла опять тажъ чорная болѣзнь, и бросило его о землю, и тутъ Царевичъ самъ себя ножемъ покололъ въ горло, и било его долго, да туто его и не стало. А и прежъ того, сего году въ великое говѣнье, тажъ надъ нимъ болѣзнь была падучей недугъ, и онъ покололъ сваею [13]) и матерь свою Царицу Марью; а въ другорядъ на него была тажъ болѣзнь передъ великимъ днемъ [14]), и Царевичъ объѣлъ руки Ондрѣевѣ дочкѣ Нагово, одва у него Ондрѣеву дочь Нагово отняли. И какъ Царевичъ въ болѣзни въ чорной покололся ножомъ, и Царица Марья сбѣжала на дворъ и почала ее Василису Царица Марья бити сама полѣномъ, и голову ей пробила во многихъ мѣстахъ, и почала ей Василисѣ приговаривать, что будто-де сынъ ея Василисинъ Осипъ съ Михаиловымъ сыномъ Битяговского, да Микита Качаловъ Царевича Димитрія зарѣзали [15]). И она Василиса почала ей бить челомъ, чтобъ велѣла Царица дати сыскъ праведной, а сынъ ея и на дворѣ не бывалъ. И Царица-де велѣла ее тѣмъ же полѣномъ бити по бокамъ Григорью Нагово, и тутъ ее только чуть живу покинули замертва. И почали звонити у Спаса въ колокола, и многіе люди посадскіе и всякіе люди прибѣжали на дворъ; и Царица-де Марья велѣла ее Василису взяти посадскимъ людемъ, и мужики-де ее взяли и ее ободрали и простоволосу ее

---

[12]) То-есть 7099 отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова 1591.

[13]) То-есть свайкою, которою и нынѣ играютъ простолюдины.

[14]) Или Пасхою.

[15]) Михаилъ Нагой одинъ только въ допросѣ показалъ: „А Царевича зарѣз... (прочія буквы стерлись) Осипъ Волоховъ, да Микита Качаловъ, да Данило Битяговской;“ но нигдѣ не упомянулъ объ имени Бориса Годунова и о подозрѣніи на него; см. Слѣдствен. дѣло стр. 103.

держали передъ Царицею. И прибѣжалъ-де на дворъ Михаило Битяговской, и началъ былъ разговаривать посадскимъ людемъ и Михаилу Нагому; и Царица-де Марья и Михаило Нагой велѣли убити Михаила Битяговскаго и Михаилова сына, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова; а говорила-де Царица міру: то-де душегубцы Царевичю. А сынъ ее (Волоховой) Осипъ въ тѣ поры былъ у себя; и какъ началъ шумъ быть великой, и сынъ ея Осипъ прибѣжалъ къ Михаиловѣ женѣ Битяговскаго, и тутъ его и поимали посадскіе люди и привели его еще жива предъ Царицу, и Михаилову жену Битяговскаго съ дочерми передъ Царицу жъ привели. И Царица-де міру молыла: то-де и убойца Царевичю сынъ ея Осипъ Волоховъ, и сына ея Осипа тутъ до смерти и убили; а убивъ и прохолкали, что̀ надъ заицемъ. А человѣкъ сына ея (Ваською звали), и онъ кинулся и палъ на сынѣ ея на Осипѣ, чтобъ его не убили до смерти, и человѣка его Васку тутожъ надъ сыномъ ея убили; а другово человѣка Василисина убили, что увидѣлъ Василису, что она простоволоса стоитъ, и онъ на нее положилъ свою шапку, и посадскіе люди за то его убили до смертижъ. Да была женочка уродливая у Михаила у Битяговскаго и хаживала отъ Михаила къ Ондрѣю (Александровичу) къ Нагому, и сказали про нее Царицѣ Марьѣ, и Царица ей велѣла приходить для потѣхи, и та жоночка приходила къ Царицѣ; и какъ Царевичу смерть сталася, и Царица и ту жонку, послѣ того два дни спустя, велѣла добыть и велѣла ее убитижъ, что будтось та жонка Царевича портила» [16]).

Вышеозначенный Русинъ Раковъ въ просьбѣ своей пишетъ [17]): «Великому господину пресвятѣйшему митрополиту Галасею Сарскому и Подонскому и Крутицкому бьетъ челомъ и плачется Углѣцкой городовой прикащикъ Русинецъ Раковъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 99 году, Маія въ 15 день, въ Суботу, на шестомъ часу дни [18]), тѣшился Государь Царевичъ у себя на дворѣ съ жилцы своими съ робятки, тыкалъ, государь, ножемъ. И въ тѣ поры на него пришла падучая немочь, и за-

---

[16]) Изъ слѣдственнаго дѣла, стр. 106, 107. И такъ били не Тучкову, кормилицу Царевича, а мамку его, Волохову, и не Даніилъ Битяговскій съ Качаловымъ, а Царица Марія съ братомъ своимъ Григоріемъ Нагимъ. Какъ же полагаться на краснослововъ-лѣтописцевъ, которые спутались и въ именахъ, и въ событіяхъ?

[17]) Слѣдственное дѣло стр. 121: „а ему (Геласію) тое челобитную далъ на Угличѣ городовой приказчикъ Русинъ Раковъ". И такъ была тамъ еще и духовная особа. Допросъ Русина Ракова, въ слѣдствен. дѣлѣ на стр. 106, сходный въ главномъ съ сею просьбою, не помѣстили мы здѣсь для того, что нѣсколько строкъ изъ него вырвано и нѣсколько строкъ отъ ветхости изгладилось.

[18]) Въ десятомъ пополуночи.

шибло, государь, его о землю и учало его бити; да какъ-де его било, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ самъ и отъ во [19]) государь, и умеръ. У учулъ, государь, язъ въ городѣ звонъ, и язъ, государь, прибѣжалъ на звонъ, ажно въ городѣ многіе люди и на дворѣ на Царевичевѣ; а Михаило Битяговской, да сынъ его Данило, да Микита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данило Третьяковъ, да ихъ люди лежатъ побиты. И я, государь, прибѣжалъ къ Спасу, и меня, государь, Михаило да Григорей Нагіе изымали; а Михаило, государь, мертво піянъ; и привели, государь, меня къ цѣлованью, и одново, государь, дни велѣли мнѣ крестъ шестья цѣловать, буде ты нашъ. А Михаила Битяговсково да и сына ево велѣлъ убить язъ (Михаилъ Нагой); а Микиту Качалова, да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей ихъ велѣлъ побити я же для тово, что они у меня отымали Михаила Битяговскова съ сыномъ. И послѣ, государь, тово въ первый Вторникъ [20]) вечеру, приказалъ Михаило человѣку своему Тимохѣ, велѣлъ принести куря живой, въ другомъ часу ночи [21]), вшелъ въ дьячую избу, а меня послалъ въ рядъ ножовъ имать, и я съ собою взялъ посадсково человѣка Кондрашу оловянишника и взялъ въ ряду два ножа, у Ѳили у дегтярника ножъ, а другой ножъ у посадсковожъ человѣка у Василья у Ильина, а ножъ мнѣ далъ да саблю Григорей Нагой. И послалъ меня Михаило Нагой на Михаиловъ дворъ Битяговсково, да со мною послалъ Спасково соборново попа Степана, да посадскихъ людей Третьяка Ворожейкина, да Кондрашу оловянишника, а велѣлъ мнѣ искати въ Михаиловѣ повалушѣ [22]) палицы желѣзной, и язъ нашелъ и къ нему принесъ; и онъ, государь, меня послалъ въ дьячую избу, и велѣлъ мнѣ взять сторожа Овдокима, да взялъ язъ посадсково человѣка Васку Малаѳеева; да мнѣ же велѣлъ изъ дьячьи избы въ чюланѣ курица зарѣзать и кровь въ тазъ выпустить; и ножи и палицу кровью измазали, и Михаило мнѣ Нагой приказалъ класти къ Михаилу Битяговскому ножъ, Осипу Волохову палицу, Данилу Третьякову [23]) саблю, Михаилову человѣку Битяговскому Ивану Кузмину самопалъ [24]), Михаиловужъ человѣку Павлу ножъ, Василисину человѣку Васкѣ самопалъ; а велѣлъ, государь, убити Михаило Нагой Михаила Битяговскаго

---

[19]) Отъ того.

[20]) Маія 18.

[21]) Въ десятомъ пополудни.

[22]) Спальной.

[23]) О которомъ въ лѣтописяхъ и не упоминается.

[24]) Пистолетъ или ружье съ замкомъ.

съ сыномъ по недружбѣ, многажды съ нимъ бранивался про Осударево дѣло, и въ тотъ день съ нимъ бранился о посохѣ [25]), что велѣлъ Государь съ нихъ взять посохи пятдесятъ человѣкъ подъ городъ подъ гуляй [26]). И онъ (Михаилъ Нагой), государь, посохи не далъ; и Михаило, государь, Нагой, напился пiянъ, да велѣлъ убити Михаила Битяговскова съ сыномъ; а Микита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данило Третьяковъ, да и ихъ люди учали отъимать, и онъ ихъ велѣлъ побити тутожъ. Пресвятѣйшій государь митрополитъ, самъ пожалуй, а Осударю буди печальникъ, чтобы мнѣ холопу Государеву подлѣ виноватыхъ въ опалѣ не быть въ казни; государь пресвятѣйшій митрополитъ, смилуйся пожалуя!» [27])

Для чего же приказалъ Михаилъ Нагой положить упомянутое оружіе на тѣла убитыхъ по его велѣнію? «И Русинъ Раковъ сказалъ (въ своемъ допросѣ, теперь изгладившемся нѣсколько отъ ветхости), что велѣл...хаило Нагой на побитыхъ лю.....лицу и сабля и самои.... ти..... того, что будто се тѣ люди Царевича Дмитрія убили» [28]).

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ рѣчей слѣдственнаго дѣла объ убіеніи Царевича Димитрія и лѣтописныхъ повѣствованій обнаруживаются вотъ какія обстоятельства:

Маія 12 дня 1591 года, въ Середу, занемогъ Царевичъ Димитрій Іоанновичъ прежнею своею падучею болѣзнію; а въ Пятницу (Маія 14) сдѣлалось ему полегче. Мать его Царица Марія (урожденная Нагая), пошла съ нимъ къ обеднѣ; возвратившись, дозволила ему погулять на дворѣ; и на другій день (Маія 15), пришедши отъ обѣдни, пустила его опять на дворъ прогуляться съ мамкою Василисою Волоховою, кормилицею Ириною Тучковою и постельницею Марьею Колобовою. На заднемъ дворѣ (если не прежде) явились къ Царевичу четыре мальчика-жильцы: Петръ Колобовъ, Баженъ Туч-

---

[25]) Рекрутахъ.

[26]) Подвижное укрѣпленіе, возимое при войскѣ.

[27]) Изъ слѣдственнаго дѣла, стр. 121, 122. См. также ниже № 35. Вотъ и еще свидѣтельство, что Михаилъ Нагой былъ пьянъ, когда случилась кончина Царевича; въ просьбѣ разсыльщиковъ Угличскихъ къ царю Θеодору Іоанновичу, того же дѣла на стр. 118: „и прискочилъ, Государь, съ ево двора къ Царицѣ на дворъ Михаило Нагой пьянъ на конѣ“... Сей братъ Царицынъ заперся во всѣхъ доносимыхъ на него приказаніяхъ; см. въ томъ же дѣлѣ, стр. 103.

[28]) Изъ слѣдственнаго дѣла, стр. 106. Означенныя точками снова изгладились.

ковъ, Иванъ Красенскій, Григорій Козловскій [29]) и стали съ нимъ играть ножемъ въ тычку [30]).

Вдругъ падучая ударила опять Царевича. Онъ упалъ и наткнулся горломъ на ножъ, державшій имъ въ рукахъ; но уязвилъ себя не очень сильно: ибо Григорій Нагой засталъ его еще живаго. Кормилица, вскрикнувъ, взяла біющагося и отъ раны и отъ падучей болѣзни Димитрія къ себѣ на руки. Услышавъ крикъ, выбѣжала Царица на дворъ и вмѣсто Тучковой (дѣйствительно виноватой, по неосторожности) начала бить полѣномъ мамку Василису Волохову, клепля сына ея Осипа въ убійствѣ Царевича. Ударили въ набатъ на колокольнѣ соборной Спасской церкви [31]); сбѣжался народъ, пріѣхали и братья Царицыны, пьяный Михаилъ и Григорій Нагіе. Изъ нихъ первый имѣлъ личное неудовольствіе на дьяка Михаила Битяговскаго, блюстителя города и дворца Царицына [32]); а оба родовое—на Бориса Годунова [33]).

---

[29]) Слѣдственнаго дѣла на стр. 108: „И князь Василій (Шуйскій) и Ондрей (Клешнинъ) и Елизарій (Вылузгинъ) спрашивали жилцовъ Петрушки Колобова съ тоаврищи“ (см. выше № 11): „да Осипъ Василисинъ сынъ Волоховъ да Данило Михаиловъ сынъ Битяговскаго втѣпоры за Царевичемъ были-ли? И жилцы Петрушка Колобовъ съ товарищи сказали: были за Царевичемъ втѣпоры толко они четыре человѣка жилцовъ, да кормилица, да постельница (по этому и мамка Волохова находилась въ отдаленіи, что видно изъ словъ Тучковой *не уберегла*, см. выше № 5); а Осипа Волохова и Данила Михаилова сына Битяговскаго втѣпоры съ Царевичемъ не было и за Царевичемъ не хаживали“.

[30]) Игра въ тычку простонародныхъ мальчишекъ: очертятъ маленькое пространство на землѣ и бросаютъ въ оное тычмя ножикъ (какъ свайку въ кольцо); кто не попадетъ, тотъ подвергается какой-нибудь повинности игры.

[31]) По чьему приказанію, точно неизвѣтно; вотъ что въ слѣдственномъ дѣлѣ на стр. 109; „и Царякостянтиновской пономарь, вдовой попъ (которымъ тогда запрещалось священнодѣйствовать) Ѳедотъ Ѳеонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ, въ распросѣ сказалъ: какъ Царевича Дмитрея не стало, а онъ втѣпоры былъ дома, а зазвонилъ въ городѣ у Спаса сторожъ Максимко Дмитреевъ сынъ Кузнецовъ, и онъ Огурецъ отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ; и какъ прибѣжалъ къ церквѣ къ Спасу и к.... му встрѣчу бѣжитъ кормового дворца стряпчей Субота Протопоповъ, и велѣлъ ему у Спаса въ Колоколъ звонити, да ударилъ ево въ шею і велѣлъ ему сильно звонити; а говорилъ ему Субота передъ Григорьемъ Нагимъ, а сказалъ, что ему велѣла звонить Царица Марья, и онъ потому и звонилъ въ колоколъ“. Вѣроятно она же приказаза звонить и Кузнецову.

[32]) Никонов. VIII, 17: „И велѣлъ (Годуновъ) имъ (Михаилу Битяговскому съ сыномъ и Качалову) вѣдѣти на Угличѣ все“; тоже и въ Лѣтописи о мног. мятеж. стр. 22. См. еще выше просьбу Ракова. Субота Протоповъ на очной ставкѣ съ Огурцомъ показалъ:

Время удобное къ отмщенію наступило, тѣмъ болѣе, что прибѣжавшій дьякъ сталъ уговаривать бѣснующійся народъ. Царица и пьяный братъ ея не усумнились провозгласить упомянутаго Битяговскаго участникомъ, а сына его Даніила товарищемъ Осипа Волохова въ убіеніи Царевича, содѣянномъ по наущенію (будто) Бориса Годунова, и Михаилъ Нагой велѣлъ умертвить мнимыхъ виновниковъ. Остервенившаяся чернь кинулась за дьякомъ; выломала двери у брусяной избы, гдѣ онъ заперся съ Даніиломъ Третьяковымъ и убила ихъ обоихъ. Тогда же мятежники бросились въ дьячью разрядную избу (или канцелярію, гдѣ недавно присутствовалъ убитый дьякъ) за Даніиломъ Битяговскимъ, умертвили его, Никиту Качалова и другихъ, вступившихся за дьяка и мамку, а Осипа Волохова убили въ церкви при

„и Михаило Нагой велѣлъ убити Михаила Битяговскаго; а была у нихъ межъ собя прежъ того брань за то, что Михаило Нагой у Михаила Битяговскаго прашивалъ, сверхъ Государева указу, денегъ изъ казны и Михаило, ему отказалъ“... Изъ слѣдственнаго дѣла, стр. 109. Въ показаніи подъячаго (то-есть помощника дьякова) Третьячка Десятого (того же дѣла) на стр. 117: „и я Третьячко вшолъ въ избу“ (разрядную, дьячью) „ажно коробейка моя разламана, а вынято изъ нея Государевыхъ денегъ дватцать рублевъ, были приготовлены на Царицынъ и Царевичевъ расходъ“. Слѣдственно дьякъ Битяговскій, какъ начальникъ, завѣдывалъ и дворцомъ.

[33]) Въ степенной книгѣ Латухина (см. Истор. Госуд. Россійск. IX, примѣч. 618), „Царь Іоаннъ Вас. притязаетъ себѣ въ послѣднее супружество дѣву, именемъ Марію, дщерь вельможи нѣкоего Ѳеодора Нагаго; и тако сей Ѳеодоръ, да братъ его Аѳанасій начаша наносити Царю на Бориса Годунова, яко онъ Борисъ у него Государя въ близости пребываетъ, а за оскорбленіе Царево“ (за какое? Въ Латухинской же степенной книгѣ въ Истор. Госуд. Россійск. IX, примѣч. 611: „въ тоже убо время нѣкто ближній отъ вельможъ Царевыхъ“,—Іоанна Васильевича—„Борисъ Ѳеод. Годуновъ, дерзнулъ вніти во внутреннія кровы Царевы просити отъ уязвленія благовѣрнаго Царевича Іоанна“—умерщвленнаго тогда нечаянно отцемъ своимъ—“... Видѣвъ же сіе дерзновеніе Борисово, Государь наполнился ярости, велій на него гнѣвъ возложи и истязаніе многое сотвори и лютыми ранами его уязви“) „достойную честь ему не приноситъ и не доброхотствуетъ. Тогда Государь паки на Бориса возъярився и внезапу пріиде къ нему на дворъ, мняше въ себѣ, яко истинна суть реченная о немъ. Въ то время Борисъ велимъ страхомъ объятъ и едва отъ немощи своея изыде въ срѣтеніе Царю. Государь же вопрошаше Бориса о скорби его, и со гнѣвомъ на него взираше, раны же своя показати ему веляше. Онъ же повелѣніе Государево исполняетъ и болѣзненныя своя раны Царю обнажаетъ, яко отъ тяжести тоя скорби на обоихъ (бокахъ) и на персѣхъ заволоки себѣ сотвори, изъ нихъ же всегда гной исхождаше, и тѣмъ болѣзни своей облегченіе пріимаше. Тогда Государь, видѣвъ оболгана Бориса и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сія? Онъ же отвѣща, яко цѣлитъ моя язвы Великія Перми купецкаго чина человѣкъ, именуемый

Царицѣ Маріи [34]). Три дня спустя послѣ сего происшествія (Маія 18), Михаилъ Нагой, ожидая Шуйскаго съ товарищами, понялъ ясно всю важность своего преступленія и, страшась мести правительства, взялся за хитрость, дабы оправдать себя, то-есть: убѣдилъ городоваго Угличскаго прикащика Русина Ракова набрать разнаго оружія, велѣлъ заколоть курицу, намазать оное ея кровью [35]) и раскласть на тѣла убитыхъ народомъ, какъ доказательство, что они умертвили Царевича. Дѣлая сіе распоряженіе, Михаилъ Нагой вѣроятно былъ опять пьянъ: ибо трезвый хитрецъ, сколько ни безразсудный, не приказалъ бы мазать кровью палицу и самопалы, зная, что Царевичъ зарѣзанъ, или положить палицу на тѣло Осипа Волохова, обвиняемаго въ зарѣзаніи Царевича.

Вотъ происшествіе, которое наши лѣтописцы переиначили совершенно нелѣпыми своими преданіями, желая, можетъ статься, болѣе доказать святость Царевича Димитрія и не понимая того, что она утвердилась не ложью и не клеветою, но нетлѣніемъ его мощей и чудесами, отъ нихъ происходившими. Симъ преданіямъ послѣдовали новые дѣеписатели: князь Хилковъ [36]), князь Щербатовъ [37]) Голиковъ [38]) и даже ученый Миллеръ [39]). Пусть ихъ можно еще сколько

Строгановъ"... „Оболгателю же Ѳеодору Нагихъ (отцу Михайлову и Григорьеву) тому же лекарю Строгоновыхъ повелѣ Государь во тѣхъ же мѣстѣхъ, па бокахъ (и персѣхъ) за оболганіе его заволоки сотворити и кромѣ (безъ) болѣзни".

[34]) Въ показаніи Воскресенскаго архимандрита Ѳеодорита, слѣдственное дѣло стр. 110: „а Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ архимандритѣ и при игуменѣ Савватѣѣ, къ церкви къ Спасу передъ Царицу, только чють жива, и тутъ сво, передъ Царицею, прибили до смерти".

[35])Въ дополненіе къ упомянутому выше въ просьбѣ Русина Ракова Слѣдственное дѣло стр. 116: „А дьячьи избы сторожъ Овдокимко Михаиловъ сказалъ: какъ побили Михаила Битяговскаго и сына его, иныхъ людей въ Суботу; и послѣ того, три дни спустя, во Вторникъ, послышали про князя Василья и про Ондрея и про Елизарья, и пришедъ въ дьячью избу городовой прикащикъ Русинъ Раковъ, да Михаиловъ человѣкъ Нагово Тимоха, а принесъ Тимоха курицу живую, да два самопала, да пять ножевъ, да палицу желѣзную, и велѣли ему Овдокиму курицу зарѣзати, и онъ Овдокимко курицу зарѣзалъ и кровь спустилъ въ тазъ и тою кровью велѣли мазати самопалы и ножи и палицу. А Васка Малаѳеевъ сказалъ, что онъ съ Русинымъ съ Раковымъ пищали и палицу и ножи кровью куречью мазалъ; и тѣ ножи и пищали и палицу на побитыхъ людей Русинъ Раковъ положилъ".

[36]) См. его Ядра Россійской Исторіи кн. IV стр. 257.

[37]) См. его Россійской Исторіи XI 294—297.

[38]) См. его Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго I, 36, 37.

[39]) См. его Sammlung Russischer Geschichte V, 52—54.

нибудь извинить незнаніемъ вышеозначеннаго слѣдственнаго дѣла; но чѣмъ оправдаются тѣ, кои, имѣя оное передъ глазами своими, руководствуясь даже имъ, отважились порочить (или участіемъ въ богопротивномъ убіеніи царственнаго отрока, или сокрытіемъ сего убіенія), память Годунова и Шуйскаго, нѣкогда знаменитыхъ вельможъ и послѣ достойныхъ царей Россіи? Тѣ, кои дерзнули употребить на счетъ ихъ бранныя слова, оскорбительныя и частному, малозначительному человѣку?

Какого наилучшаго Государя въ свѣтѣ память можетъ остаться послѣ сего невредимою? Долгъ благомыслящаго Россіянина есть уважать законныхъ Самодержцевъ своихъ, даже и по ихъ кончинѣ.

Николай Арцыбышевъ.

ПОЛЬСКОЕ ПОКАЗАНІЕ О ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

Одинъ изъ Польскихъ хроникёровъ XVII вѣка, современникъ нашему «Смутному Времени», Павелъ Пясецкій епископъ Перемышльскій (въ Галиціи), жившій между 1579—1648 г., въ своей хроникѣ (существуетъ у насъ и *Славянскій* переводъ части оной), говоря о появленіи Димитрія Самозванца, хотя и не рѣшается *открыто* заявить, что и его «появленіе» есть дѣло іезуитовъ, но за то довольно *прозрачно* намекаетъ на это, называя Лжедимитрія «выходцемъ изъ Москвы, воспитаннымъ въ Польской Руси». *Кѣмъ*? Онъ оставляетъ догадываться о томъ самимъ читателямъ, и хотя спѣшитъ оговориться («если его сказаніе справедливо»), но этимъ самымъ еще яснѣе становится, кого онъ здѣсь разумѣетъ.

Вотъ что именно пишетъ Пясецкій (на стр. 179—181) въ своей «Хроникѣ» о появленіи Самозванца въ Польшѣ *).

Въ томъ же 1604 году завязался въ Польшѣ узелъ долголѣтней «Московской» войны. Какой-то *Димитрій*, выходецъ изъ Москвы, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ шатавшійся по Польской Руси и служившій при дворахъ тамошнихъ пановъ, разсказывалъ долгія повѣсти о своемъ происхожденіи отъ великаго Московскаго князя и своемъ спасеніи отъ сѣтей, которыя были раскинуты для его погибели, и наконецъ нашелъ словамъ своимъ вѣру, а дѣлу покровительство. Приключенія свои (истинныя или вымышленныя, это дѣло неизвѣстное) онъ разсказывалъ такимъ образомъ. Иванъ Васильевичъ Великій Князь Московскій, оставилъ по себѣ двухъ сыновей; изъ нихъ Ѳеодоръ первородный и уже возрастный вступилъ послѣ отца на тронъ; Димитрій же, родившійся въ поздней старости отца, воспитывался подъ надзоромъ матери не

---

*) Объ его „Хроникѣ“, писанной на Латинскомъ языкѣ (Польскій переводъ изд. въ Краковѣ въ 1870 г.) въ Исторіи Польской литературы (т. II) Феликсъ Бентковскій выражается, „что она писана съ большою смѣлостію любящаго правду историка; что въ ней много находится вещей для разъясненія царствованія Сигизмунда III. А такъ какъ Пясецкій выставляетъ при разныхъ обстоятельствахъ вредное вліяніе членовъ іезуитскаго ордена, не только на самого короля, но на благо цѣлаго Польскаго народа, то черезъ это онъ, Пясецкій, навлекъ на себя ненависть многихъ особъ, (прибавимъ: заявленную и въ предисловіи къ переводу его хроники на Польскій языкъ).

подалеку отъ столицы, въ Углицкомъ замкѣ. Когда Өедоръ, слабый здоровьемъ отъ рожденія, устранился отъ дѣлъ правленія, Борисъ Гуденовъ (Годуновъ), великій конюшій государства, сестра котораго была замужемъ за Өеодоромъ, по старанію той же сестры своей, держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія. Прельстившись сладостію власти, онъ возпамѣрился присвоить ее себѣ. Тронъ для него былъ не очень недоступенъ, когда Өеодоръ, удрученный болѣзнями и еще менѣе способный оставить наслѣдника, вскорѣ долженъ былъ умереть бездѣтнымъ. Дѣло шло лишь о погубленіи юноши Димитрія. А потому Гуденовъ приказалъ умертвить его подосланнымъ отъ него замаскированнымъ злодѣямъ; но предувѣдомленная о семъ мать Димитрія, вмѣсто сына, уложила спать въ его ложе другаго равнаго ему возрастомъ мальчика и, боясь жестокости Борисовой, допустила умертвить онаго, а Димитрій съ однимъ изъ его дядекъ, посвященнымъ въ тайну, отправила тайкомъ въ безопасное мѣсто. Борисъ для сокрытія исполненнаго злодѣянія распустилъ молву, будто бы Димитрій умеръ отъ мороваго повѣтрія, а мать его, заключенную въ монастырь, суровыми угрозами принудилъ подтвердить это, хотя Димитрій тѣмъ временемъ (если вѣрно сказаніе) воспитывался въ Польской Руси. Вскорѣ потомъ умеръ Өеодоръ, и когда изъ рода великокняжескаго не осталось ни одного потомка, кромѣ Никиты Романова, дальняго, по матерней крови, племянника, Борисъ съ помощію бояръ, благосклонность которыхъ снискалъ онъ еще при жизни Өеодора, безъ затрудненія сталъ самодержцемъ. Но Димитрій, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, заявилъ знатность своего рода и различныя перемѣны судьбы своей. Сначала повѣсть его обращали въ смѣхъ; когда же онъ потомъ подтвердилъ ее многими вѣрными доводами и наружными примѣтами, то между иными панами удалось ему уговорить къ поддержкѣ его дѣла Сандомирскаго воеводу Юрія Мнишка. Онъ заключилъ съ нимъ договоръ, что когда онъ вступитъ на Московскій престолъ, то возметъ себѣ въ жены дочь его Марину, а понесенныя на все это предпріятіе издержки возвратитъ съ лихвою. Тогда воевода съ величайшей поспѣшностью сталъ собирать войско и взялъ къ себѣ въ товарищи князя Константина Острожскаго, также и другихъ пановъ, которые на свой собственный счетъ собрализначительный отрядъ войска. Съ нимъ Димитрій, въ концѣ того же года, и вторгнулся въ Московскіе предѣлы, имѣя замыселъ взойти на отеческій тронъ, что̀ ему довольно счастливо и удалось, если бы конецъ соотвѣтствовалъ началу, о чемъ смотри ниже. Дѣйствительно отъ этого въ государствѣ Московскомъ наступали великія перемѣны.

Сообщилъ архимандритъ Леонидъ.

ОТЗЫВЪ ГРИБОѢДОВА ОБЪ ЕГО КОМЕДІИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“.

Письмо къ П. А. Катенину.

Умнѣйшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ. Вчера я получилъ твое письмо, и знаешь ли, какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день и у огонька моей печки полсутки прожилъ съ тобою, почтенный другъ. Прежніе года съ такою полнотою оживились въ моей памяти! Давно я не проводилъ времени такъ уединенно, и между тѣмъ такъ пріятно!... Критика твоя, хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей: не уважая ни искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ-ли мнѣ въ ихъ мнѣніи?—Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ. Мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію. Дѣвушка, сама неглупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ слишкомъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противурѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ. Его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за то, что онъ немножко повыше прочихъ. Сначала онъ веселъ, и это порокъ: *Шутить и вѣкъ шутить! Какъ васъ на это станетъ?* Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ; что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты! Его насмѣшки неязвительны, покуда его не взбѣсятъ; но все-таки: *Не человѣкъ, змѣя!* А послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули, предается анаѳемѣ: *Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!* Не терпитъ подлости: *Ахъ! Боже мой, онъ карбонарій!* Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій; никто не повѣрилъ, и всѣ повторяютъ. Голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ; притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется. Онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь тоже разочарована на счетъ своего Сахара Медовича *).

---

*) Т.-е. Софья на счетъ Молчалина. П. Б.

Что же можетъ быть полнѣе этого? «Сцены связаны произвольно». Также какъ въ натурѣ всякихъ событій мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ; а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. «*Характеры портретны*». Да! И я, коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его. Портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи. Въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому настолько, насколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Каррикатуръ ненавижу; въ моей картинѣ не одной не найдешь.

Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностію. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился, и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Исаковымъ, Гречемъ, Булгаринымъ etc. etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальностію моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: Мѣщанинъ въ дворянствѣ, Мнимый Больной—портреты, и превосходные; Скупецъ—антропосъ собственной фабрики и несносенъ. «*Дарованія болѣе нежели искусства*»—самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли ея. Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобы поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и сидѣніемъ, искусства угождать теоретикамъ, т.-е. дѣлать глупости; въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силѣ: тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко. Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости; но чѣмъ ихъ менѣе, спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? *Nugae difficiles* *). Я какъ живу, такъ и пишу: свободно и свободно.

*

Василій Николаевичъ Пахомовъ (внучатный племянникъ Катенина) подарилъ письмо это К. С. Шидловскому, которымъ принесено оно въ даръ Московскому драматическому театру Корша. На подлинникѣ нѣтъ означенія времени, ни подписи; но принадлежность его Грибоѣдову подтверждается сличеніемъ почерка съ другими Грибоѣдовскими рукописями. Письмо это было уже напечатано въ журналѣ „Всемірный Трудъ“ 1868 года, № 2-й. П. Б.

---

*) Кривлянья несносны.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1818-й годъ.

Январь.

1-го я всталъ поздно и пошелъ съ поздравленіями къ Алексѣю Петровичу, который былъ дома, въ кругу трехъ или четырехъ своихъ; онъ былъ весьма веселъ. Отъ него пошелъ я къ Вельяминову.

Я былъ званъ на обѣдъ къ Попову, который праздновалъ имянины своего отца. Обѣдъ былъ прекраснѣйшій. Ѳеофилактъ тутъ же былъ; за обѣдомъ онъ велѣлъ діакону своему пѣть Алексѣю Петровичу многолѣтіе. Пѣвчіе и музыканты подхватили, всѣ закричали ура, и крикъ сдѣлался жестокій. Пили его здоровье. Ѳеофилактъ былъ нѣсколько подгулявши, и генералъ нашъ тоже. Послѣ обѣда велѣли пѣвчимъ пѣсни Русскія пѣть, и архіерей самъ мѣру показывалъ имъ. Шумъ, крикъ, музыка, пѣсни, барабаны, трубы гремѣли безостановочно до третьяго часа утра. Архіерейскихъ пѣвчихъ всѣхъ почти Поповъ нарѣзалъ, и самъ съ ними важно подпилъ. Только пѣвчіе діаконы поодиночкѣ все уходили; когда же мы простились съ Поповымъ, то нашли добрую часть пѣвчихъ и діаконовъ расположенною на улицѣ за воротами въ глубокомъ снѣ. Ихъ подняли и погнали домой; дорогой они шли и другъ о друга стукались.

3-го. Въ шесть часовъ вечера начался театръ. По желанію Алексѣя Петровича пригласили многихъ Грузинъ; играли сперва *Стряпчаго* и потомъ *Живаго Покойника*. Играли очень порядочно; отличались особенно Боборыкинъ, Сухановъ, Головалевъ, Бергъ, Бебутовъ и Майвалдовъ.

*) См. Р. Архивъ сего года, выпускъ 5-й. П. Б.

6-го. Съ десяти часовъ утра я пустился гулять, исходилъ весь городъ и, наконецъ, пришелъ къ Унгерну, откуда смотрѣлъ водоосвященіе на Іорданѣ. Обѣдалъ я нечаяннымъ образомъ у Майвалдова, гдѣ сыгралъ четыре игры въ шахматы съ Ключинымъ, аудиторомъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка. Онъ былъ при Ртищевѣ въ большой силѣ и управлялъ всѣми дѣлами. Ртищевъ былъ добрый, но слабый человѣкъ: онъ позволялъ всевозможныя злоупотребленія; упущеніе было ужасное по дѣламъ, взятки вездѣ брали, и Ключинъ особливо. Онъ даже затерялъ многія дѣла съ намѣреніемъ и женился, наконецъ, на горничной дѣвкѣ г-жи Ртищевой. Набивъ себѣ карманъ, онъ уѣхалъ отсюда, когда Алексѣй Петровичъ прибылъ; но Ермоловъ вытащилъ его изъ Россіи и за наказаніе опредѣлилъ его аудиторомъ въ полкъ. Теперь онъ смиренъ, тихъ. Прежде, говорятъ, къ нему приступа не было.

7-го. Послѣ обѣда я пошелъ къ Шегриманову и взялъ у него первый урокъ Турецкаго языка. Образъ ученья его мнѣ очень нравится; я съ нимъ занялся часа полтора и выучился почти связывать буквы. Я не нашелъ большой трудности въ письмѣ Арабскомъ, какъ всѣ говорятъ; напротивъ того, учащемуся гораздо легче разобрать Татарское письмо, нежели дурной почеркъ Европейскій. Татары же пишутъ довольно медленно и хорошо. Главное дѣло la généralisation *) во всякомъ ученіи. Тотъ, кто не ищетъ порядка общаго въ наукѣ, постигаетъ ее съ трудомъ; но приведя всѣ правила подъ общій порядокъ, весьма немудрено постигнуть ее въ скоромъ времени, особливо Татарское письмо, которое имѣетъ правила очень хорошія.

Ночевалъ я у Василья Бебутова.

9-го. Въ десятомъ часу пришелъ мой человѣкъ къ Петру Николаевичу и разбудилъ меня, сказавъ, что Ивановъ съ Боборыкинымъ поѣхали на съемку, по дорогѣ отъ Тифлиса въ Нафтлугъ, гдѣ Алексѣй Петровичъ намѣревается построить крѣпость и сдѣлать военный городъ. Я поскакалъ за городъ и нашелъ всѣхъ офицеровъ нашихъ, собранныхъ около мензулы моей. Ивановъ понятія не имѣетъ о мензульной съемкѣ: до 12-го часа бился на одномъ мѣстѣ и ничего не сдѣлалъ. Когда я пріѣхалъ, онъ сказалъ, что препоручаетъ мнѣ начатую съемку и спросилъ меня, нуженъ-ли онъ мнѣ? Я объявилъ ему, что мнѣ крайне пріятно было бы, еслибъ онъ взялся наносить ситуацію, на что онъ согласился. Я ему сіе потому предложилъ, чтобы не отвѣчать послѣ за нанесеніе ситуаціи: ибо работа сія неопредѣленная, а онъ можетъ придраться къ одному штриху, тогда какъ я бы за вѣр-

---

*) Обобщеніе. П. Б.

ность ручаться сталъ. И такъ я началъ съемку, а онъ обрисовывалъ; но какіе оказались недостатки въ бѣдномъ Ивановѣ по части познаній, требуемыхъ отъ офицера генеральнаго штаба! Онъ слѣдовалъ смиренно за мной и надумаетъ вдругъ, что онъ старшій, остановитъ всю связь работы и возметъ точку какую-нибудь ни къ селу, ни къ городу; потомъ, оставя ее, въ другую бросится сторону, желая такимъ образомъ маленькими измѣреніями соблюсти величайшую вѣрность. Я его оставлялъ въ такихъ случаяхъ и, когда онъ чувствовалъ себя не въ состояніи продолжать, я опять принимался за старую перевязку своей съемки, бросая его точки. Ивановъ никакъ не вѣритъ, чтобы можно мензулой снимать безъ цѣпи, не понимаетъ, какимъ образомъ точки опредѣляются засѣчками посредствомъ подобныхъ треугольниковъ и всякій разъ останавливался, чтобы повѣрять цѣпью и удивлялся, когда находилъ, что работа вѣрна. Однако же мы его крѣпко обидѣли и огорчили на съемкѣ тѣмъ, что съѣли весь его завтракъ и всю водку выпили, о чемъ онъ погоревалъ.

Въ сумерки мы возвратились домой. Я пробылъ съ часъ у Иванова, который взялъ скрипку и показалъ мнѣ опытъ своего искусства. Онъ прекрасно играетъ и вѣрно и, что меня удивляетъ, со вкусомъ, чего я не ожидалъ отъ человѣка невоспитаннаго.

11—15-го я былъ на съемкѣ, проводя въ полѣ весь день отъ семи часовъ утра до захожденія солнца. Ивановъ теперь хорошо понимаетъ съемку и ведетъ себя очень хорошо, много трудится и необыкновенно учтивъ. Унгернъ началъ дѣлать нивеллировку своимъ уровнемъ, и работа очень успѣшно идетъ.

23-го я пробылъ цѣлый день на съемкѣ и возвратился домой, когда уже свѣчи поданы были. Я засталъ своего Артемья пьянаго, и какъ сіе съ нимъ почти каждый день случается, то и отправилъ я его въ полицію для полученія 25-ти ударовъ палками.

25-го я былъ на съемкѣ цѣлый день, ввечеру были у меня Воейковъ, Бергъ и сынъ Роттіерса. Ивановъ опять началъ блажить, онъ не даетъ Воейкову формуляра, который ему необходимо нуженъ для перевода его въ полкъ. Ивановъ желаетъ симъ поступкомъ власть свою показать и, не смѣя прямымъ путемъ отказать, принялся за ложь: увѣряетъ Воейкова, что князь Волконскій ему написалъ выговоръ за то, что онъ далъ формуляры Щербинину и Лачинову.

26-го я заготовилъ для Воейкова письмо къ батюшкѣ, въ которомъ я описываю его самымъ лучшимъ образомъ, какъ онъ сего заслуживаетъ. Потомъ написалъ я ему бумагу въ артель нашу, дабы онъ въ оной былъ принятъ какъ старый пріятель.

Бумага сія слѣдующаго содержанія:

Постоянство всякому члену священной артели.

ДРУЖБА. ПРАВОТА.

Тебѣ, брату моему, листъ сей показываетъ Николай Воейковъ, который заслужилъ его въ моихъ глазахъ мыслями и поступками, сходными съ правилами знаменующими насъ. Да каждый изъ васъ ударитъ въ колоколъ, да соберется вѣче наше, да прочтутъ сіе писаніе въ думѣ нашей. Тамъ его вы испытайте и, буде слова мои окажутся справедливыми, удостойте его всѣми правами, которыми пользуется почтенная братія наша. Тогда да назовется онъ членомъ священнаго братства нашего; примите его въ бесѣду вашу и просвѣщайте.

Обѣдалъ я у Роттіерса. Подобной торы еще свѣтъ не производилъ. Онъ всѣхъ надуваетъ, обманываетъ и хочетъ меня тоже надуть. Прислалъ ко мнѣ нѣсколько дней тому назадъ Турецкій пистолетъ, очень порядочный; онъ мнѣ его продаетъ, а я не покупаю его, а держу въ закладѣ за книгу, которую онъ мнѣ обѣщался дать въ размѣнъ за камень, который я нашелъ въ полѣ и выдалъ ему за окаменѣлый хлѣбъ. Съ Жидомъ надобно Жидомъ быть. Теперь я вымѣнялъ у него Лезгинское знамя на куфическую монету. Я въ состояніи чортъ знаетъ что̀ сдѣлать, чтобъ обмануть его.

Воейкова провожалъ я съ Боборыкинымъ до рѣки Веры за карантинъ. Намъ жаль было разстаться съ хорошимъ, милымъ товарищемъ и офицеромъ.

Въ ночи съ 28-го на 29-е пріѣхалъ сюда фельдъегерь съ извѣстіемъ о производствѣ Вельяминова въ генералъ-маіоры, о назначеніи брата его сюда въ дивизіонные командиры, о производствѣ Унгерна, Каховскаго и прочихъ. А о посольскихъ ни слова, какъ будто бы ихъ на свѣтѣ не бывало. Я не могу еще повѣрить, чтобы главнокомандующему ничего не дали за такое великое дѣло. Неужели бы Государь былъ не признателенъ къ Алексѣю Петровичу за столь высокую услугу, оказанную имъ отечеству и сопряженную съ большими трудами и опасностью?

1-го Февраля я провелъ утро у Петра Николаевича, который сказалъ мнѣ, что Государь приказалъ 8-му Егерскому полку идти изъ Крыма на линію для предполагаемой войны съ Чеченцами и что Чеченцы, узнавъ о приготовленіяхъ нашихъ, убираются въ горы, гдѣ голодъ заставитъ ихъ скоро выйдти на равнину и просить у насъ службы. Тогда обратятъ ихъ въ казаки. Кажется, что начертаніе сіе должно исполниться.

Я обѣдалъ у Француза съ Розеномъ, который разсказалъ мнѣ о разныхъ непріятныхъ происшествіяхъ, случившихся недавно у нихъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Ему должно быть весьма грустно жить въ обществѣ пьяницъ и людей безъ воспитанія, изъ коихъ весь полкъ безъ исключенія составленъ.

5-го. Послѣ обѣда собралось множество народа у главнокомандующаго для устроенія Тифлисскаго Библейскаго Общества по желанію Государя. Собрано было много подписокъ. Тѣ, которые подписались на ежегодное внесеніе, суть члены Общества, въ томъ числѣ и я. Я подписался на ежегодное внесеніе 25 рублей. Ахундъ здѣшній, или духовный начальникъ Магометанской вѣры, также подписался и выбранъ былъ въ директоры. Экзархъ всей Грузіи Ѳеофилактъ тутъ присутствовалъ и съ Алексѣемъ Петровичемъ выбиралъ директоровъ и президентовъ. Послѣ выборовъ Алексѣй Петровичъ сѣлъ съ нами въ цхру играть, и я домой воротился въ три часа утра, выигравъ семь абазовъ.

6-го я обѣдалъ дома, на вечеръ былъ званъ Бебутовымъ въ баню съ Боборыкинымъ. Туда должны были придти Петръ Николаевичъ и князь Горчаковъ. Я долженъ былъ привести человѣкъ 10 музыкантовъ, которые бы играли подъ сводами въ то время, какъ мы купались и нѣжились; словомъ, должно было роскошествовать. Но Петръ Николаевичъ не пріѣхалъ, потому что снѣгъ большой пошелъ, музыку въ банѣ отмѣнили, и мы пошли втроемъ; съ нами было еще человѣка четыре здѣшнихъ князей. Терлись, мылись и купались часа два; я по обыкновенію своему велѣлъ себя ломать парильщику, по обычаю Азіатскому и, насладившись всевозможной роскошью, вышелъ въ предбанникъ, гдѣ курилъ кальянъ, растянувшись на постланныхъ коврахъ и подушкахъ. Когда всѣ изъ воды вышли, то стали пить чай, ужинать и въ карты играть. Во 2-мъ часу пополуночи я поѣхалъ домой съ Боборыкинымъ и рѣшился впередъ избѣгать общества здѣшнихъ князей, которые по необразованію и глупости своей обращаются какъ будто въ кабакѣ. Я изъ уваженія къ Бебутову, у котораго я былъ гостемъ, не съѣздилъ палкой по головѣ нѣсколько разъ князя Аргутинскаго: единое средство для усмиренія ихъ.

11-го я провелъ утро у Иванова и кончилъ обрисовку перваго листа моей съемки. Вступивъ въ разговоръ съ Ивановымъ, я имѣлъ еще случай увѣриться въ нищемъ состояніи его умственныхъ способностей. Я говорилъ ему, что, можетъ быть, будетъ онъ на дняхъ произведенъ въ генералы по общему производству посольскихъ чиновниковъ. Онъ отвѣчалъ, что рѣшительно не желаетъ сего чина. «Вы сами согласитесь съ этимъ, Николай Николаевичъ», продолжалъ онъ, «генеральскій чинъ требуетъ слишкомъ много наружнаго и внутренняго, а я, къ несчастію моему, не имѣю ни того, ни другаго». Я едва отъ смѣха удержался. Потомъ завелась у насъ рѣчь о работахъ, произведенныхъ чиновниками въ посольствѣ. Его ужасно безпокоитъ общество, учрежденное тогда мною и Худобашевымъ для

описанія Персіи. «Виноватъ ли я, Григорій Тимоѳеевичъ», говорилъ я ему, «что вы не хотѣли повѣрять мнѣ ничего по службѣ. Сколько разъ просилъ я васъ сдѣлать меня участникомъ въ вашихъ занятіяхъ.»—«Вы обществомъ занимались, и потому вамъ не для чего было по службѣ заниматься.»—«Я вамъ, кажется, нѣсколько разъ говорилъ, что въ обществѣ я занимался частно, а что, если служба требовала бы у меня цѣлый день, то бы я обществомъ занялся ночью или оставилъ бы оное».—Я общество очень хвалю; самъ для того не вступилъ въ оное, потому что Алексѣй Петровичъ хотѣлъ приказать мнѣ вступить въ оное, а что приглашенія я никакого не имѣлъ.—«Алексѣй Петровичъ подписался членомъ, какъ и всѣ прочіе, и потому не могъ приказывать вамъ сего. Что же касается до приглашенія, то вы не отопретесь отъ того, что я васъ три раза просилъ отъ имени всѣхъ вступить въ оное».—Правда, и я сожалѣлъ, что оно рушилось.—«Оно не рушилось, всѣ статьи у меня». Ивановъ удивился.—У васъ? продолжалъ онъ, ну такъ вы можете оправдаться славнѣйшимъ образомъ передъ начальствомъ, издавъ ихъ.—«Я никогда не буду такъ подлъ, чтобы пользоваться трудами товарищей своихъ; оправдываться же я не имѣю нужды, потому что по службѣ я ни въ чемъ не виноватъ и сомнѣваюсь, чтобы вы могли меня въ чемъ бы то ни было обвинить».—Справедливо, вы не виноваты; но мнѣ генералъ никакихъ средствъ не давалъ для исполненія моей обязанности; онъ едва позволилъ мнѣ нанять на свой счетъ дурнаго переводчика.—«Развѣ вы забыли, какъ я вамъ въ Тифлисѣ еще до выѣзда нашего предлагалъ себя и товарищей своихъ, чтобы вмѣстѣ платить переводчику.» Да, конечно, это правда, но онъ не могъ бы всѣмъ услужить.—«Что до того за дѣло? Вы видѣли добрую волю нашу и сколь мы желали заниматься».—Генералъ на меня былъ сердитъ; я не могу забыть, какъ онъ, узнавъ въ Шангелабадѣ, что у насъ въ палаткѣ поймали фалангу, сказалъ: «Я думалъ, что въ этой палаткѣ живутъ только три фаланги, а ихъ вышло четыре». Когда я увидѣлъ такую ребяческую глупость въ немъ и такое низкое подозрѣніе на почтеннѣйшаго человѣка, который имѣлъ бы двадцать благороднѣйшихъ средствъ показать полковнику свое неудовольствіе, я замолчалъ и сѣлъ за работу. Ивановъ все бурлилъ. Зачѣмъ меня сравнивать, говорилъ онъ, съ симъ ядовитымъ звѣремъ? Я, кажется, еще никому зла не дѣлалъ.—«Правда, думалъ я, про себя, а развѣ....»

12-го. Ввечеру я былъ на балѣ, который дворянство давало Алексѣю Петровичу. Балъ былъ въ Горстубакскомъ домѣ главнокомандующаго и отзывался скудностью и скупостью, тогда какъ все дворянство сложилось для сего. Комнаты не имѣли никакого убранства,

освѣщеніе было весьма плохое, ужинъ средственный и вина неотличны. Грузины цѣлую недѣлю хлопотали о семъ балѣ, собрали 1050 р. сер. и не издержали половины сего. Всякій изъ нихъ, внесшій малую долю свою, имѣлъ право кричать изъ абаза и счеты вести. Церемонимейстерами были Авессаломъ Бебутовъ, Баратовъ, уѣздный маршалъ, Василій Бебутовъ, Шіомъ Тумановъ и Аргутинскій. Всѣ Тифлисскія дамы на балѣ были. Изъ порядочныхъ была одна жена Эйхфельдена, начальника горной части. Прочія представляли какихъ-то фурій, бѣснующихся тѣлодвиженіями, и, по здѣшнему обыкновенію, пущались въ неприличные разговоры. Были и недурныя собою женщины, въ томъ числѣ Габашвильша, стройная и прекрасная молодая женщина, но безъ дальняго обращенія; Лубкина, высокая, стройная, но глупая рожа, сидитъ колѣна накрестъ, танцуетъ безъ перчатокъ съ грязными руками. Но всѣхъ уморительнѣе была Роттіерсша. Алексѣй Петровичъ прозвалъ ее Медузой, и нельзя ей лучшаго имени дать: старая, худая, гадкая, маленькая, она пущается во всѣ танцы, не умѣя шага ступить, спотыкается, прыгаетъ, присядаетъ и потѣетъ. Въ кавалерахъ отличались слѣдующіе: Энгольмъ, съ совершенными отечественными ухватками, т.-е. Жидовскими,—неотлучный рыцарь Роттіерсши. Каховскій, вѣчно въ ссорѣ съ мѣрой, съ презабавными дерганіями; онъ упалъ и, чтобы загладить вину свою, просилъ опять даму свою Эйхфельдшу на слѣдующій танецъ, но получилъ отказъ и съ досады пошелъ играть въ цхру, гдѣ онъ обыкновенно отличается крикомъ за абазы.... Сонинъ, увѣренный, что онъ въ ловкости никому не уступитъ; танцуя лягаетъ, плюетъ, хохочетъ неблагопристойнымъ образомъ и, разсказывая дамамъ преглупыя вещи, самъ помираетъ со смѣху; впрочемъ совершенно увѣренъ, что Тифлисское женское общество совсѣмъ не изъ послѣднихъ. Вновь прибывшій инженерный прапорщикъ, затянутый въ три погибели, морда впередъ, и кулакъ подъ бокъ. Онъ съ Сонинымъ взаимно уважаютъ другъ въ другѣ ловкость и стараются перенимать одинъ у другаго. Артилерійскій какой-то прапорщикъ, который держится порядочно, но едва ощупаетъ женскую руку и двинется, какъ сгорбится и не знаетъ мѣры натугѣ своей; онъ хватъ, и Сонинъ хватъ, и инженеръ-прапорщикъ тоже хватъ. Всѣ три хваты, и каждый въ своемъ родѣ. Самойловъ по обыкновенію своему отличался ловкостью и благородной осанкой. Коцебу тоже, чего я никакъ отъ него не ожидалъ.

Я пришелъ домой сегодня въ пять часовъ утра. Вчерашняго числа уѣхалъ изъ Тифлиса Поповъ, командированный въ Крымъ съ препорученіемъ къ Ланжерону; онъ везетъ къ нему бумаги, по кото-

рымъ 8-й Егерскій полкъ долженъ идти на линію, для зачатія войны съ Чеченцами; нѣкоторые баталіоны Грузинскаго корпуса также получили повелѣніе идти къ Кизляру.

Ввечеру я получилъ посылки изъ Москвы, трехугольную шляпу, карандаши, сургучъ и прочія мелочи; также получилъ я двѣ круглыя шляпы, которыя я обѣщался въ Таврисъ послать къ Англинскому офицеру Monteith, который на обмѣнъ долженъ прислать мнѣ книги, выписанныя изъ Англіи; книги должны идти черезъ Петербургъ, а я объ нихъ еще никакого извѣстія не имѣю.

15-го я не поѣхалъ на съемку по причинѣ вѣтра. Впрочемъ вотъ уже три или четыре дня какъ сдѣлалась весенняя погода: въ полѣ уже цвѣты начали показываться. Я былъ на званомъ обѣдѣ у князя Чавчавадзева, который праздновалъ свой полковничій чинъ. За обѣдомъ многіе подпили. Всѣ хохотали, кричали, и генералъ Загорскій, надѣвъ на себя Грузинскую шапку, пустился въ пляску. Но самая сильная тамаша происходила въ маленькой комнатѣ, въ которой обѣдали Горчаковъ, комендантъ Анненковъ, Каховскій, Боборыкинъ и я. Дѣло вотъ въ чемъ состояло. Петръ Николаевичъ затѣялъ нѣсколько дней тому назадъ дать балъ, не зная самъ кому: то онъ говорилъ, что балъ сей для Алексѣя Петровича, то для Грузинскаго дворянства. Онъ назвалъ себя, съ согласія нѣкоторыхъ, директоромъ и сдѣлалъ подписку, по которой желающіе участвовать должны вносить не болѣе 25 рубл. ассигнаціями. Третьяго дня заставили Горчакова и Боборыкина подписаться. Вчера же за обѣдомъ я завелъ рѣчь о семъ и объявилъ, что намъ ни къ какой стати не слѣдуетъ благодарить баломъ Грузинское дворянство, которое праздникъ давало не намъ, а генералу, а что, если балъ сей дѣлается для Алексѣя Петровича, то надобно въ складчину давать больше 25 рубл., чтобы сдѣлать нѣчто порядочное и что въ послѣднемъ случаѣ гораздо лучше дождаться, чтобы Алексѣя Петровича произвели въ полные генералы. Еще я находилъ, что весьма нехорошо сдѣлали, назначивъ директора, распорядясь для праздника безъ согласія или мнѣнія тѣхъ соучастниковъ, которые на то имѣли равное право; что хотя бы всѣ единогласно просили Петра Николаевича быть директоромъ, то все-таки должно было соблюсти правила благопристойности и учтивости тамъ, гдѣ сношенія наши выходятъ уже не частныя, а общія. Горчаковъ и Боборыкинъ за меня спорили. Петръ Николаевичъ не хотѣлъ дѣла понять, разсердился и сказалъ мнѣ нѣсколько непріятностей, объявивъ, что безъ насъ они легко обойдутся, что первые затѣйщики бала были въ правѣ выбрать безъ нашего спроса директора, а что впрочемъ онъ намъ представляетъ подписку съ вышесказанными условіями. Я

ему отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я внесу деньги, а не подпишусь, потому что голоса не имѣю, а что тогда онъ обязанъ мнѣ дать за мои деньги поѣсть и даму танцовать, если мнѣ вздумается; что въ такомъ случаѣ я принимаю сей балъ за *шустеръ-клубъ* и приду въ самое время танцевъ съ 25 рубл. и требованіемъ. Петръ Николаевичъ былъ подпивши и посердился на меня; однакоже я его увѣрялъ, что онъ сегодня будетъ иначе думать. Между тѣмъ комендантъ нализался и хотѣлъ заступиться за Ермолова. Онъ тѣмъ началъ, что сталъ *тыкать* Горчакова, который сдѣлалъ ему замѣчаніе, что онъ говоритъ неучтиво. Комендантъ отвѣчалъ ему грубо. Горчаковъ ему сказалъ, что онъ слова сіи приписываетъ нездоровому его состоянію. Тотъ ему сказалъ еще грубостей; но Горчаковъ, видя, что Л. по природѣ не будучи человѣкъ весьма умный, а еще болѣе въ то время пьянъ, не отвѣчалъ ему, и дѣло такъ кончилось.

Но всѣхъ забавнѣе былъ Сонинъ, который избранъ былъ строителемъ для бала. Никто объ немъ не упоминалъ, онъ симъ обидѣлся, и ему послышалось, что я и Боборыкинъ споримъ за него; онъ вступился за себя, называя себя обиженнымъ, напоминая театръ, гдѣ онъ также строилъ полъ. Сіе произвело только сильный смѣхъ, и все дѣло кончилось шутками; однакоже ничего не рѣшили. Говорятъ, что листъ для подписки изорванъ.

Послѣ обѣда пріѣхалъ изъ Петербурга фельдъ-егерь и не привезъ ничего занимательнаго для насъ. Онъ привезъ съ собой одного лейбъ-уланскаго корнета Якубовича, котораго перевели тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ за то, что онъ былъ секундантомъ кавалергардскаго офицера Шереметева на поединкѣ его съ Завадовскимъ. Шереметевъ былъ убитъ, Завадовскаго простили, а секунданта наказали.

16-го. Докторъ Миллеръ былъ у меня поутру и вырѣзывалъ у меня изъ горла наростъ, который уже больше десяти дней какъ процвѣталъ; сіе самое помѣшало мнѣ на съемку ѣхать. Вчера я получилъ письма, одно отъ батюшки, другое отъ сестры Лизы Полторацкой, и третье отъ Воейкова. Братъ Андрей, маленькій Бѣлосельскій и Озеровъ также писали ко мнѣ, прося меня, чтобы я имъ прислалъ по Черкесскому платью.

17-го. Вчера началась по обыкновенію здѣшнему на масляницѣ тамаша или игрица. Всѣ жители Тифлиса собираются за городомъ и дерутся деревянными саблями и каменьями, причемъ каждый годъ убивается нѣсколько человѣкъ и доброе число увѣчится. Мальчики же собираются на улицахъ съ знаменами и бубнами и просятъ у проходящихъ денегъ. Вотъ народныя игрища здѣшнія; они знаменуютъ нѣ-

которымъ образомъ нравы и расположенія Грузинъ. Деньги должны непремѣнно входить въ сіи игры, и лучшихъ фамилій князья ходятъ за городъ толпою драться; сыновья же ихъ милостыню просятъ нахальнымъ образомъ и не оставляютъ сего средства доставать деньги, хотя имъ часто и весьма часто отъ Русскихъ удары попадаются.

Каховскій вчера ввечеру отличился. Какая привязанность къ деньгамъ, какія рѣчи радостныя при выигрышѣ, какая скорбь при проигрышѣ!... Какой шумъ онъ за двадцать копѣекъ подымаетъ! Его прозвали Каховскимъ-Цхринскимъ, по пристрастію, которое онъ имѣетъ къ карточной игрѣ цхрѣ.

Вчера я просилъ Петра Николаевича внести за меня 25 рубл. въ складчину для бала: лучше, пускай, онъ будетъ явно виноватъ, нежели бы стали меня подозрѣвать въ упрямствѣ.

20-го. Я былъ разбуженъ Бергомъ, прибывшимъ 19-го числа изъ Эривани. Отъ меня онъ побѣжалъ къ Алексѣю Петровичу оправдаться въ его мнѣніи. Генералъ читалъ въ какомъ-то журналѣ письмо изъ Тифлиса, въ которомъ городъ здѣшній крѣпко ругаютъ. Кто-то сказалъ Алексѣю Петровичу, что это Бергъ написалъ; оно и вѣроятно было, судя по дорогѣ, по которой Бергъ въ Тифлисъ пріѣхалъ. Генералъ посердился, сказалъ, что такимъ письмомъ можно отвратить желающихъ сюда на службу пріѣхать, и, что надобно кому-нибудь изъ насъ истребить въ журналѣ сочинителя сего письма. Бергъ объяснился съ генераломъ и оправдался.

22-го. Я получилъ письмо отъ брата Александра, который пишетъ мнѣ, что онъ былъ арестованъ Государемъ въ крещенскій парадъ за сдѣланную ошибку четырьмя унтеръ-офицерами, послѣ чего онъ подалъ прошеніе въ отставку; ему прошеніе возвратили; онъ рапортовался больнымъ, дабы въ Сентябрѣ подать новую просьбу; лекарямъ не велѣли ему давать свидѣтельства о болѣзни, но онъ не менѣе того рѣшился дождаться Сентября мѣсяца и оставить службу. Братъ прислалъ мнѣ также письмо къ Алексѣю Петровичу. Опасаясь, чтобы въ ономъ не было чего касательно меня, я распечаталъ письмо и прочелъ оное. Братъ пишетъ генералу, что слухъ носится, что его скоро произведутъ въ полные генералы, послѣ чего, выхваляя его высокія качества, напоминая ему о Кульмскомъ сраженіи, онъ даетъ генералу чувствовать, сколь ему пріятно было бы служить подъ начальствомъ его. Письмо сіе содержитъ множество похвалы, хотя и истинной; но Алексѣй Петровичъ ея не любитъ и могъ бы счесть сіе письмо за присланное къ нему по моей просьбѣ, чтобы напомнить ему о себѣ, и потому я совѣтовался съ Боборыкинымъ, не зная, отдать ли оное генералу или нѣтъ. Къ тому же братъ писалъ сіе

письмо въ минуту отчаянія, и оно наполнено выраженіями, кои могли бы не понравиться генералу. Я не въ правѣ, конечно, былъ распечатать письмо; но оно отъ брата, и я сіе дѣлаю изъ любви къ нему.

Боборыкинъ получилъ извѣстіе, что въ Москвѣ носится слухъ, будто бы, въ пребываніе наше въ Султаніи, старшій сынъ шаха Магмедъ-али-Мирза прибылъ съ 40.000 войскъ, и что посолъ, испугавшись сего, возвратился такъ скоро назадъ. Великій Ермоловъ нашъ имѣетъ много непріятелей, которые, не любя отечества своего, стараются замарать его.

23-го. Я пошелъ поутру къ Петру Николаевичу, чтобы спросить у него совѣта о письмѣ братниномъ. Онъ мнѣ присовѣтовалъ отдать его генералу, что̀ я и сдѣлалъ. Я разсказалъ генералу несчастье, случившееся съ братомъ. Алексѣй Петровичъ принималъ участіе въ немъ и сказалъ: «Пускай же онъ теперь въ Грузію путешественникомъ пріѣзжаетъ». Я отвѣчалъ, что братъ весьма счастливъ былъ бы здѣсь служить. Алексѣй Петровичъ разсказалъ мнѣ при семъ два случая подобныхъ, которые онъ имѣлъ. На одномъ изъ Франкфуртскихъ парадовъ ему велѣно было арестовать дивизіоннаго начальника Удома, что̀ онъ отказался сдѣлать, и когда Великій Князь или Государь повторили ему повелѣніе сіе сдѣлать, то онъ отвѣчалъ, что онъ пришлетъ свою собственную шпагу, и что тогда онъ не будетъ никогда имѣть подлости ее назадъ взять. И дѣло такъ осталось! «Также, продолжалъ Алексѣй Петровичъ, долженъ былъ Розенъ заступиться за брата твоего; но онъ сего не сдѣлалъ».—«Розенъ нѣсколько дней передъ симъ былъ въ ссорѣ съ братомъ», отвѣчалъ я.—«Что̀ нужды», продолжалъ почтенный Алексѣй Петровичъ, «ссора сія не должна бы препятствовать ему въ семъ поступкѣ. Когда мы въ 1815 году вступили въ Парижъ парадомъ, продолжалъ Ермоловъ, я командовалъ корпусомъ, и Государь приказалъ мнѣ арестовать на Англинской гаубтвахтѣ двухъ полковыхъ командировъ за то, что несчастный какой-то взводъ съ ноги сбился.—«Государь, сказалъ я, полковники сіи отличнѣйшіе офицеры, уважьте службу ихъ, а особливо не посылайте ихъ на иностранную гаубтвахту: у васъ есть Сибирь, крѣпость»—«Исполняйте долгъ свой», закричалъ Государь, и я замолчалъ, но не арестовалъ полковниковъ, думая, что это также пройдетъ. Въ случаѣ еслибъ Государь спросилъ объ нихъ, у меня заготовленъ былъ отвѣтъ, что они повели полки свои на квартиры въ селенія. Ввечеру Государь спросилъ у князя Волконскаго, арестованы ли полковники, и, какъ ихъ на гаубтвахтѣ не было, то онъ раскричался на Волконскаго и стращалъ его самого арестомъ. Волконскій, испугавшись, послалъ адъютантовъ своихъ отыскивать меня по всему Парижу

меня нашли въ театрѣ. Адъютантъ Христомъ Богомъ умаливалъ меня, чтобы я расписался въ полученіи записки Волконскаго; я принужденъ былъ выдти въ фойе и тамъ росписался. На другой день я пробовалъ просить Государя; не помогло: я получилъ отказъ, и принужденъ былъ арестовать полковниковъ на Англинской гаубтвахтѣ».

Какъ не обожать великаго Алексѣя Петровича!

Ввечеру я былъ на балѣ, въ которомъ самъ участвовалъ 25 рублями. Убранство комнатъ было прекрасное, и балъ веселый. Я не танцовалъ, имѣлъ случай познакомиться съ генеральшей Ахвердовой, Прасковьей Николаевной *); она кажется мнѣ женщина весьма почтенная и умная.

24-го я обѣдалъ дома, ввечеру былъ званъ на балъ, который давалъ самъ Алексѣй Петровичъ. Народа было немного, и балъ сей весьма хвалятъ. Послѣ ужина Алексѣй Петровичъ объявилъ Landsturm или поголовное вооруженіе всѣхъ молодыхъ и старыхъ для танцованія экосеса. Онъ самъ танцовалъ и очень хорошо. За что онъ ни возмется, онъ все хорошо дѣлаетъ.

25-го я былъ званъ на постный обѣдъ къ князю Шіому Туманову, у котораго даже рыбы не было. Ввечеру я былъ у генеральши Ахвердовой, гдѣ игралъ на клавикордахъ; я съ часъ около нихъ сидѣлъ и былъ ими такъ обрадованъ, что не могъ ничего вспомнить. Не видя столь долгое время порядочнаго общества, какъ мнѣ оное странно показалось!

27-го. Я обѣдалъ у Алексѣя Петровича, который былъ очень любезенъ и веселъ: онъ мнѣ обѣщался дать 1000 рубл. въ займы до Октября мѣсяца и позволилъ мнѣ взять къ себѣ клавикорды его, когда генеральша Ахвердова уѣдетъ; онѣ теперь у нея находятся.

Вчера Боборыкину досталось отъ генерала, но весьма напрасно; впрочемъ выговоры Алексѣя Петровича были болѣе похожи на ласки, и ему самому такъ совѣстно было, что онъ цѣлый вечеръ искалъ самъ случая развеселить Боборыкина и такъ сказать *подличилъ передъ нимъ*; но онъ разсердился порядкомъ на Горчакова, котораго къ счастью тутъ не было. Вотъ въ чемъ дѣло состояло. На послѣднихъ балахъ самъ Алексѣй Петровичъ, желая посмѣяться надъ Горчаковымъ, потому что онъ волочится за Мерлиной, подослалъ Каховскаго къ ней, чтобы возродить ревность Горчакова. Горчаковъ дѣло смекнулъ, предупредилъ Мерлину, которая осмѣяла Каховскаго, увѣ-

*) Урожденной Арсеньевой. См. письма къ ней А. С. Грибоѣдова въ Р. Архивѣ 1881, II, 177 Ея падчерица была потомъ первою супругою Н.Н. Муравьева-Карскаго. П. Б.

реннаго въ удачѣ своего предпріятія и говорящаго непозволительныя рѣчи на счетъ Горчакова. Наконецъ, когда Каховскаго огорошили, онъ пошелъ жаловаться Алексѣю Петровичу на Горчакова, и Горчаковъ получилъ черезъ Мадатова замѣчаніе отъ имени генерала. Вчера же несчастный Боборыкинъ, который въ семъ дѣлѣ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, также попался, потому что онъ былъ свидѣтелемъ происшествія. Каховскій наговорилъ на него, и Алексѣй Петровичъ, самъ затѣявши дѣло и увидя неудачу его, увѣрилъ себя, что Горчаковъ точно ревнуетъ и обижаетъ Каховскаго, вступился за подлеца и наговорилъ множество непріятныхъ словъ на счетъ Горчакова. Я не понимаю поступка генерала: должно простить его горячности, а, вѣрно, онъ послѣ самъ дѣло разсудитъ и поправитъ его. Какъ я было обманулся въ Каховскомъ въ первые дни нашего знакомства съ нимъ!

Вчера ввечеру былъ еще у генерала одинъ Итальянецъ, котораго недавно сюда казаки доставили. Поймали его въ Имеретіи и сочли за шпіона. Итальянецъ сей набитый дуракъ и шутъ, путешествовалъ въ Египтѣ, скитается вездѣ безъ денегъ, безъ всего и хочетъ опредѣлиться лѣкаремъ у сардаря Эриванскаго; но Алексѣй Петровичъ его отсюда не выпускаетъ, потому что онъ отличный шутъ. Вчера онъ поднесъ генералу рисунокъ пресмѣшной, въ которомъ имя Ермолова написано на флагѣ, прикрѣпленномъ къ сломанному столпу; деревья добродѣтели и чести по сторонамъ растутъ, и къ сему приложено нѣсколько пребѣднѣйшихъ стиховъ. Онъ все самъ толковалъ. Итальянецъ сей носитъ въ штанахъ подъ бантомъ собраніе разныхъ камней, съ росписаніемъ, отъ какой они болѣзни лечутъ; камни сіи самые простые, а онъ ихъ цѣнитъ сотнями червонцевъ. Между прочимъ есть у него маленькій кусочекъ горнаго хрусталя, который онъ считаетъ за алмазъ и держитъ его въ послѣднемъ отдѣленіи... Надъ нимъ посмѣялись и отпустили. Онъ обѣщался сдѣлать подобныя картины и стихи для Государя и для Государыни.

1-го Марта. Я пошелъ къ обѣднѣ, гдѣ предался чувству уваженія, которое вселяетъ во всякаго, даже мыслящаго человѣка церковный обрядъ, особливо на сей первой недѣлѣ Великаго поста служба весьма занимательна. Екзархъ вчера самъ служилъ, пѣвчіе очень порядочно пѣли.

2-го я кончилъ совершенно съемку, работалъ какъ бѣшеный, метался по горамъ и кончилъ еще довольно рано.

5-го. Артилерійскія казармы со слободкой обставили цѣпью часовыхъ, кои не выпускали и не впускали туда ни одного человѣка изъ предосторожности къ чумѣ, отъ которой умерло четыре человѣка. Въ число заключенныхъ попались генералъ Мерлинъ съ женой и Гор-

чаковъ. Ввечеру была сильная гроза, что я въ Тифлисѣ еще въ первый разъ видѣлъ. Въ семь часовъ я пошелъ къ Эйхфельду и пробылъ у него по неволѣ до четвертаго или пятаго часа утра.

6-го. Слухи о чумѣ оказались ложными. Докторъ Миллеръ ѣздилъ свидѣтельствовать окарантинованныхъ и не нашелъ никакого признака сей болѣзни, послѣ чего всѣхъ выпустили.

Ввечеру я былъ у Курганова, который просилъ меня поправить замѣчанія, написанныя имъ во время путешествія его изъ Кизляра къ Лезгинцамъ въ 1816 году: онъ былъ посланъ отъ нашего двора къ царевичу Александру, чтобы уговорить его ѣхать въ Петербургъ; ему не удалось, и онъ мѣсяцъ просидѣлъ въ оковахъ. Мы начали чтеніе его записокъ, которыя довольно занимательны. Ошибокъ въ нихъ много; но я никогда не ожидалъ, чтобы человѣкъ, не получившій съ младенчества воспитанія, ничему не учившійся, могъ такъ хорошо изобразить свое путешествіе и замѣчанія. Позже я пошелъ къ Самойлову, у котораго очень долго сидѣлъ и игралъ.

8-го ввечеру я пошелъ къ фельдъ-егерскому капитану Стабушу и условился съ нимъ объ отправленіи съ ѣдущимъ фельдъ-егеремъ посылки къ батюшкѣ, изъ четырехъ барсовыхъ шкуръ состоящей. Потомъ побылъ я у Курганова, у котораго пересматривалъ записки. Братъ его Ѳома Осиповичъ Кургановъ тутъ же былъ. Онъ знаетъ очень хорошо Армянскій языкъ и много читалъ на семъ языкѣ; мы съ нимъ долго говорили о царствѣ Армянскомъ, и въ доказательство, что въ царствѣ семъ въ древнія времена процвѣтали науки, онъ мнѣ показалъ Армянскую геометрію весьма древнюю.

9-го. Бергъ устроилъ у меня эолову арфу; вѣтръ былъ очень хорошій, и божественные звуки сего орудія такъ впечатлѣлись въ моей памяти или въ моемъ воображеніи, что цѣлый день мнѣ казалось я слышалъ ихъ.

Я былъ у Горчакова, гдѣ были собраны нѣкоторые изъ нашихъ. Передъ обѣдомъ стрѣляли въ цѣль изъ пистолета, и я всѣхъ лучше попалъ. На вечеръ я былъ званъ къ Петру Николаевичу, который давалъ вечеринку; онъ имѣетъ даръ убрать комнаты со вкусомъ и дѣлать сіи вечеринки весьма пріятными; у него были клавикорды генеральскіе, и я шесть часовъ битыхъ не отходилъ отъ нихъ.

12-го я обѣдалъ дома; послѣ обѣда пошелъ къ Шегриманову и началъ съ нимъ дѣлать Россійско-Турецкій лексиконъ. Отъ него пошелъ я къ Курганову, а вечеръ провелъ я у генерала князя Мадатова, у котораго были собраны нѣкоторыя дамы здѣшнія. Хотѣли танцовать и просили меня остаться съ тѣмъ, чтобы играть имъ на клавикордахъ; но Алексѣй Петровичъ помѣшалъ сему: онъ сказалъ,

что могутъ танцовать, когда онъ уйдетъ, и остался нарочно до трехъ часовъ утра, выпроводивъ всѣхъ дамъ, и я напрасно просидѣлъ такъ поздно. Алексѣй Петровичъ заставилъ всѣхъ дамъ играть въ веревочку и продержалъ ихъ два часа за игрой сей, что̀ имъ весьма надоѣло.

Съ мѣсяцъ тому назадъ я обѣдалъ у князя Чавчавадзева, и подлѣ меня сидѣла одна родственница его, вышедшая замужъ за какого-то Орбеліанова. Ей не больше 16-го года, она рѣдкой красоты и большая кокетка. Вчера, идя къ Шегриманову, я ее встрѣтилъ; она шла съ какими-то старухами. Узнавъ меня, она остановилась, раскрыла чадру свою и, улыбнувшись, оглядывалась; но она сіе такъ ловко сдѣлала и показала такое чудесное лицо, что я не могъ не изумиться. Та́кое кокетство и такую ловкость весьма странно въ Грузинкѣ увидѣть.

15—18. Я игралъ оба нотурны Фильдовы съ валторной и фаготомъ; они шли очень хорошо. Я не могу надивиться красотѣ сей музыки. Унгернъ сидѣлъ у меня, и мы долго разговаривали о Бергѣ. Бергъ путешественникъ и въ журналѣ своемъ не то пишетъ, что̀ видитъ, а то, что̀ чувствуетъ; сіе отъ того происходитъ, что онъ не обязанъ видѣть, и онъ скитается безъ службы лучшіе года свои, издерживаетъ въ путешествіяхъ большія деньги и не извлекаетъ отъ оныхъ никакой пользы себѣ.

19-го. Поутру уѣхалъ изъ Тифлиса на линію генералъ-маіоръ Ахвердовъ съ семействомъ. Ввечеру пріѣхалъ фельдъ-егерь и привезъ Алексѣю Петровичу извѣстіе о производствѣ его въ генералы отъ инфантеріи. Извѣстіе сіе насъ всѣхъ крайне обрадовало, а меня особливо: меня радовало въ семъ производствѣ благо отечества и удовольствіе великаго генерала нашего. Я пошелъ поздравить его; у него много народа было, и онъ игралъ въ бостонъ. Онъ привѣтилъ меня, пожавъ мнѣ руку и поцѣловавъ меня.

Петръ Николаевичъ получилъ письмо отъ Щербинина, въ которомъ онъ извѣщаетъ его, что онъ попалъ въ большіе люди: онъ ѣдетъ съ Государемъ въ Варшаву и оттуда въ Молдавію, и по письму его должно думать, что онъ будетъ очень близокъ къ Царю и скоро флигель-адъютантомъ сдѣлается.

20-го. Я обѣдалъ у Алексѣя Петровича и, спустя часъ послѣ обѣда, пошелъ домой, чтобы приготовиться къ вечеру, ибо у насъ назначена была музыка. Я не хотѣлъ, чтобы былъ у меня лишній народъ, который бы шумѣлъ и не давалъ намъ играть, и потому звалъ только Иванова, Прибыля, Петра Николаевича, Дубневича, товарища его Гусева, Унгерна, Василья Бебутова и Головалева. Пока я еще

дѣлалъ репетицію, пришли ко мнѣ Бергъ и Самойловъ. Первый ужасный говорунъ, а второй любитъ пошумѣть; они начали мнѣ мѣшать, и потому я отправилъ музыкантовъ, приказавъ имъ черезъ часъ приходить, а самъ спрятался на галерею, приказавъ гостямъ сказать, что я ушелъ со двора; они посидѣли съ полчаса и ушли. Во второмъ часу началась музыка. Я игралъ Lodoisky на клавикордахъ со скрипкой, фаготомъ и валторной; послѣ этого Дубневичъ игралъ Родева квартетъ на скрипкѣ съ тѣми же инструментами. Наконецъ я сыгралъ два ноттурно Фильдовыхъ съ вальдгорномъ и фаготомъ. Тѣмъ еще былъ вечеръ лучше, что Ивановъ не пришелъ, подозрѣвая, что у насъ общество, и что въ ономъ дѣлается заговоръ.

21-го. Возвратясь домой, я получилъ письмо изъ Тавриса отъ Англинскаго капитана Гарта. Онъ мнѣ присылаетъ приказъ, выданный Аббасъ-мирзой баталіону Русскихъ бѣглыхъ. Въ семъ приказѣ позволяютъ желающимъ изъ онаго возвратиться въ Россію. Гартъ пишетъ ко мнѣ, что приказъ сей, выданный 2-го Марта (16-го Февраля) былъ читанъ въ присутствіи его Русскимъ, и что вызвалось только два охотника возвратиться въ Россію; что послѣ еще одинъ пришелъ, который во время чтенія находился въ госпиталѣ. Гартъ продолжаетъ: «Пожелавшимъ симъ возвратиться выдано, по приказанію Аббасъ-мирзы, въ награжденіе двухмѣсячное жалованье и теплое платье на дорогу; но еще сто человѣкъ сего баталіона въ откомандировкѣ и не были допрошены. Аббасъ-мирза уѣхалъ въ Тегеранъ и приказалъ мнѣ отпускать бѣглыхъ Русскихъ. Пока я сіе пишу, еще пришло шесть человѣкъ, которые объявили желаніе оставить насъ; и такъ всего ихъ девять человѣкъ, изъ коихъ одинъ прежде два раза былъ отпущенъ и два раза возвращался къ намъ. Я желаю, чтобы вы сіе письмо довели до свѣдѣнія главнокомандующаго, дабы его превосходительство увѣрился, что мы ничего не дѣлаемъ для удержанія вашихъ подданныхъ у себя» и пр. Письмо сіе довольно глупо и неловко написано. Отобравъ какихъ-нибудь мошенниковъ, которые будутъ подговаривать другихъ солдатъ нашихъ къ побѣгу, Аббасъ-мирза прислалъ ихъ сюда, чтобы показать Алексѣю Петровичу, что онъ ищетъ сообразоваться съ желаніемъ нашимъ. Политика ребячья! Я показывалъ сіе письмо и приказъ Бековичу, который сказалъ мнѣ, что вчера пріѣхалъ изъ Тавриса посланецъ съ девятью сими солдатами и что Аббасъ-мирза пишетъ къ генералу, что онъ уѣхалъ въ Тегеранъ по требованію шаха, который приказываетъ ему умножить число сарбазовъ и что онъ ѣдетъ къ отцу своему для полученія на то казны.

29-го я былъ поутру у Курганова. Онъ имѣлъ просьбу, какъ сего можно было впередъ ожидать отъ Армянина. Онъ запутанъ въ измѣнѣ одного Бастамова, который съ нимъ ѣздилъ къ Лезгинамъ для вывоза оттуда Александра-царевича въ Петербургъ. Кургановъ получилъ сіе препорученіе слѣдующимъ образомъ. Онъ, въ бытность здѣсь Ртищева, выѣхалъ безо всякихъ видовъ изъ Тифлиса въ Петербургъ и выдалъ себя тамъ за принадлежащаго къ штату главнокомандующаго въ Грузіи; не знаю, какими происками онъ добился, что ему дали тамъ кучу денегъ и отправили его отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ къ царевичу. Экспедиція его не удалась и, по его словамъ, онъ сидѣлъ тамъ мѣсяцъ въ цѣпяхъ, по причинѣ измѣны сего Бастамова, который былъ съ нимъ и теперь содержится здѣсь въ крѣпости. Алексѣй Петровичъ посылалъ за Кургановымъ третьяго дня и, узнавъ, что онъ при смерти боленъ, велѣлъ ему сказать черезъ коменданта, что, если онъ подлая тварь не издохнетъ, то онъ его уморитъ. Генералъ вѣрно имѣетъ причины на сіе. Я все сіе послѣ узналъ отъ Сонина, къ которому я зашелъ отъ больнаго. Когда же я у него былъ вчера, то онъ хотѣлъ меня запутать въ свои дѣла и, не объяснивъ мнѣ дѣла, сказалъ, что онъ былъ обиженъ по службѣ нѣсколько разъ и теперь такъ несчастливъ, что, когда его главнокомандующій призываетъ, онъ лежитъ при смерти и не можетъ идти, и потому проситъ меня, чтобы я взялъ участіе въ его положеніи и молвилъ слово о его представленіи Вельяминову. Но, зная нравъ здѣшнихъ Армянъ, я былъ остороженъ, ничего не обѣщалъ, а сказалъ, что посовѣтуюсь съ племянникомъ его Василіемъ Бебутовымъ, и пошелъ отъ него къ Сонину, который мнѣ объяснилъ дѣло.

Получилъ письмо отъ Воейкова отъ 7-го Марта изъ Москвы, куда онъ 4-го прибылъ. Между прочимъ пишетъ онъ мнѣ, что Государь сказалъ про брата Александра, когда онъ подалъ просьбу въ отставку: «Мнѣ надобно съ Муравьевымъ помириться».

Ивановъ получилъ повелѣніе отъ Алексѣя Петровича начать разграничиваніе съ Персіею, какъ скоро Персидскій дворъ сего потребуетъ. Ему предоставленъ выборъ офицеровъ, и онъ просилъ меня помочь ему въ составленіи плана сихъ занятій.

2-го Апрѣля. Я всталъ въ половинѣ шестаго часа и поѣхалъ къ Бебутову, откуда мы отправили свои постели на катерахъ въ Душетъ, ибо мы хотѣли проводить отъѣзжающаго на линію Алексѣя Петровича. Часовъ въ девять утра Алексѣй Петровичъ отправился на дрожкахъ, въ сопровожденіи многихъ генераловъ и офицеровъ и дворянства Тифлисскаго. За рѣкой Верой онъ остановился и простился со всѣми, сказавъ каждому привѣтливое слово. Иванову онъ препоручилъ

брата своего Сергѣя Николаевича *), который долженъ сюда скоро прибыть. Онъ также меня подозвалъ и сказалъ мнѣ: «*И ты, братъ Николай, отправляешься*».—«Я васъ до Душета провожу».—«Нѣтъ, братъ, я говорю про нынѣшнее лѣто».—«Я уже знаю, ваше в—ство, что я за границу поѣду и съ удовольствіемъ проведу лѣто въ занятіяхъ».—«Еще не то, братъ; у меня уже суда готовы, помнишь?»—«Какъ не помнить, и особенно счастливъ буду, если вы довѣрите мнѣ сіе препорученіе. Итакъ я надѣюсь, что вы меня скоро къ себѣ потребуете на линію».—«Непремѣнно».

Губернаторъ Сталь, Горчаковъ, Бебутовъ и я, мы проводили Алексѣя Петровича до казачьяго поста Артисхари, гдѣ позавтракали. Губернскій предводитель дворянства, г.-м. князь Багратіонъ, выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и привезъ славнѣйшаго Карталинскаго вина. Пробывъ тутъ съ часъ или полтора, мы отмѣнили съ Бебутовымъ свою поѣздку до Душета и простились съ Алексѣй Петровичемъ, который при прощаніи еще повторилъ мнѣ, что онъ меня скоро потребуетъ на линію, для командированія меня за Каспійское море. Какія чудесныя мѣста мы проѣзжали, какая удивительная природа, какіе виды, какой климатъ! Надобно отдать справедливость Грузіи, что здѣсь былъ бы земной рай, еслибы жители не были діаволы. Подъѣзжая къ Мцхету, мы вездѣ видѣли остатки монастырей и величественнѣйшія развалины строеній. Я ѣхалъ съ протопопомъ Мцхетинскимъ, и онъ всю дорогу разсказывалъ мнѣ про обширность и величіе древней сей столицы Колхиды. Теперь видны вездѣ остатки; но въ Мцхетѣ осталось только дворовъ тридцать обывательскихъ и двѣ огромныя церкви, замѣчательныя своей древностію, величіемъ и красотой; одна изъ нихъ построена была учителемъ, а другая по тому же образцу ученикомъ. Хотя меня протопопъ увѣрялъ, что зданія сіи построены во время введенія христіанской вѣры въ Грузіи, но я думаю, что они должны быть древнѣе сего; ибо, войдя въ церковь, я видѣлъ много изображеній идолопоклонниковъ, которыя теперь, по невѣжеству духовенства здѣшняго, считаются за изображенія святыхъ. На одной стѣнѣ написано весьма дурно празднество: пляшущія женщины держатся за руки, одна изъ нихъ имѣетъ въ правой рукѣ родъ трещетки, кастаньетъ, другая бьетъ въ барабанъ; дѣйствіе происходитъ на берегу моря, на коемъ видно множество кораблей, и посреди оныхъ семиглавый сфинксъ; въ углу написана большая голова, испускающая лучи изо рта, какъ изображаютъ дующаго Эола. Видно, что живопись сію хотѣли истре-

*) Т.-е. двоюроднаго брата. П. Б.

бить, потому что штукатурка, на которой она находится, вся избита съ намѣреніемъ; но изображенія остались. На одномъ углу однакоже превратили идолопоклонническія изображенія въ изображенія святыхъ, надъ головами коихъ находятся Славянскія надписи, которыя хотя и весьма ясны, но я не могъ разобрать ихъ. Вѣроятно, что многія буквы особеннаго рода и можетъ быть даже совсѣмъ не-Славянскія. Я вошелъ въ алтарь, гдѣ нашелъ также много надписей Славянскихъ; образа написаны на стѣнѣ и должны быть весьма древніе; одинъ изъ нихъ изображаетъ святаго, у ногъ котораго лежитъ сѣкира; подлѣ написано дерево; святой сей держитъ скрижаль съ Славянскою надписью, которую я также разобрать не могъ; но священникъ сказалъ мнѣ, что въ Евангеліи Матвѣя, въ третьей главѣ, въ 10-мъ стихѣ, упомянуто нѣчто о сѣкирѣ и древѣ. Теперь въ сію минуту я справлялся о семъ въ Евангеліи Славянскомъ и нашелъ слова Іоанна Крестителя, проповѣдующаго въ степи: *уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ.* Когда мнѣ опять удастся въ Мцхетѣ побывать, то я посмотрю сію надпись и узнаю, на Славянскомъ-ли она языкѣ. Я видѣлъ еще нѣсколько изображеній идолопоклонническихъ на стѣнахъ, и также гробницы царей Грузинскихъ. Нельзя удержаться отъ восхищенія, произведеннаго огромностью сводовъ и древностію сего зданія. Снаружи и внутри все украшено искуснѣйшими барельефами. Церковь построена изъ тесаннаго дикаго камня и, вѣрно, зданіе сіе имѣетъ себѣ мало подобныхъ. Оставшіеся теперь жители въ Мцхетѣ имѣютъ дурное имя не быть гостепріимными, такъ что въ Грузіи вошло въ пословицу, когда кто другому зла желаетъ, сказать ему: *Дай Богъ, чтобы тебя дорогою застала ночь въ Мцхетѣ.* Около Мцхета въ скалахъ видно много пещеръ, которыя я непремѣнно намѣренъ осмотрѣть.

Мы переѣхали черезъ Куру по древнѣйшему мосту, построенному, какъ говорятъ, Помпеемъ Великимъ. Оный идетъ чрезъ островъ, на коемъ построены, для защиты моста, двѣ каменныя башни, похожія фигурой своей на башни Римскія, судя по рисункамъ Chevalier Folard; однако онѣ не имѣютъ mâchicoulis *) и довольно малы.

4-го. Поутру былъ у меня Ивановъ. Я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ въ первый разъ у вице-губернатора с. с. Семена Васильевича Васильева. Столъ былъ постный и весьма пакостный. Старикъ Васильевъ—немилосердый говорунъ, тянетъ рѣчи свои, вставляетъ много другихъ предложеній, которыя обѣщается послѣ начать и кончить къ ужасу слушателей. Часто среди разговора протяжнаго онъ обращается къ слугѣ и, кивая на него головой, ругаетъ его. Васильевъ—не

*) Зубчатыя забрала для верженія камней и стрѣльбы. П. Б.

одинъ въ своемъ родѣ: такихъ стариковъ очень много, но я не умѣю ихъ здѣсь описать. Они красно стелятъ, краснобаи, говоруны и лгуны; готовы прослезиться всякій часъ; всѣ у нихъ благодѣтели, всѣхъ знаютъ по имени и по отчеству, а если не упомнятъ, то называютъ всѣхъ родственниковъ его и гдѣ онъ служилъ, когда произведенъ былъ, когда женился, когда тесть его скончался и пр.

Послѣ обѣда пришелъ къ нему контръ-адмиралъ Веселаго и началъ его бранить самымъ жестокимъ образомъ. Васильевъ защищался, но весьма слабо и, наконецъ, сказалъ Веселаго, что онъ самъ начнетъ ему грубости говорить. Веселаго вспылилъ и отвѣчалъ ему, что онъ сего не позволитъ и что, притопнувъ ногой, заставитъ его молчать. Я думаю, что у нихъ потомъ завязалась славная сшибка; я ушелъ съ Ивановымъ и не слыхалъ ея. Дѣло, кажется, вотъ въ чемъ состояло.

Каспійской флотиліи отпускаютъ жалованье ханскими абазами по пяти на рубль, а сухопутнымъ войскамъ въ Грузіи Тифлисскими абазами. Ханскіе абазы хуже Тифлисскихъ и, вмѣсто 4 рубл. ассигнаціями, составляютъ только 3 рубл. 15 коп. Веселаго хотѣлъ о томъ просить Алексѣя Петровича и, полагая, что нынче также, какъ и при Ртищевѣ, всѣ дѣла надобно дѣлать черезъ посредничество окружающихъ главнокомандующаго, просилъ о томъ Могилевскаго и Васильева, которые, не знаю по какимъ причинамъ, дѣло тянули и передъ самымъ отъѣздомъ Алексѣя Петровича объявили Веселаго, что безъ главнокомандующаго нельзя сего дѣла рѣшить. Веселаго поторопился сказать сіе Алексѣю Петровичу передъ отъѣздомъ и получилъ въ отвѣтъ, что для чего онъ только теперь до свѣдѣнія сіе дѣло довелъ и больше ничего. Кажется, что сіе понудило его напасть на вице-губернатора и разбранить его.

7-го. Я узналъ по приказамъ, что братъ Михайло отпущенъ на Кавказскія воды и въ Крымъ для излеченія ранъ отъ 1-го Марта по 1-е Сентября. Вѣроятно, что намѣреніе его будетъ сюда пріѣхать для навѣщенія меня. Желая отвратить путешествіе его черезъ горы, которое могло бы разстроить его здоровье, а еще болѣе не желая видѣть никого изъ близкихъ своихъ для избѣжанія соблазна къ возвращенію въ Россію, я писалъ къ Боборыкину на линію и заклиналъ его дружбой, чтобы онъ брата въ Тифлисъ не пускалъ.

Пришедши домой, я нашелъ двери запертыми на ключъ, и никого изъ людей моихъ не было дома; но скоро я узналъ, что Артемій мой въ полиціи; я туда пошелъ и нашелъ его. Вотъ за что онъ попался. Отъ наружныхъ дверей моей квартиры проведена веревка къ колокольчику, наверху висящему, дабы ночью, когда двери заперты, можно было пришедшему дать знать о себѣ; всякую ночь Грузины

приходятъ шалить и стучатъ въ колокольчикъ, и потому я людямъ приказалъ схватить одного изъ нихъ и привести его ко мнѣ. Вчера во время отсутствія моего трое Грузинъ, прогуливаясь, зазвонили мимоходомъ въ мой колокольчикъ. Артемій выбѣжалъ и сталъ съ виновнаго снимать бурку, чтобы его примѣта у насъ осталась. Грузинъ ударилъ его въ ухо, мой буланой схватилъ дубинообразную мою плеть и откаталъ Грузина, который пошелъ въ полицію, и тамъ оказалось, что это былъ какой-то князь Циціановъ. Артемій самовольно съ нимъ въ полицію пошелъ. Увидя его и распросивъ обстоятельно, я пошелъ къ полиціймейстеру Каханову, который велѣлъ выпустить моего человѣка. Княжеская бурка осталась у меня и сегодня отправляется въ полицію. Я видѣлъ и князя, который больше похожъ на водовоза. Къ стыду здѣшняго дворянства Грузинскаго, такихъ князей здѣсь сотни, и они ни во что не считаютъ понесенные ими удары.

8-го. Я началъ обучать Русской граматикѣ меньшаго брата Василія Бебутова, Павла. Онъ мальчикъ острый и понятливый; ему теперь 12 лѣтъ.

Отобѣдавъ дома съ Унгерномъ, я пошелъ къ Шагриманову, гдѣ познакомился съ здѣшнимъ ахундомъ или начальникомъ Магометанской вѣры; онъ человѣкъ весьма умный и ученый поазіатски, т.-е. знаетъ весьма хорошо восточные языки. Ввечеру я прогуливался въ саду главнокомандующаго и поймалъ тамъ фалангу, упадшую въ бассейнъ; я послалъ ее домой и уморилъ въ водкѣ, раздразнивъ ее порядочно. Насѣкомое сіе весьма злое и кидается съ бѣшенствомъ на тѣхъ, которые его дразнятъ. Сей родъ фалангъ особенный; онѣ имѣютъ передъ головой двѣ короткія руки съ пятью пальцами и когтями на каждой; ухватясь ими за предметъ, фаланга подноситъ оный ко рту, буде въ силахъ, а буде нѣтъ, сама вытягивается и ужаливаетъ четырьмя зубцами, испускающими самый сильный ядъ. Такихъ точно фалангъ я убилъ двѣ на себѣ въ Персіи, лежа раздѣтый на постелѣ. Одну я успѣлъ сначала казнить, но другая ушла сперва подъ подушку Василія Бебутова, который въ то время подлѣ меня спалъ; боясь загнать ее подъ одѣяло къ нему, я ударилъ съ противной стороны по подушкѣ, и фаланга опять побѣжала черезъ меня; однакоже я тутъ успѣлъ убить ее.

16-го. Я познакомился съ Ѳеофилактомъ. Онъ меня часа два продержалъ у себя, и мы разговаривали на счетъ правленія въ Россіи. Ѳеофилактъ человѣкъ весьма умный, ученый, начитанный и говоритъ прекрасно: объ чемъ бы мы ни начали говорить, онъ вездѣ показываетъ особенныя познанія. Онъ узналъ, что я племянникъ Николая Ми-

хайловича Мордвинова, съ которымъ онъ весьма знакомъ, и просилъ меня посѣщать его.

20-го. Я получилъ вчера письмо отъ Бурцова; онъ извѣщаетъ меня, что братъ Михайло женится въ нынѣшнемъ году на дочери Шереметевой, у которой воспитывается сестра наша. Извѣстіе сіе меня крайне удивило.

Ввечеру у меня былъ Ѳома Кургановъ, который сбирается помочь мнѣ въ предпринимаемомъ мною трудѣ перевести Малькольма сочиненіе «Исторія Персіи» на Русскій языкъ. Я намѣренъ дополнять книгу сію замѣчаніями, которыя почерпну изъ Армянскихъ писателей и многихъ другихъ, присоединяя къ сему мои собственныя замѣчанія.

30-го. Я познакомился поутру съ человѣкомъ занимательнымъ, а именно съ дядей переводчика Шемира. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи, жилъ въ Багдадѣ и въ другихъ мѣстахъ Персіи. Онъ ни слова порусски не знаетъ, а весьма хорошо потурецки; такъ что, слушая его разсказы объ его путешествіяхъ, я принужденъ былъ внимать и привыкать къ Турецкому языку.

1-го Мая я былъ позванъ на обѣдъ генералъ-маіоромъ Пестелемъ; онъ давалъ обѣдъ въ казенномъ саду. Погода была прекрасная, и садъ весьма хорошъ, такъ что вечеръ былъ очень хорошо проведенъ; музыка играла подъ деревьями. Довольно странно, что во время игры иволга сѣла на сосѣднее дерево и пѣла весьма согласно съ флейтъ-пиколемъ. Ввечеру Ѳеофилактъ пришелъ прогуливаться въ садъ; я встрѣтилъ его; онъ ласковымъ образомъ упрекалъ меня, что я къ нему не хожу. Онъ вошелъ въ палатку и сѣлъ подлѣ дамъ, посадилъ меня подлѣ себя и началъ разговоръ о поединкахъ. Сообразно съ саномъ своимъ, онъ охулялъ обычай сей. Я и Горчаковъ были совершенно согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что обычай сей остался еще отъ варварскихъ временъ, но что, живя въ обществѣ, надобно сообразоваться съ обычаями онаго и часто принимать меньшее зло для избѣжанія бо̀льшаго. Наумовъ вступилъ въ споръ, и какъ онъ немного смыслитъ по сей части, то и былъ тотчасъ же огорошенъ; онъ сталъ, наконецъ, упираться на Ѳеофилакта, который давно слушалъ меня съ улыбкой единомыслія. Чтобы совершенно поразить всѣхъ тѣхъ, которые прибѣгнули подъ крылышко высокопреосвященнаго, я обратилъ рѣчь къ нему сими словами: «Долго ли еще будете вы противорѣчить моимъ мнѣніямъ? Вы видите ихъ совершенно согласными съ вашими. Я признаю обычай сей за весьма дурной, но на меня сіи господа нападаютъ, сами не зная за что̀, и потому мнѣ ничего больше дѣлать не осталось, какъ прибѣгнуть подъ покровительство вашего высокопреосвященства. Увѣрьте сихъ господъ, что я правъ; они не

хотятъ понять меня, а я вижу, что вы одинако мыслите со мной». Ѳеофилактъ улыбнулся и далъ почувствовать справедливость моихъ словъ. Однако я къ нему на дняхъ пойду и упрекну ему въ томъ, что онъ меня такъ долго мучилъ словами совершенно противными тѣмъ, которыя я отъ него слышалъ, когда мы разъ два часа вмѣстѣ провели наединѣ въ кабинетѣ его.

Ввечеру я заходилъ къ Роттіерсу: какой купецъ, какой Жидъ, какой Армяшка и какой Нѣмецъ!

5-го я былъ у обѣдни; во время оной Могилевскій сказалъ мнѣ, что Алексѣй Петровичъ прислалъ къ нимъ въ канцелярію письмо, писанное поанглійски изъ Моздока въ Таврисъ отъ патеровъ іезуитовъ къ Линдесею, и Алексѣй Петровичъ приказалъ письмо сіе распечатать и прочесть, чтобы узнать, нѣтъ ли въ ономъ чего касательно политики. Отъ обѣдни я пошелъ къ Ѳеофилакту; у него было много народа. Василій Ивановичъ Вороновъ отличался по обыкновенному своимъ велерѣчіемъ, кричаніемъ и споромъ, утверждая, что для исправленія нравовъ военныхъ должно въ церкви каждое Воскресенье послѣ обѣдни говорить проповѣдь.

7-го я былъ свидѣтелемъ одного весьма обиднаго происшествія для каждаго Русскаго, въ Грузіи живущаго. Я видѣлъ, какъ четыре Имеретина несли на носилкахъ тѣло одного умершаго коллежскаго ассесора; онъ былъ просто въ рубашкѣ и покрытъ мундиромъ. Ему вырыли яму и безъ всякаго обряда христіанскаго, безъ гроба, его зарыли въ землю. Онъ сюда пріѣхалъ на службу, но не получилъ мѣста, жилъ одинъ въ бѣдности, заболѣлъ, просился въ госпиталь, ему отказали, никто за нимъ не ходилъ, и на дняхъ его нашли мертваго въ постелѣ. Полиціймейстеръ приказалъ Имеретинамъ зарыть его.

Я просилъ Якубовича участвовать въ моихъ занятіяхъ касательно свѣдѣній, сбираемыхъ мною для описанія Грузіи, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ описаніе Кахетіи, на что онъ охотно согласился.

12-го. Пріѣхалъ къ намъ Воейковъ изъ Москвы и привезъ мнѣ множество писемъ, нѣкоторыя посылки и денегъ. Батюшкино письмо меня весьма тронуло. Я видѣлъ въ ономъ самыя нѣжныя чувства ко мнѣ и привязанность. Отъ Александра я получилъ письмо и нѣсколько посланій. Онъ изображаетъ мнѣ несчастное положеніе, въ которомъ находится отечество наше, и представляетъ мнѣ тѣ бѣды, которыя оному предстоятъ.

14-го. Ввечеру было у меня собраніе тѣхъ господъ, которые помогаютъ мнѣ дѣлать выписки изъ Грузинскихъ писателей для Исторіи Персіи. Ѳома Кургановъ прочелъ прекрасныя записки, заключающія свѣдѣнія, неизвѣстныя Европейцамъ. Онъ весьма много трудился для

собиранія оныхъ. Мирза Ибрагимъ, человѣкъ съ большими восточными свѣдѣніями, кажется, пренебрегаетъ симъ: записки его ничего не значущи, тогда какъ онъ гораздо больше насъ могъ бы написать, и то надобно было его сколько разъ просить. Присутствовали еще старшій сынъ мирзы Ибрагима, князь Григорій Бебутовъ и Сумбатовъ. По прочтеніи записокъ я предложилъ господамъ составить общество, желая воскресить то, которое у насъ въ Персіи составлено было; всѣ охотно согласились, но кажется, что мирза Ибрагимъ отъ насъ отстанетъ.

17-го. Я хожу каждый день къ Турецкому учителю, потому что онъ сбирается черезъ двѣ недѣли ѣхать въ Кахетію на все лѣто. Я вижу самъ успѣхи свои: вчера я началъ переводить на Турецкій языкъ и перевелъ съ помощью учителя и лексикона маленькую сказку. Утро мое занято передѣлываніемъ на бѣло съемки моей; работа сія мнѣ страшно надоѣла, и я хочу за нее прилежно присѣсть, чтобы скорѣе ее кончить. Итакъ мнѣ всего остается на свои занятія только послѣобѣденное время, въ которое я долженъ ходить къ учителю, повторять уроки, заниматься записками о Персіи и прогуливаться: ибо безъ сего послѣдняго никакъ бы силъ не стало. Ужъ и то начали у меня глаза болѣть отъ занятій. Поутру, даже въ то самое время, какъ я занимаюсь своимъ планомъ, я учу еще чтенію маленькаго Бебутова, коего лѣность и невниманіе часто принужденъ наказывать.

1-го Іюня. Часу въ первомъ, отпустивъ гостей, я легъ благополучно спать, какъ пришелъ ко мнѣ писарь отъ Иванова съ секретной бумагой: по препорученію Вельяминова приказывалъ мнѣ Ивановъ, чтобы я съ полученія сего отправился въ Шамшадальскую дистанцію для слѣдующаго предмета. Главный приставъ той дистанціи подполковникъ Водарскій донесъ главнокомандующему, что Татары его выступили на кочевье и ожидали только прибытія султана ихъ Нассеба, чтобы бѣжать за границу, вслѣдствіе чего онъ просилъ начальство взять мѣры для удержанія ихъ силой въ повиновеніи. Вельяминовъ приказалъ изъ Елисаветполя идти одной ротѣ Севастопольскаго пѣхотнаго полка съ орудіемъ на урочище Шагъ-Дагъ, а двумъ егерскимъ ротамъ идти изъ Квеши на смѣну первой роты; къ сему отряду приказано было еще прикомандировать 80 казаковъ. Я былъ избранъ для распоряженія сими войсками и занятія ущелій и дорогъ, могущихъ способствовать къ побѣгу жителей. Бѣжать уже собирались не одни только Шамшадальскіе Татары, но даже и Елисаветпольскіе и Карабагскіе. Надлежало потому выбрать такое мѣсто, гдѣ всѣ дороги сіи сходятся; построить, если нужно, шанецъ, учредить караулы, секретные пикеты и разъѣзды и, въ случаѣ нападенія, принять непріятеля должнымъ образомъ. Я въ 4 часа утра всталъ,

велѣлъ укладывать чемоданы, а самъ пошелъ къ Вельяминову, который меня принялъ весьма ласково, далъ мнѣ наставленіе словесное и полную власть распоряжаться какъ мнѣ будетъ угодно, говоря, что онъ совершенно надѣется на меня. Наумовъ вручилъ мнѣ три летучія карты для посылки рапортовъ къ главнокомандующему. Военный губернаторъ Сталь потребовалъ меня къ себѣ передъ отъѣздомъ моимъ и самымъ благороднымъ образомъ вручилъ мнѣ записку, сказавъ: Г. Муравьевъ, васъ посылаютъ къ какому-то урочищу Шагъ-Дагу, которое вамъ не больше извѣстно какъ начальству; можетъ быть мѣсто сіе не нужно занимать, а вотъ записка весьма вѣрная, которая вамъ покажетъ тѣ урочища, которыя могутъ служить къ исполненію воли начальства. Я весьма благодарилъ Сталя за его ласку и благорасположеніе ко мнѣ. Отобѣдалъ дома и послалъ сказать Унгерну, что я вечеръ у него проведу и потомъ отправлюсь. Мы точно у него собрались. Всѣ удивлялись внезапному отъѣзду моему тѣмъ болѣе, что никто не зналъ, куда и зачѣмъ я ѣду. Дѣло сіе скрытно должно было быть, потому чтобы Шамшадальскій Нассебъ-султанъ не провѣдалъ о движеніи войскъ и не сдѣлалъ бы отчаяннаго удара...

5-го Іюня, предъ сумерками я пріѣхалъ къ главному приставу Водарскому. Обнимая его, я сказалъ ему на ухо, что пріѣхалъ къ нему за дѣломъ; между тѣмъ я разгласилъ, что пріѣхалъ къ нему въ гости. Нассебъ-султанъ тотчасъ прибѣжалъ, выговаривая приставу, зачѣмъ онъ не извѣстилъ его о такомъ дорогомъ гостѣ. Изъ словъ султана можно было видѣть, что онъ уже былъ увѣдомленъ о всѣхъ заготовленіяхъ, сдѣланныхъ нами для удержанія его отъ побѣга. Когда всѣ разошлись изъ кибитки, я далъ приставу прочесть всѣ бумаги, и мы стали разговаривать съ нимъ на счетъ сего происшествія. Его извѣстилъ о намѣреніи Татаръ бѣжать одинъ Армянинъ по имени Калантаръ; доказательствомъ сему служило то, что Татары нынѣшній годъ, противъ обыкновенія своего, забрали съ собой хлѣба на два мѣсяца на кочевье. Причина намѣренія ихъ та, что имъ объявили права ихъ, т. е. крестьянъ обратили въ казну, султану опредѣлили во владѣніе только 20 дворовъ, а агаллары всѣ остались на сушѣ. Простой народъ былъ бы весьма доволенъ сими постановленіями; но султанъ и агаллары увѣряютъ ихъ, что съ нихъ хотятъ рекрутовъ брать и тѣмъ смущаютъ ихъ. Какъ уже давно догадывались о намѣреніи Татаръ, то и былъ посланъ по дистанціямъ 9-го егерскаго полка маіоръ Лисаневичъ съ офицерами для узнанія духа народнаго. Лисаневичъ самъ теперь находится въ Казахской дистанціи, а на кочевье Тарчай былъ присланъ поручикъ князь Орбеліановъ, Грузинъ, кото-

рому главный приставъ не совѣтовалъ мнѣ довѣрять. Многіе увѣряли, что слухъ о побѣгѣ Татаръ былъ совершенно пустой; но мнѣ противное показалось...

19-го я уже садился верхомъ, какъ прискакалъ ко мнѣ казакъ изъ Салагловъ съ бумагой. Я распечаталъ ее; одно было письмо отъ П. Н. Ермолова изъ Кизляра, въ которомъ онъ давалъ мнѣ разныя свѣдѣнія на счетъ линіи; второе было предписаніе отъ г.-л. Вельяминова, которое отравило совершенно все удовольствіе, на которое я надѣялся возвращаясь въ Тифлисъ. Я ожидалъ, что похвалятъ меня за хорошія распоряженія мои, за стараніе, за трудъ, и что̀ же вышло? Вельяминовъ отвѣчаетъ мнѣ на рапортъ, посланный къ нему съ Сатанахача. Въ семъ рапортѣ, кромѣ другихъ предметовъ, я доносилъ ему: 1) что намѣреніе Шамшадальцевъ было бѣжать въ Нахичевань и что войскъ у меня недостаточно было для занятія тѣхъ мѣстъ, на что̀ мнѣ въ отвѣтъ дано: что-де препорученность вашего высокоблагородія не простирается на Нахичеванскія дороги. 2) Я доносилъ, что отрядъ находится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жителей нѣтъ, а потому прошу начальство, чтобы оно предписало окружнымъ начальникамъ, чтобы они выслали свои обывательскіе караулы къ старшему въ отрядѣ находящемуся, дабы они могли служить ему проводниками въ разъѣздахъ и командировкахъ. На сіе въ отвѣтъ я получилъ, что самъ могу требовать проводниковъ. Я самъ ихъ долженъ требовать, тогда какъ окружные начальники не были даже предувѣдомлены о прибытіи моемъ въ ихъ округи! 3) Я доносилъ, что, въ случаѣ нападенія отъ Татаръ, всѣ дороги, ведущія къ магазейнамъ нашимъ въ Караклисъ и Елисаветполь, могутъ быть отрѣзаны, что войско тогда останется безъ продовольствія, и потому я предлагалъ устроить временный магазейнъ при Сатанахачѣ. На сіе въ отвѣтъ я получилъ, что жителямъ еще война сія не объявлена.

Получивши сію бумагу, я тотчасъ возъимѣлъ подозрѣніе на Иванова, что она его работы и что Вельяминовъ по слабости подписалъ ее. Я поскакалъ въ Тифлисъ взбѣшенный. Но какъ я пріѣхалъ въ обѣденное время, то, не въѣзжая еще въ заставу, я остановился у Татарскихъ бань и вымылся. Оттуда по обѣщанію своему заѣхалъ я къ Унгерну, котораго дома не засталъ, а отъ Унгерна проѣхалъ домой, гдѣ отдохнулъ съ часъ, одѣлся и пошелъ къ Иванову. Я донесъ ему сперва о сдѣланномъ мною, потомъ сказалъ ему, что въ награду за сіе меня обидѣли послѣдней бумагой. Ивановъ показалъ видъ удивленнаго. Какъ, что̀ такое? спросилъ онъ. Я ему показалъ предписаніе Вельяминова, которому онъ много удивлялся. Наконецъ, я сказалъ ему, что сейчасъ же иду къ Вельяминову оправдываться и просить у него

объясненія, почему онъ мнѣ такъ обидно отвѣчалъ? Мой Ивановъ перепугался. Извините меня, Николай Николаевичъ, сказалъ онъ мнѣ, вамъ правду если сказать, такъ я эту бумагу написалъ; но божусь вамъ, я только написалъ слова Вельяминова. Я пошелъ къ Вельяминову, который меня принялъ такъ холодно, какъ будто бы я никакого препорученія не имѣлъ. Я сталъ оправдываться. За Карабагскія дороги, возразилъ онъ, Карабагскій ханъ отвѣчаетъ. Я увидѣлъ, что съ Вельяминовымъ нечего толковать; видѣлъ, что онъ казенный генералъ, ищущій не пользы, а отвѣтственности на подчиненныхъ, и потому я ему нѣсколько разъ повторилъ, что я поступилъ въ донесеніи своемъ согласно съ долгомъ моимъ, впрочемъ, что распоряженія *его* и что я виноватъ не останусь. Онъ промолвилъ «да», и только. Однако я ему жаловался на Донскаго казачьяго полковника Денисова, который не выставилъ надлежащаго числа казаковъ, и онъ приказалъ мнѣ идти къ Наумову и сказать ему, чтобы онъ послалъ о томъ запросъ къ Денисову. Я былъ крайне уставши, однако пошелъ, нашелъ Наумова на ученіи и объявилъ ему приказаніе Вельяминова.

20-го. Я поутру пошелъ къ Сталю, благодарилъ его за записку, данную мнѣ имъ передъ отъѣздомъ моимъ, старался обратить вниманіе его къ дѣлу Водарскаго; но онъ не главнокомандующій. Онъ выслушалъ меня, долго разспрашивалъ и говорилъ со мной. Я сталъ было намекать ему о послѣднемъ предписаніи Вельяминова, но онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ. Видя его осторожность, и я замолчалъ.

21-го. Вчера узналъ я, что сюда ѣдетъ 500 семей колонистовъ, которые не требуютъ никакого вспомоществованія отъ казны, даже конвоя. Добрые Нѣмцы сіи нашли гдѣ-то въ Библіи, что имъ надобно сюда переселиться, и ѣдутъ съ полнымъ увѣреніемъ быть счастливыми здѣсь. Вчера уѣхалъ отсюда прибывшій депутатъ отъ нихъ къ Сталю; онъ до Моздока ѣхалъ въ каретѣ. За обѣдомъ у губернатора я видѣлъ отставнаго артилерійскаго офицера, пріѣхавшаго сюда съ депутатами колонистовъ. Сей кажется мнѣ большой дуракъ, колонисты тоже странные люди. Ихъ 500 семей выѣхало изъ Виртемберга. Они увѣрились, что ѣдутъ сюда по пророчеству Библіи и что черезъ десять лѣтъ ихъ пребыванія здѣсь будетъ свѣтопреставленіе. Розенъ поѣхалъ показывать имъ земли.

1-го Іюля. Едва я успѣлъ кончить планъ своей съемки за Курой, какъ казакъ принесъ ко мнѣ предписаніе отъ Иванова, за подписаніемъ Вельяминова. Въ семъ предписаніи велѣно мнѣ отправляться въ Карабагъ, въ Шушу, а оттуда въ Тативу, гдѣ расположены двѣ роты 9-го егерскаго полка. Г.-м. князь Мадатовъ доноситъ, что изъ Шамшадалъ не идетъ другихъ дорогъ чрезъ Карабагъ за границу,

какъ чрезъ Горячія Воды, куда выставлена одна рота. Мнѣ приказали осмотрѣть, правда ли это, и изустно сказано, что въ семъ случаѣ Мадатову не весьма довѣряютъ и полагаютъ, что онъ другихъ дорогъ не признаетъ для того единственно, чтобы ему имѣть эту роту въ прикрытіи на Горячихъ Водахъ. Послѣ я долженъ обозрѣть разстояніе между Горячими Водами и озеромъ Гокча и устроить разъѣзды для усиленія постовъ. По моему представленію, командировали еще одну роту 17-го егерскаго полка къ разрушенному городу Шахъ-Назару.

Мнѣ весьма хотѣлось, чтобы Бергъ со мной ѣхалъ, потому что одному весьма скучно было бы; но я не зналъ, какимъ образомъ сдѣлать сіе, потому что бумага моя была секретная. Хотя и всѣмъ извѣстно было куда и зачѣмъ я ѣду, но я могъ получить неудовольствіе отъ Иванова, и потому мы рѣшили, чтобы Бергъ пошелъ къ Иванову и разными побочными разговорами вынудилъ бы Иванова самого разсказать ему, куда я ѣду и предложить ему ѣхать со мной, что̀ и случилось. Бергъ пошелъ къ Иванову, и послѣ долгаго разговора Ивановъ предложилъ ему со мной ѣхать. Я частнымъ образомъ слышалъ, что по границѣ нашей въ той сторонѣ разъѣзжаетъ одинъ Англинской офицеръ изъ Тавриса, для предварительнаго узнанія границъ и спрашивалъ у Сталя совѣта, что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать, если встрѣчусь? Губернаторъ отвѣчалъ мнѣ, что если сей Англичанинъ думать будетъ, что онъ въ Персидскихъ границахъ, я буду думать, что въ Русскихъ, то что я правъ долженъ быть.

3-го. Я сѣлъ верхомъ съ Бергомъ въ 11 часовъ вечера и прибылъ 4-го до разсвѣта въ Соганлугъ, гдѣ успулъ до восхожденія солнца. Рано поутру мы выѣхали изъ Соганлуга и послѣ полудня остановились на Салаглинскомъ посту, для пережданія жаровъ. Ввечеру мы выѣхали и встрѣтили ночью Розена, возвращающагося съ колонистами изъ Елисаветполя. Имъ чрезвычайно понравилась Ганжинская равнина. Я съ ними разговаривалъ; имъ здѣшній климатъ не кажется тягостнымъ; они хотятъ поселить по 50 или по 100 семейныхъ на каждой изъ рѣчекъ, протекающихъ чрезъ казачьи посты и обѣщаются выписать еще 500 семействъ, буде имъ сію землю отдадутъ. Кажется, Нѣмцы сіи, изъ Виртемберга выѣхавшіе, составляютъ особую секту; у нихъ пасторовъ нѣтъ, ихъ ведетъ какой-то крестьянинъ съ Библіей въ рукахъ, увѣряя ихъ, что Священное Писаніе повелѣваетъ имъ переселиться въ страну ближе къ Іерусалиму лежащую, что черезъ 10 лѣтъ будетъ свѣтопреставленіе и тогда они всѣ въ раю будутъ. Будучи въ полномъ увѣреніи въ истинѣ сего, они бросили отечество свое и странствуютъ, отыскивая обѣтованную землю и воспѣвая молитвенныя пѣсни по три раза въ день. Государь пода-

рилъ имъ по 1000 р. на каждое семейство. Они построили себѣ на сіи деньги обозъ и теперь уже переправляются черезъ Кавказскія горы.

5-го числа мы пріѣхали передъ вечеромъ въ Шамхоръ и видѣли знаменитый столпъ, построенный Тимуръ-Ленгомъ. Въ Елисаветполѣ, 6-го, я пошелъ къ полковнику Крылову, который окружный начальникъ въ Елисаветпольскомъ округѣ, тотъ самый Крыловъ, который былъ главнымъ приставомъ въ Боргалинской дистанціи. Онъ принялъ меня очень ласково и просилъ переѣхать къ нему, что̀ я и сдѣлалъ съ товарищемъ своимъ Бергомъ. Крыловъ водилъ меня по городу, показывалъ базаръ, который прекрасно выстроенъ; площадь передъ базаромъ необыкновенной красоты. Я нигдѣ не видалъ столь восхитительнаго мѣстоположенія и вмѣстѣ величественнаго; никакія гулянья ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, и Тюльери въ Парижѣ не могутъ сравняться съ симъ мѣстомъ. Городъ весьма обширенъ, состоитъ изъ садовъ; обывательскіе же дома выстроены въ срединѣ оныхъ. Зелень чудесная и строенія порядочныя, крѣпость хорошо выстроена, стѣны оной высоки, башни, ворота внушаютъ почтеніе къ симъ мѣстамъ, обагреннымъ кровію Русскихъ, которые крѣпость штурмомъ брали, когда Елисаветполь было еще ханствомъ Ганжинскимъ. Я также видѣлъ мечеть—удивительное зданіе. Я любовался искусству Азіатцевъ въ строеніи, въ которомъ они многимъ превзошли Европейцевъ.

7-го числа я выѣхалъ изъ Ганжи. Нельзя было не выздоровѣть, побывавъ въ Шахъ-Булагѣ. Природа надѣлила всѣми богатствами земной рай сей. Не упоминая здѣсь о плодородіи, о садахъ, о водахъ сего мѣста, для описанія которыхъ перо мое слишкомъ слабо, я только скажу, что нравственныя и тѣлесныя силы мои ожили при воззрѣніи на прелестнѣйшіе виды. Воздухъ, которымъ я дышалъ, былъ самый пріятный и душистый отъ безчисленнаго множества плодовитыхъ деревьевъ, плодовъ и цвѣтовъ разныхъ родовъ. Выѣхавъ изъ палимыхъ зноемъ равнинъ, я былъ у подошвы горъ; прохладный вѣтерокъ вѣялъ, я пилъ воду холодную, свѣтлую какъ хрусталь, истекающую изъ скалъ. Со всѣхъ сторонъ были башни, за̀мки, мечети, занимательныя своею красотой, древностью и строеніемъ. Еслибъ такой край былъ населенъ Европейцами, кто бы согласился разстаться съ онымъ? Но полно мнѣ восхищаться: я никогда не буду въ силахъ описать душевную радость и пріятное уныніе, которыя вселяютъ подобныя мѣста. Казачій постъ состоитъ въ крѣпости, прекрасно выстроенной отцемъ Карабагскаго хана, Мекти-Кули-Ибрагимомъ. Тутъ скончался недавно г.-м. Загорскій на дорогѣ изъ Тифлиса въ Ахъ-Угланъ, для осмотра 9-го егерскаго полка.

9-го. Въ Шушу я пріѣхалъ послѣ полудня. Городъ больше похожъ на Европейскій, нежели на Азіатскій; дома всѣ наружные и покрыты деревянными кровлями. Городъ выстроенъ на высокомъ мѣстѣ, климатъ здѣсь холодный. Шуша есть столичный городъ Карабагскаго ханства, въ коемъ ханъ называется Мекти-Кули, а управляющій онымъ и всѣми ханствами въ Грузіи г.-м. князь Мадатовъ.

Народъ Карабагскій тоже не спокоенъ. Здѣсь считается до 15,000 семействъ, коихъ часть Армянъ; но сіи послѣдніе весьма угнетены Татарами, которые господствуютъ здѣсь. Доходы отъ сей обширной и богатой области простираются до 8000 червонцевъ; но по словамъ князя Мадатова они могли бы до одного милліона простираться, еслибъ область сія не управлялась ханомъ и была бы непосредственно подъ Русскимъ правленіемъ. Мекти-Кули-ханъ къ намъ не привержен̆ъ, имѣетъ тайную переписку съ Персіянами и возмущаетъ народъ противъ насъ. Онъ имѣлъ бы несчетныя богатства, но расточаетъ все на любимцевъ своихъ. Между прочими любимцами его есть одинъ Рустамъ-бекъ, котораго онъ взялъ изъ пастуховъ, надавалъ ему деревень и полную власть. Рустамъ-бекъ сей—злодѣй, дѣлаетъ что̀ хочетъ. Однако правительство наше взяло мѣры, чтобы сему хану не наслѣдовали братья по смерти его, а чтобы ханство досталось намъ. Я былъ весьма ласково принятъ Мадатовымъ и остановился у него въ домѣ.

10-го. Мы ѣздили верхомъ осматривать окрестности города. Онъ окруженъ съ трехъ сторонъ неприступными скалами вышиною саженъ въ 150, съ коихъ сталкивали преступниковъ во времена самовластнаго ханскаго правленія; съ четвертой стороны сдѣлана стѣна длиною въ нѣсколько верстъ. Подъ одной изъ вышеупомянутыхъ скалъ выстроенъ замокъ съ крѣпостію, въ которомъ находились ханскія сокровища и жены его во время бунтовъ. Распрашивая жителей о положеніи различныхъ мѣстъ, я имѣлъ случай видѣть, сколь невѣрны наши карты.

Мы всѣ пили чай у здѣшняго коменданта маіора Дистерло. Онъ Курляндецъ родомъ, ѣздилъ недавно въ отпускъ и женился на Нѣмкѣ въ Митавѣ, привезъ сюда жену свою; но она прямая Нѣмка. Бергъ такъ и ходитъ около нея.

Вечеръ я провелъ у Мадатова и читалъ ему бумаги свои касательно первой командировки моей. Онъ также объяснилъ мнѣ образъ мыслей и связи здѣшнихъ старшинъ и какія мѣры должно взять въ случаѣ возмущеній, и я нашелъ въ немъ того, чего не ожидалъ. Я полагалъ, что онъ ничего больше какъ шутъ или дюжинный генералъ, который съ однимъ эскадрономъ врубился въ непріятельскую армію. Совсѣмъ нѣтъ, онъ распорядителенъ, благоразуменъ, какъ должно быть въ его чинѣ и званіи; притомъ знаніе нрава народнаго даетъ ему

большое преимущество передъ Русскими приставами, коимъ здѣшніе жители совершенно чужды. Онъ мнѣ также показывалъ переписку свою съ Алексѣемъ Петровичемъ, который къ нему имѣетъ большую довѣренность, даромъ что онъ съ нимъ всегда шутилъ въ Тифлисѣ.

Еще долженъ я упомянуть о занимательномъ предметѣ въ здѣшнемъ краю, о которомъ я прежде не зналъ, а именно о плодородіи. На берегахъ Куры оно столь сильно, что жители не пашутъ земли: рѣка разливается, потопляетъ поля и оставляетъ послѣ трещины въ землѣ; жители бросаютъ по сему полю сѣмена, и хлѣбъ у нихъ родится самъ 200 и самъ 250.

11-го. По сдѣланному договору съ княземъ Мадатовымъ мы остались въ Шушѣ. Бергъ кончилъ планъ Карабага, а я объѣздилъ окрестности города и снялъ оныя наскоро. Ввечеру за ужиномъ мы смѣялись до умора. Князь Мадатовъ разсказывалъ намъ, какъ полковникъ Донскаго войска Золотаревъ окрестилъ въ Греческое исповѣданіе Итальянца Ферари, который въ Тифлисѣ у насъ былъ шутомъ. Ферари сумасшедшій Венеціянецъ, служилъ помощникомъ цирюльника подлекаря, лекаря короля Неаполитанскаго. Возвратившись изъ похода въ Венецію, онъ сошелъ съ ума, пустился путешествовать, былъ въ Египтѣ. Онъ лечилъ глупыхъ Азіатцевъ чудотворными камнями, которые онъ по рѣкамъ собираетъ и носитъ за бантомъ въ штанахъ. Судьба его занесла въ Анатолію, гдѣ онъ надоѣлъ Туркамъ. Турки высадили его на берегъ въ Имеретію, судно удалилось, и онъ пришелъ на козачій постъ, гдѣ козаки, видя его пристрастіе къ рѣдкимъ каменьямъ, продали ему кусокъ горнаго хрусталя за алмазъ, взяли съ него послѣдніе пять червонцевъ, назвали его шпіономъ и привели въ Тифлисъ. Алексѣй Петровичъ открылъ въ немъ отличныя способности къ званію шута, нарекъ его такимъ и держалъ его съ мѣсяцъ въ Тифлисѣ, въ которое время онъ роздалъ всѣмъ генераламъ царства и королевства. Наконецъ, когда онъ всѣмъ порядочно надоѣлъ, главнокомандующій далъ ему по желанію его открытый листъ, яко господину доктору, для проѣзда въ Персію. Аббасъ-мирза принялъ его въ Таврисѣ, но, видя, что онъ сумасшедшій, приказалъ его обратно къ намъ отправить. Ферари привезли въ Карабагъ, въ Шушу къ Мадатову, всего въ оружіи одѣтаго и выдающаго себя за повѣреннаго Алексѣя Петровича. Мадатовъ зналъ его и, посмѣявшись надъ нимъ, отправилъ его въ Ахъ-угланъ, гдѣ стоитъ 9-й егерскій полкъ и Золотарева Донской казачій. Подполковникъ Реутъ и Золотаревъ приняли слова его за истинныя. Онъ выдалъ себя за сына Алексѣя Петровича; ему повѣрили. Онъ пожелалъ окреститься въ нашу вѣру, его окрестили и отправили въ Баку. Онъ поѣдетъ моремъ въ Астра-

хань, оттуда намѣревается проѣхать къ Алексѣю Петровичу, для сообщенія ему важнѣйшихъ тайнъ. Мы смѣялись надъ легковѣріемъ Золотарева, который тутъ присутствовалъ. Мадатовъ умѣлъ прикрасить происшествія сіи разными забавными приключеніями, которыя веселили насъ цѣлый вечеръ.

12-го мы отправились изъ Шуши и прибыли въ Яглу-Булакъ. Князь Мадатовъ разсказывалъ намъ о правленіи въ Карабагѣ. Во времена Ртищева здѣшніе беки доставали себѣ Русскіе чины черезъ посредничество Могилевскаго, который собралъ отъ нихъ большія деньги за то и выхлопоталъ имъ большія жалованья. Съ тѣхъ поръ беки сіи нѣсколько разъ были въ агахъ въ Персіи, а по возвращеніи своемъ пользовались тѣми же правами отъ нашего правительства. Теперь люди сіи получаютъ большія жалованья отъ насъ и ничего не дѣлаютъ кромѣ какъ бунтуютъ народъ. Князь Мадатовъ нѣсколько разъ представлялъ Алексѣю Петровичу, чтобы ихъ лишить жалованья; ибо изъ 8.000 червонцевъ годоваго дохода, получаемаго нами отъ Карабага, около 3.000 выходитъ на жалованье. Но главнокомандующій хочетъ еще помедлить, дабы внезапными мѣрами не отвратить народъ отъ насъ. Хотя бы народъ и весьма доволенъ былъ, еслибъ уничтожили власти хановъ и бековъ, но онъ имѣетъ къ нимъ довѣренность и слушаетъ внушенія ихъ.—14-го, день моего рожденія, мы дневали у Ханларъ-аги. Ввечеру я читалъ вслухъ нѣсколько изъ перевода, сдѣланнаго Кургановымъ изъ Армянской исторіи.

15-го мы отправились къ Горячимъ Водамъ. Онѣ весьма горячи, вытекаютъ изъ скалы въ большомъ изобиліи. Докторъ нашъ Зоровъ негусто смыслитъ по сей части. Сколько я могъ увидѣть, мнѣ показалось, что воды сіи заключаютъ купоросъ и селитру; горячія онѣ имѣютъ вкусъ соленый, а простылыя кислый, но весьма непріятный. Сюда пріѣзжаетъ каждый годъ по нѣскольку тысячъ Татаръ и лѣчатся. Они больше трехъ разъ не купаются, послѣ чего ложатся, потѣютъ, напьются сей воды и уѣзжаютъ на другой же день. Каковы же должны быть свойства сихъ водъ, когда послѣ трехъ ваннъ больные выздоравливаютъ? Всѣ возможныя болѣзни здѣсь проходятъ. Еслибъ обдѣлать ванны сіи и завести тутъ чистоту и порядокъ, то бы отъ сихъ водъ могла большая польза произойти; но Татары сіи совершенно дики, не заботятся о пользѣ общей, а въ водахъ сихъ видятъ нѣчто чудеснаго, нѣчто сверхъестественнаго. Въ тотъ же вечеръ мы работали съ солдатами, дабы очистить одну ванну для насъ.

16-го. Вьюки наши прибыли, мы пошли купаться въ ваннахъ; но вода столь горяча была, что давъ ей выстояться около получаса, я не могъ болѣе минуты въ оной просидѣть. Я выскочилъ изъ воды,

легъ и приказалъ себя весьма тепло накрыть, что произвело во мнѣ сильную испарину. Мадатовъ и Золотаревъ купались почти въ теплой водѣ. Мы всѣ потѣли съ часъ и возвратились домой чай пить.

Ввечеру мы разговаривали довольно долго съ княземъ Мадатовымъ. Я разсказывалъ ему ссору нашу съ Ивановымъ и причины, по которымъ меня не произвели. Я удивился, когда услышалъ изъподъ усовъ Мадатова разсужденія достойныя философа. Онъ мнѣ говорилъ, что конечно случай сей для меня весьма прискорбенъ долженъ быть, но что я долженъ скрыть свои неудовольствія, дабы не дать непріятелямъ своимъ радоваться моему прискорбію, а что когда Ермоловъ воротится съ линіи, то я долженъ просить у него объясненія, зачѣмъ я такимъ образомъ обиженъ предъ товарищами.

17-го. Мадатовъ разсказывалъ намъ одно происшествіе, переданное ему недавно приставомъ Нухинскаго или Шехинскаго ханства маіоромъ Баратовымъ, который увѣрялъ его въ истинѣ онаго. Тому съ мѣсяцъ какъ на берегахъ Куры, на большой равнинѣ, показалась огромная змѣя бѣлаго цвѣта. За ней шло множество змѣй разныхъ родовъ. Ей навстрѣчу вышла другая змѣя такой же величины, но совершенно краснаго цвѣта, тоже въ сопровожденіи малыхъ змѣй. Началось сраженіе, въ которомъ малыя змѣи дѣлали ужасные прыжки и передушили множество между собою. Наконецъ, большія двѣ змѣи схватились, и бѣлая задушила красную, которую подхватили и унесли съ поля сраженія. Тогда третья змѣя, взобравшись на скалу, испустила ужасный свистъ, послѣ котораго всѣ змѣи разбѣжались. Мадатовъ воспользовался симъ разсказомъ, чтобы увѣрить жителей, что бѣлый змѣй былъ нашъ *Бѣлый Царь*, а красный былъ *Персидскій Шахъ*; ибо Персіянъ называютъ Кизилъ-башами или красно-головыми. Происшествіе сіе вѣроятно ложное, но можетъ сдѣлать большое вліяніе на Татаръ.

21-го. Мы смотрѣли разоренную Армянскую церковь, называющуюся *Золъ*. Я удивлялся красотѣ и твердости зданія, мелкой рѣзьбѣ, которою покрыты камни. Калантаръ прочиталъ одну надпись, по которой мы узнали, что тутъ похороненъ какой-то Армянскій царь весьма давно; но Калантаръ не мастеръ былъ читать, и мы не могли много узнать изъ любопытныхъ надписей. Въ сводѣ церкви былъ ходъ, въ который нельзя было иначе попасть какъ въ одно небольшое отверстіе весьма высокое; лѣстницы у насъ не было, и я употребилъ то средство, которымъ Римляне лазили на стѣну въ крѣпость. Я поставилъ внизу трехъ казаковъ, имъ на плечи двухъ, а симъ послѣднимъ одного, который влѣзъ въ отверстіе, но испугавшись темноты воротился. Церковь окружена большимъ кладбищемъ, на коемъ вид-

ны были величественные памятники, какъ-то камни необыкновенной величины прекрасно выточенные и обдѣланные въ барельефахъ и надписяхъ; иные памятники состояли изъ столбовъ, сдѣланныхъ изъ цѣльнаго камня вышиною сажени въ полторы, а толщиною въ полъ-аршина; столбы сіи стояли на пьедесталахъ, карнизы были очень хорошо выдѣланы, а на верху столбовъ изъ того же самаго камня были сдѣланы вазы Греческаго вкуса.

До казачьяго поста намъ уже не болѣе двухъ верстъ оставалось; мы занимались разсматриваніемъ зданія, какъ вдругъ наши казаки закричали и сѣли на коней; мы за ними поскакали; ибо казаки съ поста гнали медвѣдя къ намъ навстрѣчу. Я схватилъ казачью пику, и мы окружили медвѣдя, который скрылся въ кустахъ, на берегу Гили растущихъ. Казачья лошадь моя была весьма плохая и едва везла меня; я предложилъ спѣшиться и атаковать медвѣдя въ кустахъ; но какъ никто не хотѣлъ сего сдѣлать, то я остался верхомъ. Казаки начали въ кусты стрѣлять, и медвѣдь оттуда выскочилъ. Онъ былъ огромный. Оглянувшись на всѣ стороны, онъ бросился на меня, ибо я ближе всѣхъ къ нему былъ, и я едва успѣлъ оборотить свою лошадь и уѣхать отъ него, потому что казаки всѣ врознь ударились. Медвѣдь пошелъ по рѣчкѣ внизъ; я въ слѣдъ за нимъ переправился на правый берегъ и слѣдовалъ рядомъ съ нимъ, саженяхъ въ четырехъ отъ него. Медвѣдь имѣлъ уже двѣ раны пулями, ибо его съ самаго утра гоняли. Я хотѣлъ довершить побѣду, ударивъ его хорошенько пикой, но онъ опять выскочилъ изъ воды и бросился на меня, такъ что я въ другой разъ едва успѣлъ отъ него отъѣхать. Между тѣмъ Водарскій зарядилъ ружье свое, выстрѣлилъ и попалъ медвѣдю въ спину; вслѣдъ за симъ мой казакъ тоже выстрѣлилъ изъ ружья, попалъ медвѣдю въ бокъ и убилъ его. Медвѣдь былъ столь великъ, что два казака съ трудомъ его могли на берегъ вытащить. Во все сіе время Бергъ пропадалъ; онъ сказалъ мнѣ послѣ, что онъ сзади пистолетъ заряжалъ. Увидѣвши медвѣдя растянутаго у ногъ нашихъ, онъ весьма удивился и какъ до него понятія весьма поздно доходятъ, то онъ разспрашивалъ о приключеніяхъ и смерти медвѣдя съ любопытствомъ, когда ему уже пороли брюхо ножемъ.

Убивши медвѣдя, мы поѣхали на постъ, осмотрѣли мѣсто и рѣшились возвратиться лѣвымъ берегомъ рѣки Гили, черезъ Эриванскія владѣнія. Мы остановились закусить на берегу озера, при разоренной Армянской церкви, которую я назначилъ подъ магазейнъ. Въ сей церкви есть каменный столпикъ странныхъ свойствъ: по оному можно угадывать, исполнятся или нѣтъ желанія проѣзжаго. Задумавъ чтонибудь, надобно взять камушекъ и приставить оный въ столпу: если

желаніе исполниться должно, то камень къ столпу прилипнетъ; если нѣтъ, то оный отвалится. Татары такъ увѣрены въ чудесныхъ свойствахъ сего столпа, что когда они ѣздятъ на рыбную ловлю, то всегда стараются узнать о благополучной или неблагополучной ловлѣ своей у сего столпа. Водарскій самъ вѣрилъ сему, ибо когда онъ прежде тутъ проѣзжалъ, то онъ самъ загадывалъ, и камень его прилипалъ къ столпу. Я также полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ состоитъ дѣло; камни мои не прилипали сначала, но вскорѣ я увидѣлъ, что на столпу семъ было нѣчто клейкое, которое придерживало камень въ иныхъ мѣстахъ, и всѣ мои камни стали прилипать: на столпу вороны вили гнѣзда и замарали оный каломъ своимъ. Но Бергъ по праву путешественника дѣлалъ другія заключенія. Онъ сталъ увѣрять пристава, что въ сей церкви дѣлались жертвоприношенія, что онъ навѣрное знаетъ, что жители обмазывали столпъ кровью жертвъ и что отъ того онъ получилъ сію клейкость. Мы посмѣялись предразсудкамъ Татаръ и догадкамъ путешественника...

25-го. Я имѣлъ отъ пристава письмо къ Армянскому архіерею, кочующему въ горахъ, дабы быть хорошо принятымъ на ночлегѣ; но едва я сталъ подыматься на Мургузъ какъ встрѣтилъ архіерея: онъ ѣхалъ къ приставу съ плодами въ подарокъ. Я ему показалъ письмо отъ пристава. Архіерей былъ больше похожъ на мужика, чѣмъ на священную особу; я съ нимъ изъяснялся потурецки. Безъ дальнихъ оборотовъ архіерей поѣхалъ проводникомъ впереди. Мы въ тотъ день немного отъѣхали и ночевали за Мургузомъ внизу у рѣки; архіерей досталъ намъ барана и взамѣнъ выпилъ у меня половину рома моего, не забывая и водки.

26-го мы поѣхали дальше. Архіерей ѣхалъ весьма медленно, на каждомъ кочевьѣ останавливался, благословлялъ Армянъ, такъ что я разсердился и поѣхалъ отъ него впередъ; онъ послалъ меня воротить, ибо на каждомъ кочевьѣ смѣнялъ по одной лошади, а я ему послалъ сказать, чтобы онъ лошадей впередъ за мной послалъ, и остановился отдыхать у его кочевья, отъ котораго онъ меня старался отвести. Архіерей скоро самъ прискакалъ, угощалъ насъ огурцами, смѣнилъ нашихъ лошадей, и я весьма радъ былъ съ нимъ проститься.

27-го. Я увидѣлъ огни Тифлисскіе съ такимъ удовольствіемъ, какъ бы я увидѣлъ огни въ домѣ отца моего.

28-го поутру я явился къ Иванову и спросилъ у него, на чье имя онъ прикажетъ мнѣ подать рапортъ и представить работу; онъ приказалъ сіе сдѣлать на имя Вельяминова. Я явился къ Вельяминову и былъ обласканъ имъ.

Итакъ нынѣшняя командировка удалась мнѣ лучше первой.

29-го я началъ работу свою обдѣлываніемъ плана дороги отъ Шуши до озера Гокча или Севанга и описаній.

1-го Августа. Я представилъ сперва работу свою Иванову и потомъ Вельяминову, который поблагодарилъ меня и просилъ сдѣлать еще одинъ экземпляръ плана дороги, дабы послать оный къ Алексѣю Петровичу.

Въ отсутствіе мое пріѣхалъ сюда Хойскій ханъ изъ Персіи. Онъ ведетъ жеребцовъ въ подарокъ къ Государю и, кажется, имѣетъ къ нему тайныя препорученія отъ Персидскаго двора; можетъ быть, что шахъ хочетъ просить Карабагъ себѣ обратно, мимо Алексѣя Петровича. Ханъ сей продѣлалъ разныя штуки съ Вельяминовымъ, напр. онъ три дня сряду не хотѣлъ идти къ нему, ожидая отъ него перваго визита; но Вельяминовъ не сдался, къ нему не пошелъ, и когда ханъ согласился къ нему первый идти, то Вельяминовъ три дня его не принималъ. Жеребцы, которыхъ онъ къ Государю въ подарокъ ведетъ, весьма посредственны; они стоятъ у Бебутова на дворѣ. Бебутовъ позвалъ къ себѣ одного изъ называющихся чиновниками хана и выдающаго себя за сарбазскаго полковника. Самозванецъ-полковникъ сей получилъ на дняхъ пятьсотъ ударовъ палками по пятамъ отъ своего хана. Я его въ Персіи видалъ и узналъ его. Онъ просто слуга Аббасъ-мирзы, знаетъ нѣсколько по-русски и потому былъ посланъ къ посольству, дабы служить шпіономъ; но Боборыкинъ его еще въ Эривани узналъ и объявилъ объ немъ Алексѣю Петровичу, который, желая показать Аббасъ-мирзѣ, сколько мало онъ его боится, нарочно ругалъ его при семъ шпіонѣ и послѣ велѣлъ прогнать его.

Содержаніе хана стоитъ намъ здѣсь каждый день до сорока рублей серебромъ, но ханъ изъ сего промышляетъ. Ему назначили было тридцать рубл. сер. получать на день, онъ отъ нихъ отказался и требовалъ, чтобы ему все натурой выдавали. На то согласились, и онъ подалъ записку о томъ, что̀ ему нужно, такъ что онъ получаетъ на 40 рубл. сер. въ день: онъ не можетъ половину того съѣсть; кромѣ того не кормитъ людей своихъ, продаетъ провизію и обираетъ у людей деньги. Промыселъ достойный Персидскаго посланца!

Царь Георгій былъ послѣдній въ Грузіи. Человѣкъ сей заботился больше о своемъ желудкѣ, чѣмъ объ отечествѣ своемъ и продалъ оное Русскимъ. Онъ былъ весьма золъ. Князь Бебутовъ былъ тогда мишь-карбашемъ при немъ или оберъ-егермейстеромъ и служилъ при одномъ изъ его сыновей, котораго онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Георгій жилъ въ домѣ у Бебутовыхъ. Разъ онъ позвалъ мишь-карбаша къ себѣ; дорогой его предупредили, что царь хочетъ ему глаза выколоть. Бебутовъ испугался, не зналъ на что̀ рѣшиться, идти-ли

къ нему или нѣтъ? Наконецъ онъ рѣшился идти и предстать предъ царя своего, изнеможеннаго роскошной и нѣжной жизнію и болѣзнями. Бебутовъ былъ больше мертвъ, нежели живъ. Ты, я чаю, весьма оскорбишься, закричалъ ему Георгій грознымъ голосомъ, если я тебя куда-нибудь пошлю?—Мой долгъ и мои желанія въ томъ состоятъ, чтобы пролить кровь свою за ваше величество.—Поѣзжай же сейчасъ въ Елисаветполь къ Джаватъ-хану, объяви ему о славныхъ побѣдахъ, одержанныхъ Русскими надъ Лезгинами и скажи ему, что если онъ мнѣ подарковъ не пришлетъ, то я и за него примусь. Бебутовъ радъ былъ удрать, выѣхалъ немедленно изъ Тифлиса и остался у Джаватъ-хана Ганжинскаго; ибо онъ узналъ навѣрное, что намѣреніе Георгія было выколоть ему глаза. Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ къ нему человѣкъ, посланный отъ жены его, съ запиской вшитой въ потникѣ сѣдла. Записка сія содержала слѣдующія слова: Пріѣзжай, хищная птица наша умерла. Бебутовъ немедленно оставляетъ Джаватъ-хана, прискакиваетъ въ Крагъ-Салаглы и узнаетъ, что Георгій цѣлые сутки лежалъ въ обморокѣ и опять ожилъ. Встрѣтившіеся съ нимъ поздравляютъ его со столь радостнымъ извѣстіемъ; но Бебутовъ вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Тифлисъ, поворотилъ налѣво, въ Казахи, гдѣ онъ три дня прожилъ и узналъ, наконецъ, навѣрное, что Георгій во второй разъ рѣшительно умеръ и не воскреснетъ больше. Тогда онъ возвратился въ Тифлисъ. Происшествіе сіе можетъ дать малое понятіе о правленіи царей Азійскихъ...

7-го, я уже началъ заниматься по прежнему. Вчера ввечеру былъ у меня Ѳома Кургановъ, и мы читали презанимательныя записки его, содержащія Армянскую исторію вкратцѣ. Кургановъ весьма хорошо сообразилъ ее и представилъ весьма внятно всю исторію Арменіи на нѣсколькихъ страницахъ.

8-го ввечеру былъ у Унгерна, гдѣ мы имѣли разговоръ на счетъ злоупотребленій, нынѣ во времена Алексѣя Петровича существующихъ. Они столь велики, какъ еще никогда не были: никогда столько взятокъ не брали какъ нынче. Ермоловъ видитъ все, но позволяетъ себѣ наушничать и часто оправдываетъ и обласкиваетъ виноватаго. Напр. полковникъ Ладинскій, человѣкъ извѣстный своимъ корыстолюбивымъ нравомъ, плутовствами и злодѣяніями во времена Ртищева, теперь любимецъ генерала; полковникъ Екимовъ тоже каналья и тоже любимъ; полковникъ Пузыревскій, злодѣй и корыстолюбивый, также любимъ и проч., когда о порядочныхъ людяхъ и знать не хотятъ. А сему причиною Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, къ которому всѣ сіи народы подбиваются. Вельяминовъ же дѣлаетъ изъ Алексѣя Петровича что хочетъ. Столь долгое пребываніе главнокомандующаго на Сунджѣ

подаетъ мысль, что ему Грузія надоѣла и что онъ хочетъ отъ дѣлъ отвязаться, отъ чего злоупотребленія увеличиваются, и народъ ропщетъ.

Кахетинскому бунту были причиною Русскіе, послѣ чего наказаны были тѣ изъ Грузинъ, которые невинны были, а виноватые всѣ откупились и получили чины, кресты и большія жалованья, такъ что сами Грузины говорятъ въ насмѣшку, что тотъ, который полковника зарѣзалъ, тотъ самъ теперь полковникъ, который маіора зарѣзалъ, тотъ маіоръ, который капитана зарѣзалъ, тотъ капитанъ.

По всему нынѣ видимому кажется, что будетъ новый бунтъ.

Мы также говорили о безчестномъ поступкѣ Русскаго правительства съ Соломономъ, царемъ Имеретинскимъ. Войска наши заняли Имеретію, и Соломону предложили ѣхать въ Петербургъ, на что онъ согласился только тогда, когда посланный къ нему Могилевскій далъ ему клятву на Евангеліи, что ему никакого зла не будетъ. По пріѣздѣ въ Тифлисъ Соломона сажаютъ подъ караулъ, и онъ, боясь, чтобы съ нимъ чего другаго не сдѣлали, ушелъ въ Турцію, за что комендантъ, караульный офицеръ и дежурный были разжалованы въ солдаты, а дивизіонный генералъ Розенъ былъ подъ судомъ. Головалевъ разсуждалъ весьма обыкновеннымъ образомъ и называлъ Грузинъ измѣнниками, не входя въ разсмотрѣніе злодѣяній, которыя мы съ ними дѣлали. Онъ также обвинялъ поступокъ царицы Грузинской, которая своеручно убила кинжаломъ генерала Лазарева, который пришелъ къ ней объявить, что она должна ѣхать съ нимъ въ Петербургъ немедленно и хотѣлъ употребить насиліе, когда она отказывалась отъ сего путешествія. Поступокъ сей можно бы назвать геройскимъ. Что остается дѣлать царицѣ, которую хотятъ съ престола свергнуть? Но мы привыкли думать, что Грузины насъ любить должны, и потому называемъ ихъ измѣнниками, мучаемъ ихъ, вѣшаемъ и сквозь строй гоняемъ невинныхъ.

Я ужиналъ у мишь-карбаша; у него были князь Шіошъ Тумановъ и Ѳома Кургановъ. Мы разговаривали о древней исторіи Грузіи и законахъ ея. Кургановъ назвалъ одинъ законъ, который еще теперь въ Имеретіи въ употребленіи. Оный существовалъ и въ Европѣ въ рыцарскія времена. Раскаливали желѣзный крестъ на огнѣ и клали его на руку тяжущихся; они должны были три шага съ онымъ сдѣлать и бросить его передъ судьями. Тогда имъ надѣвали на руки мѣшки, кои припечатывали къ рукѣ и послѣ трехъ дней свидѣтельствовали у нихъ руки; тотъ, у котораго оставался слабѣйшій знакъ обожженія, считался правымъ. Испытаніе сіе дѣлалось еще другимъ образомъ: искатели должны были вынуть желѣзный крестъ изъ кипящей воды, послѣ того руки ихъ также запечатывались въ мѣшки.

Послѣ того разговоръ зашелъ у насъ о правленіи Русскихъ въ Грузіи. Злоупотребленій здѣсь множество. Алексѣй Петровичъ смотритъ на оныя сквозь пальцы, или не знаетъ объ оныхъ. Всякій управляющій какой-нибудь частью присвоиваетъ себѣ неограниченную власть и дѣлаетъ что ему вздумается. По словамъ Грузинъ, Θеофилактъ не упущаетъ случая, а на полицiймейстера Каханова весь Тифлисъ до такой степени озлобленъ, что жители въ состояніи его ночью упрятать куда-нибудь. Кахановъ однако славно заправляетъ дѣлами полиціи, расширяетъ улицы и строитъ дома, не взирая на разореніе жителей, ибо онъ заставляетъ нищихъ строить двухъ-этажные дома. Для лучшаго исполненія возложенной на него должности власть ему дана неограниченная, и онъ часто пользуется ею, чтобы притѣснять жителей. Просьбы на него подаваемыя уничтожаются безъ всякаго разсмотрѣнія начальствомъ.

11-го. Ввечеру пріѣхалъ Василій Бебутовъ отъ Алексѣя Петровича сюда для провожанія прибывшаго хана въ Петербургъ.

12-го Бебутовъ вручилъ мнѣ бриліантовый перстень и бумагу отъ Алексѣя Петровича, въ которой онъ объявляетъ мнѣ высочайшее благоволеніе отъ Государя за посольство. Бумага мнѣ особенно пріятна была, потому что генералъ кончаетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ весьма пріятно надѣяться, что сія монаршая милость послужитъ вамъ къ вящшему на пользу службы усердію, которымъ и поставите вы меня въ обязанность ходатайствовать у престола Государя Императора о достойномъ васъ вознагражденіи». Не ясно-ли тутъ сказано, что онъ чувствуетъ обиду мою и вознаграждаетъ меня?

Бебутовъ извѣстилъ меня о дѣлахъ, на линіи происходящихъ. Чеченцы въ большихъ силахъ нападаютъ на насъ; у нихъ до 4000 войскъ, и у насъ до 11 тыс.; но они всегда отбиты съ большимъ урономъ. Въ одномъ изъ такихъ сраженій мы сдѣлали 114 пушечныхъ выстрѣловъ и побили у нихъ болѣе 20 человѣкъ, тогда какъ съ нашей стороны только двое раненыхъ.

14-го. Съ Сунджи пришло извѣстіе о новомъ сраженіи, въ которомъ Чеченцы напали въ большихъ силахъ на одну колонну нашу. Генералъ Вельяминовъ былъ посланъ на выручку оной и освободилъ ее. Сраженіе происходило на чистомъ полѣ; множество Чеченцевъ побито картечью, другіе бѣжали, разсыпались по лѣсамъ и теперь совершенно исчезли. Съ нашей стороны убитыхъ нѣтъ, а раненыхъ четыре солдата и маіоръ Грековъ.

На первыхъ дняхъ прибытія Алексѣя Петровича къ лагерю на Сунджѣ, Чеченцы вырѣзали нѣсколько Донскихъ козаковъ, стоявшихъ на пикетѣ. Съ Донскими казаками всегда такія вещи случаются, ибо

нѣтъ войска оплошнѣе, лѣнивѣе, безпечнѣе и презрительнѣе ихъ. Ермоловъ жестоко наказалъ остальныхъ казаковъ плетьми, потомъ выславъ всѣхъ изъ кибитки, призвалъ къ себѣ Донскаго офицера, бывшаго на посту. Тебя плетьми бить нельзя, сказалъ онъ ему, потому что ты офицеръ; такъ вотъ же тебѣ! Ермоловъ схватилъ его за чупрунъ одной рукой, а другой избилъ его по чемъ ни попало, потомъ сбилъ его съ ногъ, потопталъ и, выкинувъ изъ кибитки, кликнулъ адъютанта Лещенко, которому велѣлъ яму вырыть, дабы сего офицера живаго въ оную зарыть. Сысоевъ упросилъ Алексѣя Петровича, который бы вѣрно сего не сдѣлалъ, хотя уже и яму рыли. Офицера сего изъ службы за то выключили. Алексѣй Петровичъ по примѣру князя Циціанова нѣсколько разъ продѣлывалъ такія операціи съ Грузинами.—Изъ писемъ, полученныхъ вчера Воейковымъ, я узналъ, что старшій братъ мой Александръ помолвленъ на Шаховской и уѣхалъ съ ней въ Петербургъ....

28-го поутру уѣхалъ отсюда князь Василій Бебутовъ съ прибывшимъ Персидскимъ ханомъ. Я съ нимъ отправилъ моего Артемья, который на службу не годенъ по пьянству и по слѣпотѣ своей. Я ему выпрошу у отца моего волю, которую онъ заслужилъ своей вѣрностью и усердіемъ.

Ввечеру я былъ у Шахубатова, бывшаго здѣсь нѣкогда полиціймейстеромъ, и читалъ у него отрывки изъ рукописной исторіи Грузіи, которую онъ недавно кончилъ. Видно, что онъ много трудился, ибо Грузинскія лѣтописи представляли только однѣ небылицы, въ коихъ даже лѣта не были выставлены. Шахубатовъ избралъ истину, привелъ ее въ надлежащій порядокъ и дожидается прибытія Алексѣя Петровича, чтобы ему представить сію книгу и просить позволенія напечатать оную. Слогъ могъ бы гораздо получше быть, но Шахубатовъ упрямъ и не любитъ слушать совѣтовъ.

1-го Сентября. Третьяго дня я узналъ, что Александръ-царевичъ, ради побѣга коего, изъ предосторожности, вся Грузія была усыпана козаками (на Курѣ всѣ броды были заняты и учреждены были поминутные разъѣзды) пробрался въ Ахалцыхъ съ 24 человѣками мимо полковника Ладинскаго, котораго я полагаю вѣ части и въ заговорѣ съ тѣми изъ жителей, которые подкуплены были для пропуска царевича *). Но если Ладинскій, какъ вѣроятно по душѣ его и по прежнимъ поступкамъ, виноватъ: онъ все-таки выпутается, сдѣлаетъ другихъ виноватыми и получитъ еще награжденіе за одного князя Агатова, который ѣхалъ за царевичемъ, у котораго лошадь пристала и котораго Ладинскій принужденъ былъ взять и прислать въ Тифлисъ. Поведеніе

---

*) См. въ Р. Архивѣ 1878, II, 300 предписаніе Вельяминова Ладинскому о царевичѣ. П. Б.

Ладинскаго въ семъ случаѣ довольно ясно доказываетъ, что онъ сговорился съ царевичемъ пропустить его. Нельзя однако человѣка обвинить въ такомъ преступленіи, не имѣя на то вѣрнѣйшихъ доказательствъ; но, зная подлость Ладинскаго, я лично готовъ сему вѣрить. Не знаю теперь, какимъ образомъ царевичъ будетъ Персіянами принятъ; ибо я знаю, что въ мирномъ договорѣ съ ними сказано въ секретной статьѣ, что если Персіяне примутъ его, то сіе сочтутъ за объявленіе войны съ ихъ стороны.

2-го. Слухъ пронесся, что три музыканта стояли у духана; духанщикъ указалъ имъ одного человѣка, говоря, что онъ есть Александръ царевичъ; музыканты хотѣли поймать его, но онъ ушелъ. Тотчасъ повелѣнія даны были по всѣмъ заставамъ не выпущать простаго народа изъ города; но не менѣе того я самъ видѣлъ, какъ всякій свободенъ былъ идти, куда ему заблагоразсудится.

3-го. Ввечеру былъ у меня Головалевъ и разсказывалъ, какимъ образомъ царевичъ проѣхалъ мимо самой квартиры Донскаго полковника Табунщикова, которому за шесть часовъ до сего дано было знать о проѣздѣ царевича и о всѣхъ примѣтахъ его, самымъ подробнымъ образомъ. Когда царевичъ былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, онъ, узнавъ, что то былъ сомнительный человѣкъ, послалъ одного козака воротить его; но царевичъ объявилъ козаку, чтобы онъ не безпокоился о томъ, ибо онъ скоро уже будетъ въ Ахалцихскомъ пашалыкѣ. Оплошность и безпечіе нынѣшнихъ Донскихъ козаковъ въ Грузіи можетъ вступить въ пословицу.

10-го. Я началъ у Иванова новую работу: почтовую карту всей Грузіи, которую отъ него князь Волконскій требуетъ.

Донскаго полковника Табунщикова Алексѣй Петровичъ удалилъ отъ полка за то, что онъ пропустилъ царевича.

12-го. Я узналъ вчера, что три полка: 9-й егерскій, 17-й егерскій и Тифлисскій пѣхотный получили приказаніе быть готовымъ къ выступленію въ походъ; ибо получены извѣстія, что Мекти-Кули-ханъ Карабагскій хочетъ взбунтоваться со своими подданными. Командиръ всего отряда сего будетъ генералъ-маіоръ фонъ-Краббе.

13-го. Я пришелъ домой довольно поздно. Только что я успѣлъ раздѣться, какъ услышалъ женскій вой на дворѣ и повторенныя слова: *мокуди, мокуди,* что̀ значитъ умерла или умеръ. Я выбѣжалъ и увидѣлъ свою сосѣдку въ ужасномъ отчаяніи; она рвала на себѣ волосы, билась въ грудь, въ лице. У нея умерла дочь ея, дѣвочка 16 лѣтъ, прекрасная собой, которая уже мѣсяца съ три какъ хворала. Ее залечили Грузинскіе лекаря. Я всякій день смотрѣлъ на несчастную сію

въ маленькое окошко изъ чулана и видѣлъ каждый день, какъ она постепенно истаевала.

14-го. Воздвиженіе. Я хотѣлъ было къ обѣднѣ идти; но мнѣ помѣшали двое похоронъ, которые мимо меня пронесли, изъ коихъ одни были похороны моей сосѣдки; тутъ и Армянскій архимандритъ Нерсесъ былъ. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на принужденныя кривлянія родственниковъ и на плакальщицъ.

Вчера я получилъ бумагу отъ Иванова для принятія дѣлъ отъ него по квартирмейстерской части: онъ самъ ѣдетъ къ Донскому полковнику Табунщикову для изслѣдованія дѣла, какимъ образомъ проѣхалъ мимо него Александръ-царевичъ, и дѣлаетъ большую тайну изъ сего.

15-го. Коцебу тоже вчера уѣхалъ въ Ганжу и дальше, для дѣланія астрономическихъ наблюденій. Я явился къ Вельяминову, который велѣлъ мнѣ заняться размѣщеніемъ въ городѣ прибывшихъ трехъ баталіоновъ изъ лагеря. Я по сему дѣлу ходилъ къ Дренякину, ихъ бригадному командиру, и нашелъ его больнаго, лежащаго въ несказанномъ свинствѣ и нищетѣ. Онъ былъ окруженъ штабъ-офицерами сихъ баталіоновъ, которыхъ онъ даже не посадилъ; онъ вралъ ужасную дичь: говорилъ мнѣ, что для размѣщенія солдатъ по квартирамъ должно измѣрить длину и ширину сакли, вычислить квадратное содержаніе оной и раздѣлить послѣ того сакли по баталіонамъ. Дренякинъ насмѣшилъ насъ всѣхъ. Я узналъ вчера отъ адъютанта его Степанова, что деньщикъ его пишетъ къ нему рапорты о числѣ оставшихся подковъ и гвоздей, о числѣ подкованныхъ ногъ у лошадей и пр.

16-го. Я цѣлое утро бѣгалъ съ квартиргерами вступившихъ баталіоновъ, которые не могли умѣститься, потому что гарнизоны занимали множество квартиръ. Я представилъ генералу, и онъ согласился вывести гарнизонъ въ селеніе Навтлугъ и приказалъ возвратить полковымъ штабъ-офицерамъ ихъ квартиры, которыя во время отсутствія ихъ были заняты посторонними людьми. Я объявилъ сіе полиціймейстеру, который отвѣчалъ мнѣ, что генералъ не имѣетъ права входить въ распоряженія квартиръ, и сталъ мнѣ давать наставленія касательно моей должности. Я принужденъ былъ заставить его молчать, напомня ему, что не ему меня учить.

17-го. Я наканунѣ представилъ генералу о выводѣ гарнизоннаго баталіона за городъ и говорилъ ему еще о нѣкоторыхъ другихъ перемѣнамъ касательно квартиръ. Онъ на все согласился. Опираясь на томъ, я сдѣлалъ свои распоряженія и расположилъ баталіоны. Вчера я узналъ, что генералъ все отмѣнилъ, потому что гарнизонныхъ никто принимать не хочетъ на постой за воровство и грабежъ

ихъ. Генерала кто-то отговорилъ. Я поѣхалъ къ нему съ Наумовымъ, и онъ опять все перемѣнилъ по моему....

1-го. Октября. Я получилъ письма изъ крѣпости Грозной отъ Петра Николаевича, отъ Боборыкина, Бековича и Лещенко; они поздравляютъ меня съ производствомъ въ капитаны въ приказахъ отъ 30-го Августа. Алексѣй Петровичъ самъ приписываетъ мнѣ въ письмѣ Петра Николаевича, поздравляетъ меня и кончаетъ сими словами: Ради стараться въ пользу вашу!!!—Ввечеру зашелъ ко мнѣ неожиданнымъ образомъ Ѳеофилактъ; онъ тоже поздравилъ меня и долго разговаривалъ. Самолюбіе его неограниченное, а въ спорахъ онъ разсуждаетъ часто криво единственно для того, чтобы поддержать сказанное имъ.

2-го поутру комендантъ сказалъ мнѣ, что недавно прислано въ Грузію пять крестьянъ помѣщичьихъ Тамбовской губерніи. Сіи люди были въ солдаты сданы, но не хотятъ служить; ихъ уже нѣсколько разъ кнутомъ сѣкли и сквозь строй гнали, но они отдаютъ себя охотно на самыя жестокія мученія и на смерть, дабы не служить. Отпустите насъ, говорятъ они, и не троньте насъ; мы никого трогать не будемъ. Всѣ люди равны, и Государь тотъ же человѣкъ какъ и мы; зачѣмъ мы будемъ ему подати платить, зачѣмъ я буду подвергать свою жизнь опасности, чтобы убить на войнѣ человѣка мнѣ не сдѣлавшаго никакого зла? Вы можете насъ по кускамъ рѣзать, а мы не перемѣнимъ своихъ мыслей, не надѣнемъ шинели и не будемъ пайка ѣсть. Тотъ который надъ нами сжалится, дастъ намъ милостыню, а казеннаго мы ничего не имѣли и имѣть не хотимъ. Вотъ слова сихъ мужиковъ, которые увѣряютъ, что имъ подобныхъ есть множество въ Россіи. Ихъ четыре раза водили въ Комитетъ Министровъ и, наконецъ, рѣшились о томъ представить Государю, который приказалъ для поправленія отправить ихъ въ Грузію и предписалъ главнокомандующему доносить ему ежемѣсячно о постепенныхъ успѣхахъ для приведенія сихъ крестьянъ къ настоящимъ мыслямъ.

7-го. Якубовичъ разсказалъ мнѣ въ подробности поединокъ Шереметева въ Петербургѣ. Шереметевъ былъ убитъ Завадовскимъ, а Якубовичу тогда должно было стрѣляться съ Грибоѣдовымъ за тоже дѣло. У нихъ были пистолеты въ рукахъ; но, увидя смерть Шереметева, Завадовскій и Грибоѣдовъ отказались стрѣляться. Якубовичъ съ досады выстрѣлилъ по Завадовскому и прострѣлилъ ему шляпу. За сіе онъ былъ сосланъ въ Грузію. Теперь ѣдетъ черезъ Грузію въ Персію Грибоѣдовъ. Якубовичъ хочетъ съ нимъ стрѣляться и повѣрилъ сіе мнѣ и Унгерну. Онъ не зоветъ насъ въ секунданты, зная, чему они подвергаются со стороны правительства, но желаетъ, чтобы мы шагахъ въ двадцати находились и помогли бы раненному. Я совѣто-

вался на сей счетъ съ Унгерномъ, и мы не находимъ въ Тифлисѣ мѣста удобнаго для сего. Грибоѣдовъ ѣдетъ сюда потому, что онъ находится при Мазаровичѣ, который назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Персидскомъ дворѣ. Мазаровичу положено при семъ мѣстѣ 3.000 червонцевъ жалованья, кромѣ экстраординарной суммы.

8-го. Послѣ обѣда ходилъ въ садъ, дабы найти мѣсто удобное для поединка Якубовича. Вечеръ провелъ у меня Якубовичъ. Его образъ мыслей на счетъ многихъ предметовъ мнѣ очень понравился.

21-го. Якубовичъ объявилъ намъ, что Грибоѣдовъ, съ которымъ онъ долженъ стрѣляться, пріѣхалъ, что онъ съ нимъ переговорилъ и нашелъ его согласнымъ кончить начатое дѣло. Якубовичъ просилъ меня быть секундантомъ. Я не долженъ былъ отказаться, и мы условились, какимъ образомъ сіе сдѣлать. Положили стрѣляться имъ у Талызина на квартирѣ.

22-го я обѣдалъ у Француза и видѣлъ Грибоѣдова. Человѣкъ весьма умный и начитанный, но онъ мнѣ показался слишкомъ занятъ собой. Секундантъ его маленькій человѣкъ; не знаю, кто онъ такой. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ сюда одинъ капитанъ Быковъ, л.-г. Павловскаго полка, для выбора людей въ гвардію. Ввечеру Грибоѣдовъ съ секундантомъ и Якубовичемъ пришли ко мнѣ, дабы устроить поединокъ какъ должно. Грибоѣдова секундантъ предлагалъ имъ сперва мириться, говоря, что первый долгъ секундантовъ состоитъ въ томъ, чтобы помирить ихъ. Я отвѣчалъ ему, что я въ сіе дѣло не мѣшаюсь, что меня призвали тогда какъ уже положено было драться, слѣдственно Якубовичъ самъ знаетъ, обижена-ли его честь. И мы начали условливаться; но тотъ вывелъ меня въ другую комнату и просилъ меня опять стараться о примиреніи ихъ, говоря, что онъ познакомился въ Москвѣ съ матерью Грибоѣдова, которая просила его стараться сколько возможно остановить сей поединокъ, который она предвидѣла, и слѣдственно, что долгъ заставлялъ его сіе дѣлать. Между тѣмъ Якубовичъ въ другой комнатѣ началъ съ Грибоѣдовымъ спорить довольно громко. Я рознялъ ихъ и, выведя Якубовича, сдѣлалъ ему предложенія о примиреніи; но онъ ихъ слышать не хотѣлъ. Грибоѣдовъ вышелъ къ намъ и сказалъ Якубовичу, что онъ самъ его никогда не обижалъ. Якубовичъ на то согласился. «А я такъ обиженъ вами; почему же вы не хотите оставить сего дѣла?»—Я обѣщался честнымъ словомъ покойнику Шереметеву при смерти его, что отомщу за него на васъ и на Завадовскомъ.—Вы поносили меня вездѣ».—Поносилъ и долженъ былъ сіе сдѣлать до этихъ поръ; но теперь я вижу, что вы поступили какъ благородный человѣкъ; я уважаю вашъ поступокъ; но не менѣе того долженъ кончить начатое дѣло и сдержать слово

свое, покойнику данное.—«Если такъ, такъ гг. секунданты пущай рѣшатъ дѣло». Я предлагалъ драться у Якубовича на квартирѣ, съ шестью шагами между барьерами, и съ однимъ шагомъ назадъ для каждаго; но секундантъ Грибоѣдова на то не согласился, говоря, что Якубовичъ, можетъ, приметался уже стрѣлять въ своей комнатѣ.

Я согласился сдѣлать все дѣло въ полѣ; но для того надобно было достать бричку, лошадей, уговорить лекаря. Амбургеръ, секундантъ Грибоѣдова, взялся достать бричку у братьевъ Мазаровичей и нанять лошадей. Онъ побѣжалъ къ нимъ, а я къ Миллеру, который сперва подумалъ, что его въ секунданты звали, смѣшался сперва и не хотѣлъ согласиться; но когда онъ узналъ, что его просили только помочь раненному, онъ тотчасъ согласился и обѣщался мнѣ на другое утро дожидаться меня. Амбургеръ съ своей стороны досталъ бричку. Всѣ опять у меня собрались, отужинали, были веселы, дружны, разговаривали, смѣялись, такъ что ничего на поединокъ похожаго не было. Желая облегчить поединокъ (какъ то былъ мой долгъ), я задержалъ Унгерна и Якубовича у себя, послѣ того какъ всѣ ушли, и предлагалъ Якубовичу кончить все при двухъ выстрѣлахъ, не смотря на то, будетъ-ли кто раненъ, и взять восемь шаговъ между барьерами. Но онъ никакъ не согласился на мое предложеніе, и я принужденъ былъ остаться при прежнихъ правилахъ.

23-го я всталъ рано и поѣхалъ за селеніе Куки отыскивать удобнаго мѣста для поединка. Я нашелъ Татарскую могилу, мимо которой шла дорога въ Кахетію; у сей дороги былъ оврагъ, въ которомъ можно было хорошо скрыться. Тутъ я назначилъ быть поединку. Я воротился къ Грибоѣдову въ трактиръ, гдѣ онъ остановился, сказалъ Амбургеру, чтобы они не выѣзжали прежде моего возвращенія къ нимъ, вымѣрилъ съ нимъ количество пороху, которое должно было положить въ пистолеты и пошелъ къ Якубовичу, а отъ него къ Миллеру; но Миллера я не засталъ дома. Я побѣжалъ въ военный госпиталь, нашелъ его тамъ и сказалъ ему, что ему уже отправляться пора. Мы съ нимъ условились, что онъ прежде всѣхъ поѣдетъ въ Куки въ военный госпиталь, что онъ тамъ дождется, пока я проѣду и поѣдетъ въ лагерь къ колонистамъ, откуда онъ будетъ смотрѣть къ монументу, и какъ скоро я покажусь верхомъ изъ оврага, онъ поскачетъ къ намъ. Якубовичу я сказалъ, чтобы онъ отправлялся пѣшкомъ къ мѣсту, спрятался бы за монументъ и не выходилъ бы оттуда, пока я его не позову. Амбургеру съ Грибоѣдовымъ я сказалъ, чтобы они въ бричкѣ ѣхали и взяли бы съ собой свои пистолеты. Я самъ поѣхалъ верхомъ, увидѣлъ Миллера, поставилъ бричку за горой и повелъ Грибоѣдова съ секундантомъ. Я полагалъ, что Якубовичъ,

который видѣлъ куда бричка поѣхала, пойдетъ за ней; но онъ пошелъ къ монументу и спрятался за оный. Я забылъ, что ему велѣлъ туда идти, и когда Грибоѣдовъ спросилъ у меня гдѣ онъ, я поскакалъ изъ оврага и, вспомня, что онъ за памятникомъ, позвалъ его; но Миллеръ принялъ сіе за знакъ, подумалъ, что ему выѣзжать пора и тронулся, но онъ не примѣтилъ оврага, въ который я опять въѣхалъ, и проскакалъ въ горы.

Мы назначили барьеры, зарядили пистолеты и, поставя ратоборцевъ, удалились на нѣсколько шаговъ. Они были безъ сюртуковъ. Якубовичъ тотчасъ подвинулся къ своему барьеру смѣлымъ шагомъ и дожидался выстрѣла Грибоѣдова. Грибоѣдовъ подвинулся на два шага; они простояли одну минуту въ семъ положеніи. Наконецъ Якубовичъ, вышедши изъ терпѣнія, выстрѣлилъ. Онъ метилъ въ ногу, потому что не хотѣлъ убить Грибоѣдова; но пуля попала ему въ лѣвую кисть руки [1]). Грибоѣдовъ приподнялъ окровавленную руку свою, показалъ ее намъ и навелъ пистолетъ на Якубовича. Онъ имѣлъ все право подвинуться къ барьеру; но, примѣтя, что Якубовичъ метилъ ему въ ногу, онъ не захотѣлъ воспользоваться предстоящимъ ему преимуществомъ: онъ не подвинулся и выстрѣлилъ. Пуля пролетѣла у Якубовича подъ самымъ затылкомъ и ударилась въ землю; она такъ близко пролетѣла, что Якубовичъ полагалъ себя раненнымъ: онъ схватился за затылокъ, посмотрѣлъ свою руку, однако крови не было. Грибоѣдовъ послѣ сказалъ намъ, что онъ цѣлился Якубовичу въ голову и хотѣлъ убить его, но что это не было первое его намѣреніе, когда онъ на мѣсто сталъ. Когда все кончилось, мы подбѣжали къ раненному, который сказалъ: O sort injuste! [2]). Онъ не жаловался и не показывалъ вида, что онъ страдаетъ. Я поскакалъ за Миллеромъ, его въ колоніи не было; я поѣхалъ въ горы, увидѣлъ его вдали и окликнулъ; онъ пріѣхалъ къ намъ, перевязалъ слегка рану и уѣхалъ. Раненнаго положили въ бричку, и все отправилось ко мнѣ. Тотъ день Грибоѣдовъ провелъ у меня; рана его не опасна была, и Миллеръ далъ намъ надежду, что онъ въ короткое время выздоровѣетъ. Дабы скрыть поединокъ, мы условились сказать, что мы были на охотѣ, что Грибоѣдовъ съ лошади свалился и что лошадь наступила ему ногой на руку. Якубовичъ теперь бываетъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ и, по обращенію ихъ другъ съ другомъ никто бы не подумалъ, что они стрѣлялись. Я думаю, что еще никогда не было подобнаго поединка: совершенное хладнокровіе во всѣхъ четырехъ насъ, ни одного непрі-

[1]) Говорятъ, будто Якубовичъ воскликнулъ: „По крайней мѣрѣ играть перестанешь!" Грибоѣдовъ лишился одного пальца на рукѣ, что не помѣшало ему по прежнему отлично играть на фортепьянахъ.—Н. Н. Муравьевъ былъ тоже пьянистъ. П. Б.

[2]) О несправедливая судьба!

ятнаго слова между Якубовичемъ и Грибоѣдовымъ; напротивъ того, до самой той минуты какъ стали къ барьеру, они разговаривали между собою и послѣ того, когда секунданты ихъ побѣжали за лекаремъ, Грибоѣдовъ лежалъ на рукахъ у Якубовича. Въ самое время поединка я страдалъ за Якубовича, но любовался его осанкою и смѣлостью: видъ его былъ мужественъ, великъ, особливо въ ту минуту, какъ онъ послѣ своего выстрѣла ожидалъ вѣрной смерти, сложа руки.

25-го. Грибоѣдовъ перешелъ поутру на другую квартиру. Слухъ о поединкѣ разнесся и дошелъ до Наумова. Никого больше въ томъ нельзя подозрѣвать кромѣ капитана Быкова, который стоялъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ; но Наумовъ ничего не знаетъ навѣрное. Его мучитъ любопытство: ему бы хотѣлось, чтобы мы всѣ къ нему пришли, повинились бы въ своемъ проступкѣ; тогда онъ принялъ бы на себя видъ покровителя и, пожуривши насъ за молодость, взялся бы поправить все дѣло, которое не требуетъ поправленія. Ему весьма обидно показалось, что мы сего не сдѣлали; онъ напалъ на бѣднаго Талызина, не смѣя на другаго напасть, наговорилъ ему непріятностей и обвинялъ его въ обманѣ. Ты долженъ былъ все знать, потому что ты вмѣстѣ съ Якубовичемъ жилъ; для чего ты мнѣ ничего не сказалъ и не говоришь? Бѣдный Талызинъ клялся ему, что онъ ничего не знаетъ. Тогда Наумовъ позвалъ къ себѣ Якубовича, хотѣлъ изъ него все вывѣдать самымъ глупымъ образомъ, но ошибся. Онъ сталъ увѣрять Якубовича, что онъ все знаетъ. Если вы все знаете, отвѣчалъ ему Якубовичъ, такъ зачѣмъ же спрашиваете вы меня? А я вамъ говорю, что поединка не было и что слухи эти пустые. Весьма примѣтно, что Наумовъ еще недавно имѣетъ такую власть; онъ хочетъ ее выказать; его любопытство мучаетъ, и онъ хотѣлъ бы быть въ состояніи разсказывать всѣмъ на ухо обстоятельства сего поединка, но ему не удалось и не удастся. Вечеръ мы провели у Грибоѣдова. Наумовъ посылалъ меня къ себѣ просить; я пошелъ къ нему, но не засталъ его дома.

26-го Наумовъ прислалъ сказать Якубовичу, что полковникъ Наумовъ приказываетъ ему выѣхать изъ города, а что Сергѣй Александровичъ позволяетъ ему до вечера 27-го числа въ Тифлисѣ остаться. Наумовъ симъ подтверждаетъ то, что я объ немъ выше написалъ.

27-го ввечеру Якубовичъ уѣхалъ на Карагачъ въ полкъ. Про рану Грибоѣдова распущено множество слуховъ. Унгернъ слышалъ вчера, что пуля ударила его въ ладонь и вылетѣла въ локоть.

10-го Ноября. Послѣ обѣдни я былъ у Ѳеофилакта, который торжествуетъ указомъ Синода для отобранія на 500 р. сер. съ садовъ церковныхъ, которые были въ залогѣ въ частныхъ рукахъ за долги. Это продолженіе исторіи Туманова, у котораго онъ съ церковными слу-

жителями насильно отнялъ садъ и который по сему предмету на него жаловался. Ѳеофилактъ сказалъ мнѣ, что ему велѣно возвратить просьбу назадъ; напротивъ того, Могилевскій говорилъ мнѣ вчера же, что Ѳеофилактъ напрасно торжествуетъ, что ему никогда не позволятъ ограбить такимъ образомъ всю Грузію, а что Туманову просьба возвращена только потому, что она не по формѣ написана; что указъ Синода ничего не значитъ и можетъ не быть приведенъ въ исполненіе, потому что долгъ правительства состоитъ въ томъ, чтобы защищать гражданъ отъ кого бы то ни было.

13-го. Вчера Миллеръ видѣлъ меня у Головалева и спросилъ меня, не примѣтилъ-ли я чего-нибудь въ Ивановѣ. Вчера, когда Миллеръ совѣтовалъ ему прогуливаться ходить, «я не могу», отвѣчалъ Ивановъ: «меня всѣ примѣчаютъ; я не могу дома оставить множество бумагъ, которыя тотчасъ будутъ унесены злоумышленниками моими. Они мнѣ спать по ночамъ не даютъ, ходятъ по крышкѣ и провертываютъ въ потолкѣ дырки, дабы видѣть, что̀ я дѣлаю».

Я узналъ вчера, что Алексѣй Петровичъ находится съ войскомъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, въ селеніи Тарки.

14-го поутру Ивановъ послалъ ко мнѣ писаря просить меня, чтобы я обработалъ двѣ бумаги, полученныя имъ. Я пришелъ къ нему спросить его, какой онъ прикажетъ отвѣтъ на сіи бумаги дать. Онъ занимался сими бумагами и самъ тоже рисовалъ какой-то планъ. Миллеръ пришелъ къ нему. Ивановъ чувствовалъ себя легче и хотѣлъ со двора ѣхать прогуливаться. Я понесъ бумаги къ Вельяминову, чтобы подписать ихъ, и зашелъ домой, чтобы переодѣться; но вдругъ я получаю записку отъ Енгольма, писанную карандашемъ, слѣдующаго содержанія: «Ради Бога, приходите скорѣе къ полковнику Иванову; Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается». Я побѣжалъ и нашелъ его распростертаго на полу, въ крови своей; голова его была насквозь прострѣлена, а разорванный пистолетъ на нѣсколько кусковъ былъ въ рукахъ человѣка его. Тотчасъ послали за лѣкарями; но уже нечего было дѣлать. Онъ прожилъ болѣе часа послѣ сего удара, но былъ безъ чувствъ и имѣлъ конвульсіи. Когда я отъ него ушелъ, онъ услалъ своихъ людей на базаръ за покупками, кромѣ одного, который оставался въ передней, заперся между двумя дверьми, припёрѣвъ послѣднюю за собой; зарядилъ пистолетъ нѣсколькими зарядами, взялъ съ собою табакерку съ порохомъ, для насыпленія на затравку въ случаѣ осѣчки, и выстрѣлилъ себѣ въ голову. Оставшійся человѣкъ искалъ его по комнатамъ, но не могъ найти его; наконецъ онъ отворилъ двери, за которыми несчастный Ивановъ находился, и вытащилъ его оттуда безъ чувствъ. Дренякинъ въ то самое время мимо

ѣхалъ, лошадь его испугалась отъ удара и чуть было его въ ровъ не скинула; онъ первый прибѣжалъ къ Иванову и нашелъ его въ такомъ положеніи. Я побѣжалъ тотчасъ къ Вельяминову и объявилъ ему случившееся. Онъ нѣсколько потерялся и, какъ мнѣ кажется, подозрѣвалъ меня, что я его на поединкѣ убилъ; но наконецъ онъ образумился, подписалъ бумаги и велѣлъ мнѣ привести Наумова къ убившемуся. Когда я пришелъ на квартиру его, уже множество народа было собравшись около тѣла. Мы тотчасъ запечатали всѣ вещи покойника печатью Наумова и моей. Послѣ того я пошелъ къ Ѳеофилакту просить его, чтобы онъ позволилъ похоронить покойника со всѣми почестьми, на что́ онъ согласился, если Вельяминовъ напишетъ къ нему отношеніе, что сіе въ сумасшествіи случилось, что̀ точно и правда была. Ввечеру я получилъ предписаніе отъ Вельяминова принять должность Иванова и вмѣстѣ съ комендантомъ и полицеймейстеромъ описать всѣ его вещи, принять къ себѣ казенныя, а собственныя его предоставить коменданту.

Хотя мнѣ Ивановъ старался зло сдѣлать въ свою жизнь, и я всегда былъ бы радъ разстаться съ нимъ и всегда желалъ, чтобы онъ уѣхалъ отсюда; но мнѣ чрезвычайно прискорбно, что сіе такъ несчастливо случилось. Я давно простилъ ему обиды сдѣланныя мнѣ и готовъ бы прослужить вѣкъ подъ его начальствомъ, лучше чѣмъ видѣть такой случай. Я всегда приписывалъ его дурные поступки несчастному, подозрительному нраву его. Но главною причиною сего поступка, кажется мнѣ, была непріятная бумага, которую онъ недавно, не знаю отъ кого, получилъ.

15-го. Я хлопоталъ и бѣгалъ съ утра до вечера, для устроенія похоронъ. Попы не хотѣли бы сего дѣлать; тогда я прибѣгнулъ къ Ѳеофилакту, который приказалъ нарядить одного архимандрита.

16-го были похороны. Генералъ Вельяминовъ присутствовалъ на оныхъ. Народа было много, и церемонія дѣлалась весьма пышно; но дождь и грязь испортили все дѣло и были причиною, что она не имѣла того блеска, который долженъ бы при семъ случаѣ быть.

Ввечеру я началъ пересматривать нѣкоторыя бумаги Иванова и нашелъ ихъ въ большомъ порядкѣ.

17-го. Вчера приступилъ я къ описи имѣнія Иванова съ комендантомъ и полицеймейстеромъ. У насъ было зачалось споромъ съ полицеймейстеромъ; ибо онъ говорилъ, что по праву полицеймейстера онъ будетъ смотрѣть всѣ секретныя бумаги покойнаго, а я его увѣрялъ, что онъ ни одной изъ нихъ не увидитъ. Мы нашли много денегъ и платья у Иванова; бумагъ я еще не перебиралъ. Въ шкатулкѣ его нашли четвертку бумаги, на которой написана была мо-

литва его рукой. Содержаніе сей молитвы показываетъ человѣка, коего разсудокъ былъ въ безпорядкѣ.

19-го. Я цѣлый день занимался переборкой бумагъ Иванова, нашелъ частныя письма, писанныя къ нему отъ пріятелей, писемъ же отъ родственниковъ его никакихъ не было (вѣроятно онъ ихъ всѣ сжегъ). Я нашелъ у него много занимательныхъ записокъ о Грузіи.

20-го. Разсматривая дѣла посольскія и бумаги, писанныя Ивановымъ къ князю Волконскому и Алексѣю Петровичу, я имѣлъ случай видѣть, сколь онъ былъ несправедливъ противъ меня, какую онъ злобу питалъ ко мнѣ, къ Бабарыкину и къ Воейкову. Онъ именно былъ причиною, что насъ не произвели.

21-го. Пришло извѣстіе, что Алексѣй Петровичъ выѣхалъ 9-го числа изъ Наурской станицы. Вчера Вельяминовъ давалъ большой обѣдъ въ новомъ домѣ главнокомандующаго.

Я ходилъ вчера съ докладомъ о нѣкоторыхъ бумагахъ къ генералу и весьма удивился, когда получилъ отъ него распечатанную бумагу на имя Иванова отъ Селявина, при которой посылался рескриптъ отъ Прусскаго короля къ Рененкампфу на орденъ. Генералъ уже прочелъ бумагу и написалъ на ней рѣшеніе. Послѣ выслушанія ея я его спросилъ, кто эту бумагу распечаталъ. Это-съ я-съ, отвѣчалъ старикъ изумившись; да я, ей Богу, не знаю, какъ она ко мнѣ попалась, мнѣ ее полицеймейстеръ принесъ. Я побѣжалъ тотчасъ на почту и представилъ почтмейстеру, сколько онъ дурно сдѣлалъ, что отступилъ отъ данныхъ ему правилъ; а отъ него я побѣжалъ въ полицію и при всемъ присутствіи сказалъ ему съ угрозой, чтобы онъ впредъ не осмѣливался брать чужія бумаги. Это я отъ генерала буду слышать, а не отъ васъ.—Отъ генерала генераломъ, отвѣчалъ я, а я васъ буду тоже учить какъ себя вести.—Я этого не принимаю отъ васъ.—А я вамъ такъ говорю, и вы слышите; впрочемъ принимаете ли вы или нѣтъ, мнѣ все равно: мнѣ довольно того, что вы все слышали.

22-го. Я поутру пошелъ съ бумагами къ генералу; въ то время пришелъ туда и полицеймейстеръ. Зачѣмъ вы о сю пору не отвели еще квартиру, о которой я вамъ уже два предписанія сдѣлалъ? спросилъ у него генералъ.—Я отвелъ, в. п., отвѣчалъ полицеймейстеръ.—Какъ же вы мнѣ говорите, что вамъ еще не отвели ее? сказалъ генералъ, обратившись ко мнѣ?—Мнѣ не отводили ея, отвѣчалъ я. Отвели сказалъ полицеймейстеръ. Меня взорвало. Аполлонъ Васильевичъ, сказалъ я ему, зачѣмъ вы мнѣ такихъ вещей не осмѣливаетесь сказать наединѣ, а говорите ихъ при генералѣ, когда почтеніе къ его превосходительству удерживаетъ меня отъ того, что̀ бы вамъ сказать должно? Господинъ капитанъ не будетъ лгать, закричалъ генералъ, вонъ

ступайте отъ меня. Полицеймейстеръ убѣжалъ.—Я сѣлъ завтракать съ генераломъ, а послѣ завтрака побѣжалъ отыскивать Каханова и нашелъ его въ полиціи сидящаго противъ зерцала. Я вошелъ скоро и, расположась на первыхъ креслахъ, сказалъ ему громко въ присутствіи всѣхъ: «Аполлонъ Васильевичъ, вы, кажется мнѣ, бѣгаете отъ меня и прячетесь; то я васъ у генерала вижу, то передъ зерцаломъ, гдѣ должное почтеніе запрещаетъ мнѣ сказать вамъ то, что̀ слѣдуетъ за ваше поведеніе и для чего не стало бы можетъ быть словаря бранословія».—Я, сударь, отъ васъ этого не принимаю.—«Такъ на что̀ же у васъ уши? Слушайте!»—Вы этого не въ правѣ здѣсь говорить; запишите въ журналъ эти слова, г. секретарь!—«Пишите сколько вамъ покажется; а я вамъ говорю, что вы боитесь изъ этой комнаты выйдти, потому что вы знаете, что́ я съ вами въ другой сдѣлаю».—Запишите въ журналъ!—«Пишите, да радуйтесь своей осторожности, которая васъ привела подъ покровительство зерцала».

23-го. Рененкампфъ, узнавши о моемъ происшествіи съ полицеймейстеромъ, прислалъ ко мнѣ записку, въ которой предлагаетъ себя на все что̀ мнѣ угодно будетъ, чтобы участвовать въ семъ приключеніи; я былъ у него ввечеру и благодарилъ его за такой благородный поступокъ. Отъ него я зашелъ къ старику Бебутову, который сказалъ мнѣ весьма острое слово на счетъ полицеймейстера. Около Эривани, говоритъ онъ, живутъ люди, которые имѣютъ совершенно особый законъ: они вѣрятъ Богу и не проклинаютъ діавола, дабы онъ имъ зла не дѣлалъ. И такъ діаволъ нашелъ себѣ мѣсто, гдѣ его не проклинаютъ, а Кахановъ не умѣлъ себѣ такого мѣста найдти.

Отъ Бебутова я пошелъ къ Вельяминову и, разсказавъ ему все случившееся между мной и полицеймейстеромъ, сказалъ ему, что Кахановъ подалъ на меня просьбу. Такой подлый человѣкъ просить не смѣетъ, отвѣчалъ мнѣ генералъ. Я остался у генерала ужинать и провелъ съ нимъ время очень пріятнымъ образомъ.

24-го. Сегодня я обѣдалъ у барона Вреде и провелъ часть вечера у Ахвердовыхъ.

25-го. Я пошелъ поутру къ генералу Вельяминову и выпросилъ у него позволеніе для Рененкампфа и Воейкова ѣхать впередъ на встрѣчу Алексѣю Петровичу. Я пошелъ къ обѣднѣ; во время оной пришло извѣстіе, что Алексѣй Петровичъ близко Тифлиса. Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ пріѣхалъ въ два часа пополудни, а съ нимъ Верховской, Самойловъ, Лищенко, Рыхлевскій, Петръ Николаевичъ; а Алексѣй Петровичъ остался на Артисховскомъ посту, дабы въѣхать въ городъ ночью, чтобы избавиться отъ встрѣчъ. Онъ пріѣхалъ въ 7-мъ часу, заперся съ Иваномъ Александровичемъ и за-

нимался съ нимъ часа полтора, послѣ чего онъ вышелъ къ намъ. Насъ было человѣкъ 10 изъ домашнихъ его; онъ принялъ насъ очень ласково, всѣхъ поодиночкѣ, обнялъ и восхитилъ насъ. Вечеръ я провелъ у главнокомандующаго и сидѣлъ у Петра Николаевича до 2-го часа ночи. Онъ мнѣ разсказывалъ разныя происшествія по службѣ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что Алексѣй Петровичъ очень сердится на Якубовича за случившійся поединокъ и совѣтовалъ мнѣ чрезъ Грибоѣдова попросить Мазаровича, чтобы онъ объяснилъ дѣло генералу и устроилъ бы оное такъ, чтобы онъ не сердился и оставилъ бы оное.

28-го. Я обѣдалъ у Ивана Александровича Вельяминова, который послѣ обѣда сказалъ мнѣ, что полицеймейстеръ подавалъ ему на меня просьбу черезъ Ховена, но что онъ возвратилъ ее. Я благодарилъ его за сіе. Впрочемъ, сказалъ я ему, я не боюсь ябедъ полицеймейстера, потому что я правъ; но мнѣ весьма прискорбно было бы связаться съ человѣкомъ такого рода.

Ввечеру я пошелъ къ Алексѣю Петровичу; но онъ не показывался, и я просидѣлъ до 12-го часа у Петра Николаевича съ Самойловымъ и Розеномъ. У насъ зашелъ большой споръ объ Каховскомъ; Петръ Николаевичъ защищалъ его.

29-го. Ввечеру зашелъ къ Стабушу, который стоитъ съ Шишковымъ, племянникомъ Александра Семеновича Шишкова, который переведенъ недавно въ Кабардинскій пѣхотный полкъ.

31-го. Я обѣдалъ у Алексѣя Петровича, вечеръ провелъ до полуночи у Грибоѣдова и встрѣтилъ у него новый годъ. Ужинъ былъ прекрасный, и всѣ нѣсколько подпили. Краузе показывалъ разныя штуки.

(Продолженіе будетъ).

АРХИВЪ ГРАФА ИГЕЛЬСТРОМА.

I.

Отставной генералъ-лейтенантъ Георгій Александровичъ Игельстромъ благосклонно сообщилъ мнѣ бумаги покойнаго его дѣда графа Іосифа Андреевича Игельстрома, извѣстнаго дѣятеля Екатерининскаго времени, хранящіяся въ семейномъ его архивѣ, въ помѣстьѣ Луніи близъ Дерпта.

Замѣчательнѣйшія изъ нихъ относятся до управленія Игельстромомъ намѣстничествомъ Симбирско-Уфимскимъ, до Верельскаго мирнаго договора, заключеннаго съ Шведскимъ правительствомъ 3-го Августа 1790 г., и до возмущенія въ Варшавѣ 6-го Апрѣля 1794 г. Въ настоящей книжкѣ Русскаго Архива печатаются документы о Симбирско-Уфимскомъ намѣстничествѣ.

Игельстромъ былъ сынъ Лифляндскаго дворянина. Онъ родился въ 1737 г., поступилъ въ военную службу и, бывши въ корпусѣ графа Румянцова, получилъ въ 1762 г. чинъ подполковника; потомъ служилъ въ Польшѣ, подъ начальствомъ князя Репнина и содѣйствовалъ ему въ 1764 г. при избраніи на Польскій престолъ Станислава Понятовскаго, захвативъ ловкимъ образомъ Краковскаго епископа Каэтана Солтыка, графа Ржевускаго и другихъ. Въ первую Турецкую войну, въ 1770 г., Игельстромъ участвовалъ въ покореніи княземъ Репнинымъ крѣпости Киліи и въ особенности отличился взятіемъ крѣпости Аккермана, за что получилъ орденъ Георгія 3-й степени. Въ 1784 г., по порученію князя Потемкина, онъ нашелъ и искусно арестовалъ Крымскаго хана Шагинъ-гирея, которымъ было недовольно наше правительство. Съ тѣхъ поръ онъ попалъ въ милость Потемкина и назначенъ былъ въ 1784 г. намѣстникомъ Симбирскимъ и Уфимскимъ. Въ этой должности онъ остался до 1792 г.

Служившій подъ его начальствомъ въ Уфѣ Мертваго характеризируетъ его такъ: „Назначенъ къ намъ былъ генералъ-губернаторомъ Нѣмецъ, со всѣми качествами древняго рыцаря и новѣйшаго петиметра:

влюбчивый, воинственный, вспыльчивый, хитрый, пріятный въ обществѣ и несносно-гордый, щедрый и въ тоже время скупой, охотникъ наряжаться и видѣть предъ собою нарядныхъ, затѣвать великія дѣла, представлять малыя великими, и покровительствовать всѣмъ страждующимъ“ *).

Исключительною программою дѣятельности Игельстрома въ этомъ краѣ было охраненіе предѣловъ Имперіи отъ набѣговъ Киргизовъ. Въ Апрѣлѣ 1785 г. онъ получилъ предписаніе немедленно отправиться во ввѣренныя ему губерніи, осмотрѣть ихъ, а осенью пріѣхать въ Петербургъ для личнаго о нихъ доклада Императрицѣ.

Онъ началъ съ того, что захватилъ нѣсколько непокорныхъ Киргизскихъ султановъ и послалъ ихъ въ Петербургъ, что̀ тогда было очень кстати, потому что Киргизы взяли въ плѣнъ небольшой нашъ отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ секундъ-маіора Рештейнера.

Средствомъ для постепеннаго обращенія кочующаго и тогда воинственнаго магометанскаго народонаселенія къ осѣдлости и пріохоченію его къ мирной гражданственности избрано было построеніе городовъ и въ нихъ мечетей со школами, которыя привлекали бы къ себѣ магометанъ.

Система эта была вѣрна въ основаніи, но съ самаго же начала испорчена была въ способахъ ея исполненія отъ незнанія, вѣроятно, этнографическихъ и религіозныхъ особенностей разныхъ инородцевъ, обитающихъ на нашей восточной окраинѣ. Киргизы исповѣдуютъ магометанскую вѣру, такъ сказать, безсознательно; эти дѣти природы-магометане большею частію только по имени; въ нихъ нѣтъ никакого религіознаго фанатизма; они не имѣютъ даже своего духовенства; нѣтъ у нихъ не только литературы, но даже алфавита. Совсѣмъ иное магометане Казанскіе: это наслѣдники Арабскаго просвѣщенія съ древнею и богатою литературою, съ вѣковымъ алкоранскимъ фанатизмомъ. Что же дѣлаетъ тогдашняя администрація? Она призываетъ фанатическихъ Казанскихъ муллъ въ Киргизскія степи, что̀ естественно должно было нафанатизировать Киргизовъ, привлечь ихъ къ татарству и отвлечь отъ Русской цивилизаціи. Да какой степени Татары составляютъ особый замкнутый міръ и какъ они чуждаются европеизма, видно изъ того, что и теперь вы не найдете ни одного Татарина въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ встрѣтите вь нихъ всевозможныхъ инородцевъ: и Калмыковъ, и Чувашей, и самихъ Киргизовъ. Могли ли Казанскіе Татарскіе муллы быть проводниками Русскаго просвѣщенія въ Киргизскія степи? А они-то именно и были для того предназначены.

Барону Игельстрому поручено было снестись съ Казанскимъ намѣстникомъ княземъ Платономъ Степановичемъ Мещерскимъ, выписать изъ Казани муллъ, предоставить имъ открытыя при мечетяхъ школы и быть въ нихъ преподавателями. Магометанское духовенство такъ мало было тогда извѣстно правительству, что оно думало употребить его ору-

*) Русскій Архивъ 1867, приложеніе, стр. 39.

діемъ для проведенія Русской грамотности въ Киргизскія школы: велѣно было ввести въ нихъ преподаваніе по нормальнымъ правиламъ только-что возникавшихъ тогда Русскихъ народныхъ училищъ, переведены на Киргизское нарѣчіе издававшіеся тогда для нихъ учебники Коммиссіею народныхъ училищъ подъ предсѣдательствомъ П. В. Завадовскаго, употребивъ для того тѣхъ муллъ, которые переводили на этотъ языкъ Учрежденія о губерніяхъ, и издать эти учебники Киргизскимъ текстомъ съ Русскимъ переводомъ. Мысль благая, но неисполнимая потому именно, что для нея не было исполнителей. Вспомнимъ, что въ послѣднее время, въ семидесятыхъ годахъ, Казанскіе Татары чуть не взбунтовали магометанское народонаселеніе Казанской губерніи по поводу распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія о введеніи обученія Русскаго языка въ школахъ и медресе, увѣряя Татаръ, будто бы Русское правительство стремится этимъ способомъ обратить ихъ въ Православіе. Можно себѣ представить, съ какою готовностію эти муллы стали бы распространять Русскую грамотность въ Киргизскихъ степяхъ вѣкъ тому назадъ!

Игельстромъ обратился къ Завадовскому за совѣтомъ, какъ слѣдуетъ учреждать такія училища, а вмѣстѣ и съ просьбою приказать перевести въ Петербургѣ учебныя книги не на Киргизское нарѣчіе, какъ указывала Императрица, а на чистый Татарскій языкъ, „который", прибавлялъ онъ, „отъ Киргизскаго немного отмѣненъ, не вмѣшивая словъ Персидскихъ или Арабскихъ". Принятіе такого предложенія равносильно было бы систематическому отатаренію Киргизовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Игельстромъ сообщалъ, что онъ предполагаетъ отправить муллъ, предназначенныхъ для учительства, въ ближайшія Русскія народныя училища, для ознакомленія ихъ съ системою преподаванія. На это Завадовскій отвѣчалъ 4-го Января 1787 года, что „Коммиссія по преложенію учебныхъ книгъ на Татарскій языкъ здѣсь хорошихъ переводчиковъ не знаетъ, и какъ дѣло сіе возложено на собственное его попеченіе, то отъ него зависить будетъ и выборъ способныхъ къ тому людей, ежели переводившихъ Учрежденія употребить не разсудитъ, ради примѣчаемыхъ имъ неисправностей; что переложеніе книгъ начаться естественно долженствуетъ тѣхъ, какъ прежде нужныхъ, т.-е. классовъ перваго и втораго; что образъ, коимъ онъ ко исполненію повелѣнія сего приступить намѣренъ, есть самый лучшій, т.-е. дабы назначаемыхъ въ учители муллъ отправить напередъ въ ближайшія Россійскія народныя училища, гдѣ бы они знанія къ тому потребныя снискать себѣ могли: ибо между тѣмъ какъ нужнѣйшія книги будутъ переводимы, люди къ должностямъ учительскимъ опредѣляемые пріобрѣтутъ нужныя имъ знанія, и когда для первыхъ двухъ все поспѣетъ, тогда можно оныя открывать, не дожидаясь классовъ 3-го и 4-го, кои, гдѣ надобно, прибавить будетъ можно послѣ, и что впрочемъ Уставъ народнымъ училищамъ всѣ нужныя къ сему наставленія въ себѣ заключаетъ" *).

*) Дѣла Коммиссіи объ учрежденіи училищъ въ архивѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія.

Проектъ этотъ остался безъ исполненія.

Другое болѣе дѣйствительное и практическое средство къ уменьшенію замкнутости кочующаго народонаселенія и къ сближенію его съ Русскими началами состояло въ ослабленіи власти господствовавшихъ надъ нимъ хановъ и въ подчиненія его общей администраціи. Поэтому положено было раздѣлить Киргизскую орду на три части съ отдѣльными для каждой части ханами, для того, „чтобы каждый изъ таковыхъ хановъ не былъ силенъ въ ордѣ“, и дабы Киргизкайсацкія орды управлялись не однимъ ханомъ, но разными начальниками, зависящими отъ главнаго въ томъ краѣ командира; посредствомъ такого раздѣленія удобнѣе содержать ихъ въ тишинѣ и укрощать самовольство и набѣги, къ коимъ сіи народы склонны“. Имѣлось даже въ виду вовсе упразднить ханское достоинство и замѣнить хановъ правленіемъ старшинъ изъ главнѣйшихъ родовъ; но по тогдашнимъ обстоятельствамъ это еще было преждевременно.

За то, эти старшины вошли въ составъ учрежденнаго въ Оренбургѣ Пограничнаго Суда, а также во вновь созданныя народныя Киргизскія управы. Къ сожалѣнію, въ эти послѣднія попали также муллы, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями: „для однихъ письменныхъ дѣлъ“, сказано въ предписаніи, „употребить изъ вѣрныхъ духовныхъ магометанскаго закона Казанскихъ или другихъ Татаръ“.

7-го Сентября 1787 года объявлена была война Турціи, и первою заботою правительства въ этомъ краѣ было предупредить возможное возбужденіе магометанскаго фанатизма среди Киргизскаго народонаселенія. Опасенія эти были основательны: оказалось, что черезъ два года послѣ объявленія войны, Турки старались произвести возстаніе Киргизовъ посредствомъ Бухарскаго хана, а Бухара, какъ извѣстно, для магометанъ тоже, что Римъ для католиковъ. Но это имъ не удалось. „Приказано было“, пишетъ Мертваго, „подъ видомъ ревизіи присутственныхъ мѣстъ отправить по губерніи надежныхъ чиновниковъ, которымъ поручить, примѣняясь къ обстоятельствамъ каждаго края, дать наставленія уѣзднымъ начальникамъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять, и въ случаѣ прибытія Бухарцевъ, препятствуя исполненію ихъ замысловъ, такъ поступать, чтобы не дать повода къ подозрѣнію и не возмущать права народныя. Это важное порученіе дано было мнѣ и одному моему пріятелю; я долженъ былъ объѣхать семь, а онъ шесть округовъ“.

По мысли Игельстрома учреждены были въ началѣ 1788 года полки изъ Башкиръ и Мещеряковъ, и два такіе полка, по пятисотъ человѣкъ каждый, посланы въ Петербургъ и употреблены противъ Шведовъ, а потомъ велѣно было сформировать еще одинъ такой полкъ и держать его въ резервѣ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины стали составляться топографическія описанія намѣстничествъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были напе-

чатаны, именно въ 1781 г. Тульскаго, въ 1785 г. Калужскаго, въ 1786 г. Курскаго и въ 1788 г. Харьковскаго. Во всѣ губерніи разосланы были отъ Кабинета Ея Величества запросные пункты или форма, по которымъ должны были излагаться эти описанія. По этимъ рубрикамъ написаны были въ 1785 и 1786 г. топографическія описанія губерній Симбирской и Уфимской, которыя не были напечатаны. Симбирская губернія была составлена въ 1780 г. изъ частей губерній Казанской, Оренбургской и Пензенской, а Уфимская—въ 1782 г. изъ Оренбургской съ прибавленіемъ небольшой части отъ Казанской губерніи. Въ Симбирской губерніи учреждено было семь новыхъ городовъ, а въ Уфимской—восемь. Въ составъ Симбиргской губерніи входила Самара, а Уфимской—Оренбургъ. Уфимская губернія усѣяна была тогда крѣпостцами для защиты отъ Киргизскихъ набѣговъ; ихъ насчитывалось въ ней до 24-хъ. Въ смыслѣ хозяйственнаго отношенія заслуживаетъ вниманія въ этомъ описаніи то, что уже въ то время, кромѣ сохи, употреблялся для обработки земли плугъ на лошадяхъ.

Графъ Дмитрій Толстой.

Имянныя повелѣнія отъ покойной Государыни *).

1.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 5-го 1785 года.

Господинъ генералъ-поручикъ баронъ Игельстромъ. Въ дополненіе данныхъ предмѣстникамъ вашимъ наставленій, по доходящимъ къ намъ извѣстіямъ о чинимыхъ Киргизцами, подданными нашими, другимъ нашимъ подданнымъ частыхъ набѣгахъ и воровствахъ, мы находимъ надобнымъ, чтобъ вы, по прибытіи въ губерніи вамъ ввѣренныя, сдѣлали чрезъ письма ваши къ начальникамъ сей орды и чрезъ опубликованіе открытыхъ листовъ вашихъ строгое запрещеніе, дабы впредъ сіи своевольные народы не отваживались чинить подобныхъ набѣговъ, ибо въ случаѣ непослушанія поступлено будетъ съ ними какъ съ преступниками и нарушителями покоя, по всей жестокости законовъ, а напротивъ, обѣщая послушнымъ исходатайствованіе отъ престола нашего прощенія за прошедшія ихъ воровства; да и дѣйствительно на такомъ основаніи надлежитъ учредить ваше съ ними поведеніе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина **).

---

*) Всѣ они не въ подлинникахъ, а въ современныхъ спискахъ.

**) Въ дальнѣйшихъ письмахъ опускаются одинакія во всѣхъ начала и окончанія. П. Б.

2.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 5-го 1785.

Для скорѣйшаго и удобнѣйшаго исполненія намѣреній нашихъ обезпечить границы Уфимскаго намѣстничества и обуздать своевольную Киргизскую орду, мы находимъ необходимо нужнымъ, чтобъ вы тотчасъ въ губерніи вамъ порученныя отправилися и, все къ тому относящееся на мѣстѣ осмотря, ознакомяся съ начальниками той орды и внуша имъ все то, что̀ было уже предписано предмѣстнику вашему *) въ рескриптѣ нашемъ отъ 2-го Маія 1784 года, какъ съ нарочнымъ доставили намъ подробныя обо всемъ свѣдѣнія и ваши примѣчанія, такъ и въ случаѣ надобности могли слѣдующей осени сюда для обстоятельнѣйшаго донесенія пріѣхать. Въ помянутомъ рескриптѣ нашемъ и въ другихъ повелѣніяхъ нашихъ, тамошнимъ начальникамъ данныхъ, найдете вы достаточныя предписанія на многія обстоятельства; а впрочемъ дальнѣйшія наставленія наши будутъ зависѣть отъ тѣхъ свѣдѣній, кои вы пріобрѣтете на мѣстѣ. Въ приведеніи всего въ доброе устройство мы полагаемся на ваше усердіе къ службѣ и искусство.

3.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 7-го 1785.

Уфимскаго намѣстничества Сеитова посада ахуна Мухамета-Джанъ-Гуссеина, по его способности, имѣете употреблять въ дѣла тамошнія пограничныя и во внѣшнія посылки по усмотрѣнію вашему. О производженіи ему жалованья по сту по пятидесяти рублей на годъ, покуда онъ въ службѣ нашей будетъ обращаться добропорядочно, дано наше повелѣніе; а впрочемъ вы можете обнадежить его, что по мѣрѣ усердія и исправности его удостоится онъ дальнѣйшей нашей милости.

4.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюля 4-го 1785.

Донесенія ваши изъ Оренбурга отъ 14-го Іюня я получила съ удовольствіемъ. Пріемля за благо распоряженія ваши о приведеніи въ безопасность границы тамошней, увѣрена я, что вашимъ радѣніемъ пресѣчены будутъ въ семъ краѣ всѣ бывшія до сего безпокойства. Присылка сюда взятыхъ Киргизскихъ султановъ тѣмъ болѣе нужна, что она конечно устрашитъ хана и прочихъ и убѣдитъ ихъ воздер-

*) Екиму Ивановичу Апухтину (1783—1785). П. Б.

жаться отъ подобныхъ своевольствъ. Сверхъ того, всякія увѣщанія и угрозы чрезъ сихъ взятыхъ въ свое время удобнѣе употреблены быть могутъ. Между тѣмъ вы можете отъ себя внушить хану и его родственникамъ, что прощеніе означенныхъ султановъ зависѣть будетъ отъ воздержанія ихъ чинить воровскіе набѣги, и что впредъ за всякое своевольство виновные пойманы и по всей строгости у насъ наказаны будутъ.

5.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 5-го 1785.

Происшествіе, случившееся съ отряженнымъ отъ васъ секундъ-маіоромъ Рештейнеромъ, тѣмъ болѣе непріятно, что оно можетъ послужить къ ободренію своевольныхъ Киргизцовъ не однимъ воровствомъ, какъ прежде, упражняться, но безъ страха покушаться и противъ постовъ тамошнихъ. Для сего весьма нужно, чтобъ вы запретили отдѣлять въ отдаленности такихъ мелкихъ партій, и чтобъ какъ скоро вы успѣете собрать войска тамошнія и составить новыя въ образѣ приличномъ и надежномъ, употребили сильныя мѣры къ ускромленію сихъ мятежниковъ. Между тѣмъ непристойнымъ мы почитаемъ теперь входить съ Нурали-ханомъ въ сношеніе о пристроеніи сына его въ ханскомъ званіи къ Трухменцамъ, о дачѣ власти другому его сыну, и повелѣваемъ не только сіе остановить, но и жалованье производимое хану удержать, написавъ къ нему отъ васъ въ самыхъ сильныхъ израженіяхъ, что нападеніе на секундъ-маіора Рештейнера есть поступокъ сущихъ бунтовщиковъ, которыхъ вы имѣете долгъ и власть наказывать; что вы требуете возвращенія немедленно всѣхъ захваченныхъ; что до того времени не будетъ отпускаемо хану жалованье, и что въ случаѣ дальняго упорства ихъ въ томъ вы примете мѣры яко противу сущихъ возмутителей. Естьли они станутъ предлагать о размѣнѣ маіора на султана нашими взятаго, вы скажите имъ наотрѣзъ, что сіе мѣста имѣть не можетъ и что снискивать имъ себѣ прощеніе и свободу султановъ ихъ и другихъ инако нельзя, какъ принесеніемъ раскаянія въ ихъ злодѣяніяхъ и присылкою помянутаго маіора со всѣми захваченными ими. А буде ханъ станетъ отговариваться, что захватившіе ихъ ему не повинуются, то и сему не внемля, сказать ему, что вы отъ него, какъ главнаго въ ордѣ ихъ, взыскиваете того, и что его есть дѣло силою принудить своихъ подчиненныхъ удовлетворить вашему требованію; инако же вы никакимъ его увѣреніямъ цѣны не даете и самого его къ числу тѣхъ же мятежниковъ причисляете. Какія дѣйствія имѣть будутъ ваши изъясненія, донести намъ съ нарочнымъ.

6.

Въ С.-Петербургѣ, Августа 22-го 1785.

По содержанію послѣднихъ донесеній вашихъ ссылаемся мы на предыдущее наше повелѣніе отъ 5-го сего Августа о взятіи надлежащихъ осторожностей противъ воровства и Киргизскихъ набѣговъ, не посылая малыхъ партій, кои бы они разбивать или захватывать могли, и о пріуготовленіи порученныхъ вамъ средствъ, чтобъ въ свое время сильнѣйшія мѣры употребить къ ихъ наказанію и усмиренію. Между тѣмъ нужно, чтобъ вы постаралися у лежащихъ къ границѣ селеній, или и въ другихъ мѣстахъ по лучшему вашему усмотрѣнію, сдѣлать редуты для охраненія предѣловъ и для того, дабы посты ваши имѣли на случай надобный всегда готовое мѣсто къ защищенію себя и жителей и чрезъ то подкрѣпленіе между ними было бы удобнѣе. Что̀ же принадлежитъ до отзывовъ ханскихъ и другихъ начальствующихъ въ ордѣ, вы дадите имъ знать, что доколѣ не возвратятъ они людей взятыхъ ими, вы никакого имъ удовлетворенія не учините по ихъ требованіямъ; тѣмъ же временемъ успѣете войти въ ближайшее познаніе положенія сей орды и ея начальниковъ.

7.

Въ С.Петербургѣ, Сентября 4-го 1785.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 6-го Августа, что построенныя для подданныхъ нашихъ магометанскаго закона мечети въ крѣпости Троицкой и въ Оренбургѣ открыты, не сумнѣваемся, что таковое сооруженіе мѣстъ для публичной молитвы привлечетъ и прочихъ въ близости кочующихъ или обитающихъ къ границамъ нашимъ; а сіе и можетъ послужить со временемъ способомъ къ воздержанію ихъ отъ своевольствъ лучше всякихъ строгихъ мѣръ. Вслѣдствіе того нужно есть. *Первое,* при помянутыхъ мечетяхъ построить Татарскія школы по примѣру Казанскихъ, и тутъ же завести караванъ-сараи или гостинные дворы казенные для выгоды торгующихъ магометанъ. *Второе,* мечети обвести каменнымъ заборомъ, освѣдомясь у Татаръ, какъ то пристойнѣе по ихъ обычаю. *Третье,* гдѣ же вновь слѣдуетъ построить мечети и особливо въ такихъ мѣстахъ, кои удобнѣе другихъ посѣщаемы быть могутъ, стараться оныя такъ расположить, чтобъ хотя и до тысячи пяти сотъ человѣкъ въ нихъ вмѣститься могло, считая напримѣръ пространство ихъ до двадцати или до двадцати пяти саженъ. О людяхъ, потребныхъ для Татарскихъ школъ, не оставьте спестися съ нашимъ генераломъ и Казанскимъ генераломъ-губернаторомъ княземъ Мещерскимъ.

8.

Божію милостію мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу-поручику, правящему должность генерала-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго барону Игельстрому.

Разныя представленія ваши о дѣлахъ пограничныхъ края управленію вашему ввѣреннаго мы получили исправно. За благо пріемля радѣніе ваше о приведеніи онаго въ безопасность и объ усмиреніи народовъ своевольныхъ, мы апробуемъ учиненныя вами посылки и отзывы въ Меньшую Киргизъ-Кайсацкую орду, такъ какъ и всѣ ваши распоряженія; и сверхъ того по содержанію представленій вашихъ поспѣшаемъ дать вамъ слѣдующія предписанія.

Первое. Снабдѣніе разныхъ родовъ Киргизскихъ муллами немалую пользу въ дѣлахъ нашихъ принести можетъ; почему вы и старайтеся опредѣлить оныхъ, истребовавъ изъ Казанскихъ Татаръ людей надежныхъ, давъ имъ потребныя наставленія къ удержанію Киргизовъ въ вѣрности къ намъ и къ удаленію ихъ отъ набѣговъ и хищничества въ границахъ нашихъ. Симъ мулламъ вы можете при посылкѣ ихъ произвесть небольшую денежную дачу, а при томъ, по мѣрѣ вѣрности и тщанія въ исполненіи на нихъ возлагаемаго по службѣ нашей, обнадежить и бо́льшимъ награжденіемъ.

Второе. Ссоры и драки, которыя Киргизцы могутъ имѣть съ Каракалпаками, Хивинцами или тому подобными народами, буде они только границъ нашихъ не касаются, уважать не надлежитъ; но не меньше не слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ давать имъ какое либо подкрѣпленіе или ободреніе; а естьли бы Каракалпаки или другіе народы въ подданство наше вступить искали, въ такомъ случаѣ, указывая вамъ на наставленія предмѣстнику вашему данныя въ рескриптѣ нашемъ отъ 2 Маія 1784 года, считаемъ мы нужнымъ, ссоры между сими народами прекращать и убѣждать ихъ, чтобъ они ихъ предоставляли разбору выбираемыхъ отъ нихъ депутатовъ подъ смотрѣніемъ вашимъ.

Третье. Отложеніе толь многихъ родовъ Киргизскихъ отъ повиновенія Нурали-хану нимало не почитаемъ мы предосудительнымъ для интересовъ нашихъ: ибо, естьли бы сей ханъ и не столько самъ участвовалъ въ набѣгахъ и воровствахъ, сколько многія околичности его въ подозрѣніе приводятъ, то уже одна оплошность его, потеря имъ всякой довѣренности у народа своего и, наконецъ, оказанное имъ не одинъ разъ уклоненіе отъ свиданья съ предмѣстникомъ вашимъ, дѣла-

ютъ его для насъ неполезнымъ и ненадежнымъ. Вы не оставьте однакожъ сдѣлать еще опытъ надъ прямыми его расположеніями, приглася его, тоже и брата его, Эрали-султана, на свиданье съ вами. Тутъ вы ближе сами всѣхъ ихъ разсмотрите и удобнѣе заключать можете, что̀ сходственнѣе для интересовъ нашихъ и безпечности края тамошняго: оставить ли его на ханствѣ, стараясь примирить съ несогласными, или же удовлетворить ихъ прошенію, представя намъ съ мнѣніемъ вашимъ, съ донесеніемъ при томъ, сильнѣйшая ли и многочисленнѣйшая часть отложилася отъ хана, или же еще бо̀льшая остается послушною ему и его братьямъ и дѣтямъ; а между тѣмъ конечно для насъ выгоднѣе будетъ нынѣшнее раздѣленія сея орды, особливо же естьли начальники родовъ станутъ привыкать къ безпосредственному руководству нашихъ главныхъ тамъ начальниковъ военныхъ.

Четвертое. Естьли Нурали-ханъ и другіе султаны будутъ упорствовать или уклоняться отъ пріѣзда на свиданье съ вами, въ такомъ случаѣ вы можете дать имъ восчувствовать, что они признаются сущими ослушниками и недостойными никакого покровительства; напротивъ того, буде они призыву вашему не преминутъ послѣдовать и въ ожиданіи рѣшенія всего сего дѣла станутъ повторять прошеніе, ханомъ уже внесенное, о дозволеніи имъ убѣжища подъ защитою которой либо изъ крѣпостей нашихъ: вы не оставьте удовлетворить таковому требованію, взявъ всѣ нужныя мѣры предосторожности не только къ охраненію границы отъ своевольства сего хищнаго народа, но и къ обузданію его поколику удобно; отдаляя однакожъ при семъ ласковымъ съ ними поведеніемъ все то, что̀ притѣсненіемъ почесться и къ основательнымъ жалобамъ поводъ дать можетъ; а въ случаѣ жалобъ доставляя скорую справедливость и поступая съ приличающимися изъ нашихъ виновныхъ по строгости законовъ.

Пятое. Весьма нужно, чтобъ вы приложили всемѣрное стараніе ваше развѣдать о представляемомъ вами къ избранію въ ханы Киргизъ-Кайсацской орды Каибъ-ханѣ, какого онъ происхожденія и свойствъ, гдѣ находится, и поколику на него можно бы было положиться; и ежели вы разсудите за благо, чрезъ конфидентовъ вашихъ, или же чрезъ старшинъ его избрать желающихъ, сдѣлать ему пристойнымъ образомъ внушеніе, чтобъ онъ съ вами искалъ знакомства и учиня присягу на вѣрное намъ подданство, чрезъ посредство ваше могъ удостоиться нашей милости и покровительства.

Шестое. Старшинамъ и прочимъ учинившимъ присягу въ вѣрномъ намъ подданствѣ и обязавшимся удержаться и другихъ удерживать отъ набѣговъ, воровства и прочихъ своевольствъ, скажите отъ имени

нашего, что раскаяніе и исправленіе ихъ, вами ко престолу нашему донесенныя, мы всемилостивѣйше приняли и что точнымъ исполненіемъ ихъ присяги заслужатъ они нашу монаршую милость и благоволеніе, въ первое чему доказательство прикажете возвратить имъ захваченныхъ у нихъ людей, исключая тѣхъ, кои хану самому и его подвластнымъ принадлежатъ. Притомъ весьма нужно согласить ихъ, убѣдя собственною ихъ пользою, отдѣлить нѣкоторое число людей изъ каждаго рода на службу какъ для охраненія границъ нашихъ, такъ и для ихъ обезпеченія, кои, пребывая впрочемъ въ ихъ кочевьяхъ, во время употребленія ихъ на службу будутъ пользоваться жалованьемъ изъ казны нашей наравнѣ съ прочими нерегулярными войсками, а по мѣрѣ усердія, исправности и воздержанія отъ своевольствъ и особыя выгоды получать будутъ. Потребна однакожъ тутъ осторожность, чтобъ сіи народы не возмнили, по легкомыслію ихъ, что ихъ въ службу набирать и неволею къ тому принуждать хотятъ; но чтобъ они собстенною выгодою къ тому поощрены были, въ чемъ мы на искусство ваше полагаемся.

Седьмое. Все что̀ относится до общаго суда, изъ Россійскихъ и сихъ народовъ составляемаго, содержанія отъ главнѣйшихъ родовъ ихъ повѣренныхъ и прочаго, въ рескриптѣ нашемъ Маія 2-го 1784 года предмѣстнику вашему предписано, также что̀ и вамъ послѣ того о мечетяхъ и школахъ отъ насъ повелѣно, и здѣсь подтверждаемъ, бывъ увѣрены, что вы потщитеся привести въ исполненіе сіи предписанія на пользу службы нашей.

Осьмое. Но при всѣхъ сихъ распоряженіяхъ политическихъ всемѣрно надлежитъ, во первыхъ, сохранять должную осторожность на границѣ, не дая полной вѣры обѣщаніямъ старшинъ Киргизскихъ и ихъ подчиненныхъ; второе, приводя войски тамошнія, да и вообще все что̀ къ оборонѣ касается, въ исправность и то состояніе, какъ отъ насъ и по волѣ нашей отъ главнаго военнаго вашего начальства предписано; и, наконецъ, третіе, дѣлая пріуготовленія къ укрѣпленію себя на рѣкѣ Эмбѣ и къ дѣйствительнѣйшему обузданію тамошнихъ своевольныхъ народовъ, о чемъ не умедлите прислать мнѣніе и планъ ваши, дабы мы завременно могли снабдить васъ какъ рѣшительными повелѣніями нашими, такъ и всѣмъ, что̀ для исполненія сего потребнаго быть можетъ. Меньше мы ожидать можемъ какого либо волнованія отъ Киргизцовъ при наступленіи времени къ производству сего въ дѣйство, поелику самъ ханъ проситъ убѣжища въ крѣпостяхъ тамошнихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина. Данъ въ С. П. Б., Ноября 27 дня 1785 г.

9.

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 27-го 1785.

Пріѣхавшаго въ Оренбургъ Бухарца, сына бывшаго предъ симъ при дворѣ нашемъ посланникомъ Бухарскаго Бія-ир-назара, повелѣваемъ препроводить сюда со всею его свитою, адресовавъ въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ которой какъ о пріемѣ, такъ и о содержаніи его здѣсь надлежащія распоряженія учинены будутъ. Впрочемъ отправленіе помянутаго Бухарца сдѣлать не въ видѣ посланника, за каковаго онъ себя объявляетъ и въ чемъ по изъясненію вашему встрѣчается нѣкоторое сомнѣніе, но въ образѣ только чиновника, доставя ему въ семъ пути всѣ нужныя выгоды и пособія и опредѣля къ нему человѣка надежнаго и исправнаго, который за обращеніемъ и разговорами его и прочихъ его товарищей могъ бы имѣть непримѣтнымъ образомъ наблюденіе, и какъ васъ въ пути увѣдомить, такъ и министерству нашему донести подробно.

10.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 12-го 1785.

По полученіи новыхъ извѣстій о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, касающихся до Бухарца Мухаметъ-шерифа, пріѣхавшаго въ Оренбургъ подъ именемъ посланника, котораго предписали уже мы вамъ препроводить въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, подтверждаемъ вамъ поспѣшить сколь возможно отправленіемъ его сюда и опредѣленіемъ весьма надежнаго пристава для наблюденія въ пути, но скрытнымъ и непримѣтнымъ образомъ, дабы отъ него и его свиты не произошло чего либо непристойнаго.

11.

Въ С.-Петербургъ, Марта 9-го 1786.

Принявъ за благо отвѣтъ вами сдѣланный Нурали-хану, мы признаемъ за нужное, дабы вы къ тому присовокупили въ отзывѣ вашемъ къ помянутому хану, что вмѣсто посылки тысячи человѣкъ для его охраненія онъ самъ для безопасности своей пріѣхать можетъ въ Оренбургъ.

12.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 3-го 1786.

Донесенія ваши отъ 10 Маія мы получили тѣмъ съ вящимъ удовольствіемъ, поколику видимъ, что дѣла пограничнаго края вамъ ввѣреннаго вашимъ усердіемъ, радѣніемъ и искусствомъ приходятъ въ видимое поправленіе. Мы увѣрены, что вы съ тою же ревностію станете продолжать ваши неусыпныя старанія объ утвержденіи безопасности границъ, огражденіи подданныхъ нашихъ отъ набѣговъ и хищеній Киргизскихъ, о приласканіи подвластныхъ намъ дикихъ народовъ и о введеніи въ нихъ возможнаго порядка. А потому, пріемля за благо посылку отъ васъ сдѣланную въ Меньшую Киргизкайсацкую орду адъютанта вашего князя Черкасскаго и ахуна Мухамедъ-Джана-Гуссеина, немалую пользу въ дѣлахъ принесшую, спѣшимъ симъ объявить волю нашу на разныя ваши представленія.

Первое. Учинившимъ присягу въ вѣрномъ намъ подданствѣ султанамъ и начальникамъ Киргизскимъ дайте знать, что по полученіи нами вашего донесенія о семъ новомъ доказательствѣ ихъ вѣрности къ престолу нашему возложили мы на васъ обнадежить ихъ о нашихъ къ нимъ милости и благоволеніи, кои и ощутятъ они во всякомъ случаѣ въ полной мѣрѣ, доколѣ сохранятъ непоколебимо ту вѣрность при совершенномъ воздержаніи отъ шалостей и нападеній на прочихъ подданныхъ нашихъ.

Второе. Въ слѣдъ за симъ снабдѣны вы будете по требованію вашему всѣмъ потребнымъ для награжденія достойнѣйшихъ изъ Киргизскихъ начальниковъ, въ чемъ и поступите по лучшему вашему усмотрѣнію, какъ того польза службы нашей взыскивать будетъ.

Третіе. Киргизскихъ султановъ, брата Нурали-хана Айчувана и сына Икюзь-али повелѣли мы по сдѣланіи имъ увѣщеванія о воздержаніи отъ всякой продерзости подъ страхомъ неизбѣжнаго наказанія и по взятіи письменнаго обязательства въ томъ, отправить къ вамъ, оставляя на усмотрѣніе ваше, когда и какимъ образомъ дать имъ дѣйствительную свободу и отпустить въ ихъ народъ.

Четвертое. Раздѣленіе степи для Киргизцовъ сперва на три части и построеніе тамъ городовъ, такожъ гдѣ прилично для главнѣйшихъ ихъ родовъ мечетей, школъ и гостинныхъ дворовъ, весьма полезны и нужны; и чѣмъ скорѣе вы къ сему приступите, тѣмъ болѣе намъ пріятно будетъ.

Пятое. Всемѣрно надлежитъ стараться Нурали-хана согласить пріѣхать въ Оренбургъ, а потомъ учтивымъ и пристойнымъ образомъ взять его въ Уфу, гдѣ и удержать подъ предлогомъ собственной его

бозопасности, доколѣ дѣла тамошнія придутъ въ порядокъ и, смотря по обстоятельствамъ, дальнѣйшее наше соизволеніе послѣдуетъ.

Шестое. Выборъ новаго хана мы стольже невыгоднымъ находимъ, какъ и начальство нынѣшняго; и для того сіе всячески отдалять. Но дабы не произвести въ Киргизцахъ подозрѣнія, что будто бы хотятъ ихъ притѣснить въ управленіи, должно совѣтовать имъ имѣть для добраго порядка правленіе, состоящее въ ихъ же лучшихъ старшинахъ изъ главнѣйшихъ родовъ; а когда станутъ отзываться о дозволеніи выбрать хана, то внушать имъ, что покуда настоящій живъ, неудобно къ тому приступить, со временемъ же сіе лучше утвердить можно.

Седьмое. Присылку ко двору нашему депутатовъ отъ учинившихъ намъ присягу Киргизскихъ старшинъ и народа вы можете дозволить и таковыхъ депутатовъ съ надлежащею выгодою ихъ препроводить въ столицу нашу.

Осьмое. Требуемыхъ Уральскою войсковою канцеляріею за освобожденныхъ изъ подъ стражи Киргизцовъ трехъ сотъ осьмидести рублей съ копѣйками не взыскивать съ народа Киргизскаго, а возвратить въ ту канцелярію изъ суммы Оренбургской пограничной экспедиціи.

Девятое. Содержащихся подъ стражею въ Уральскѣ Киргизцовъ освободить. Что же принадлежитъ до возвращенія Киргизцамъ захваченнаго у нихъ и упоминаемаго въ реляціи вашей Ивана Буянола, въ томъ неинако поступить какъ по собственному его желанію, спрося, хочетъ ли онъ къ отцу своему возвратиться или остаться между Уральскими казаками; а въ разсужденіи притязаній сего войска на Киргизцахъ старайтеся, чтобъ излишнія мѣста не имѣли, и чтобъ всякія напрасныя привязки и корыстолюбивые виды дѣламъ до общаго добра и спокойствія того края касающимся не вредили и не препятствовали.

Десятое. Должность Пограничнаго Суда, впредь до указа въ Оренбургѣ учреждаемаго, имѣетъ ограничена быть въ разборѣ однихъ судныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ съ Киргизцами случающихся; а до управленія симъ народомъ власть его не простирается. Число присутствующихъ въ ономъ уже назначено и хотя въ томъ наименованъ одинъ изъ султановъ по тогдашнему еще начальству Нурали-хана; но буде старшины и народъ выбрать султана не пожелаютъ, мѣсто его занять другимъ изъ начальниковъ почетнѣйшимъ. Нѣтъ надобности, чтобъ всѣ засѣдатели вмѣстѣ присутствовали и судили, но разумѣется, что каждые изъ нихъ по дѣламъ равныхъ своихъ разбираютъ и рѣшатъ; въ уголовныхъ же дѣлахъ относительно утвержденія приговоровъ и исполненія по рѣшеніямъ наблюдать то

что̀ предписано по Учрежденіямъ нашимъ въ главѣ IV-й о должности государева намѣстника, въ статьѣ 86.

Первоенадесять. Заведеніе расправъ въ народѣ Киргизскомъ мы почитаемъ полезнымъ; но на первое время довольно когда оныя изъ нихъ самихъ, сходно мнѣнію вашему, составлены будутъ. А развѣ для однихъ письменныхъ дѣлъ употребить изъ вѣрныхъ духовныхъ магометанскаго закона Казанскихъ или другихъ Татаръ; но и тутъ надобна осторожность, чтобъ не подвергнуть ихъ опасности, по своевольству Киргизцовъ. Впрочемъ жалованье симъ расправамъ назначаемое довольно сильно будетъ утвердить Киргизцовъ въ принятіи и сохраненіи ихъ. Расправамъ онымъ состоять подъ апелляціею Пограничнаго Суда, въ Оренбургѣ учреждаемаго.

Второенадесять. На содержаніе того суда и расправъ, такожъ и старшинъ при васъ будущихъ, деньги указали мы отпустить вамъ по тому, какъ вы назначили; но хотя жалованье сельскіе засѣдатели будутъ получать наровнѣ съ Киргизцами, не могутъ они однакожъ пользоваться никакими степенями заурядъ, а должны почитаемы быть какъ въ Учрежденіяхъ нашихъ главы II-й въ статьѣ 58 сказано.

Третіенадесять. Заводимые въ степи города надлежитъ стараться прежде всего обрыть рвомъ и укрѣпить землянымъ валомъ, дабы и работы въ нихъ безпечнѣе производимы и оборона на случай воровскихъ покушеній удобнѣе найдена быть могла; но при всемъ семъ наблюдать крайнюю осторожность, чтобъ толь дикихъ народовъ не потревожить и не отвратить. Потому во внушеніяхъ имъ о пользѣ и надобности сихъ городовъ и о нуждѣ впредь для охраненія ихъ далѣе построить города или укрѣпленія поступить съ осмотрительностью, что̀ вамъ по пребыванію вашему на мѣстѣ гораздо способнѣе предвидѣть, и такъ въ томъ извороти́ться, какъ лучше для службы нашей и спокойствія края вамъ ввѣреннаго сходнѣе.

13.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 4-го 1786.

По содержанію донесеній вашихъ отъ 14-го Маія позволяемъ вамъ начать строеніе мечети съ школою и гостиннаго двора, употребя въ число показанной по смѣтѣ суммы пятидесяти шести тысячъ трехъ сотъ сорока рублей съ копѣйками, наличныя оставшіяся деньги десять тысячъ двѣсти четыре рубли съ копѣйками; а остальные не преминемъ назначить къ отпуску съ будущаго года. О жалованьи же, какое опредѣлить слѣдуетъ мулламъ и абызамъ при мечетяхъ для Киргизцовъ, за труды въ обученіи дѣтей ихъ, мы будемъ ожидать мнѣнія вашего.

14.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюля 31-го 1786.

Получивъ донесеніе ваше отъ 6-го сего Іюля, въ разрѣшеніе онаго предписываемъ вамъ. *Первое*, жалованье Нурали-хану, съ прошлаго года удержанное, выдать. *Второе*, на содержаніе какъ сего хана, такъ и находящихся при немъ султановъ, старшинъ и служителей потребныя по вашему названію деньги по триста по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ производить, получа на то нынѣ десять тысячъ рублей отъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генерала-прокурора князя Вяземскаго и сносяся съ нимъ о доставленіи вамъ впередъ надобной для сего предмета суммы. *Третіе*, открытые листы въ орду разослать на такомъ основаніи, какъ сказано въ 6-мъ пунктѣ указа нашего отъ 3-го Іюня сего года вамъ даннаго.

15.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 3-го 1786.

По поводу двухъ послѣднихъ донесеній вашихъ отъ 15-го минувшаго Іюля изъявляемъ вамъ волю нашу въ слѣдующемъ.

Первое. Письма Нурали-хана къ его дѣтямъ и отъ дѣтей къ нему пересылать безпрепятственно, поколику не найдется въ нихъ ничего интересамъ нашимъ противнаго и спокойствію тамошняго края вреднаго.

Второе. Соображаясь съ состояніемъ Средней Киргизской орды, Худайменды - султану и Даутбаю-Батырю-Яныбекъ-Тарханову сыну опредѣлить жалованье по разсмотрѣнію вашему, и объ отпускѣ онаго снестися съ нашимъ д. т. с. и генераломъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, на томъ основаніи, какъ о деньгахъ на содержаніе Нурали-хана и султановъ при немъ находящихся въ указѣ нашемъ отъ 31-го Іюля вамъ сказано.

Третіе. Относительно просимаго Худайменды-султаномъ отвода земли можно отмѣрить оную внизъ къ границѣ и пріурочить рѣками, отобравъ однакожъ предварительно свѣдѣніе о числѣ Киргизцовъ на оную переходящихъ и какимъ образомъ желаютъ они пользоваться землею: ибо, естьли они намѣрены сдѣлать на ней прочное поселеніе, въ такомъ случаѣ надлежитъ подать имъ всякое ободреніе и нѣкоторое еще пособіе изъ казны къ построенію домовъ и заведенію хозяйственному, полагая примѣрно на дворъ или семью отъ десяти и до двадцати рублей.

Въ заключеніе сего не можемъ мы оставить безъ примѣчанія, что въ отвѣтѣ вашемъ помянутому Худайменды-султану, сдѣланное

между прочимъ изреченіе касательно Нурали-хана, «что вы не оставите къ пользѣ его употребить всѣ возможныя старанія и по благорасположенію вашему къ нему готовы вы во всемъ ему способствовать и помощь подать», въ семъ народѣ, наклонномъ къ безпокойствамъ, можетъ родить заключеніе, будто бы вы предполагаете дать какое-либо пособіе сему хану противу отложившихся отъ него старшинъ и подвластныхъ имъ, а сіе самое и обратится иногда вопреки тишинѣ въ тамошней сторонѣ вами утверждаемой; но впрочемъ мы на усердіе и искусство ваше надѣемся, что подобныя послѣдствія вами заранѣе предусмотрѣны и отвращены будутъ.

16.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 9-го 1786.

Находящемуся при васъ для употребленія по дѣламъ пограничнымъ и другимъ тамошнимъ ахуну Мухамедъ-Джанъ-Гуссеину, въ разсужденіи засвидѣтельствованной вами усердной его службы, покуда онъ въ ней обращаться будетъ добропорядочно, повелѣваемъ производить жалованья по триста рублей на годъ.

17.

Въ С.-Петебургѣ, Ноября 12-го 1786.

Получивъ послѣднія донесенія ваши отъ 15-го Октября, мы не можемъ не изъявить вамъ удовольствія нашего за стараніе съ какимъ входите вы въ дѣла тамошняго края, предуспѣвъ открыть Пограничный Судъ для спокойствія народовъ Киргизскихъ толико нужный и полезный, въ чемъ сами они со временемъ совершенно удостовѣриться могутъ. Отдавая справедливость усердію вашему къ службѣ нашей и награждая труды подчиненныхъ вашихъ, о коихъ вы предстательствуете, всемилостивѣйше пожаловали мы находящагося Оренбургской экспедиціи при пограничныхъ дѣлахъ надворнаго совѣтника Петра Чучалова въ коллежскіе совѣтники, Уфимской второй Нижней Расправы судью коллежскаго ассесора Мендіяры-Бекчурина въ надворные совѣтники, и Оренбургскаго корпуса оберъ-аудитора Ивана Фризеля въ секундъ-маіоры, оставляя ихъ при прежнихъ мѣстахъ и должностяхъ; находящемуся же при васъ ахуну Мухамедъ-Джанъ-Гуссеину къ получаемому имъ по триста рублей жалованью повелѣваемъ прибавить еще по двѣсти рублей на годъ, соизволяя при томъ, чтобъ онъ именовался въ тамошнемъ краю первымъ ахуномъ. Впрочемъ мы надѣемся, что вы не замедлите и прочія относительно

Киргизскаго народа предположенія наши привести въ дѣйство и исполненіе, въ чемъ на вашу ревность и искусство полагаемся. Между тѣмъ въ разрѣшеніе представленій вашихъ соизволяемъ.

Первое, чтобъ вы, по усматриваемой вами надобности въ разсужденіи обширности орды учредить болѣе нежели три расправы, представили мнѣніе, въ какомъ родѣ и въ коликомъ точно числѣ сіи расправы прибавить нужно, предполагая правиломъ принаравливаться къ Учрежденіямъ нашимъ о управленіи губерній въ числѣ душъ для составленія уѣзда назначенныхъ.

Второе, хотя не сдѣлали вы лишняго, оказавъ ласковость Наибъ-султану и обнадежа его нашею милостію, которою конечно онъ и воспользоваться можетъ, буде сохранитъ должную къ Имперіи нашей преданность и вѣрность; однакожъ не можемъ мы ни избранія его въ ханы, учиненнаго нѣкоторыми изъ родовъ Киргизскихъ, подтвердить, ни позволить, чтобъ кто-либо другой въ сіе достоинство выбранъ былъ. Почему вы старайтесь при всякомъ случаѣ отклонять желанія о томъ старшинъ и народа, основывая резоны свои на силѣ прежнихъ нашихъ предписаній. Но буде бы необходимость обстоятельствъ потребовала достоинство хана въ ордѣ возстановить, то и въ такомъ случаѣ полезнѣе держаться прежняго мнѣнія о умноженіи ихъ числа и чтобъ каждый изъ таковыхъ хановъ не былъ силенъ въ ордѣ и зависѣлъ отъ васъ, какъ и прочіе подчиненные вамъ въ губерніи и по уѣздамъ.

Третіе, какъ предписано уже отъ насъ устроить при мечетяхъ школы, то и принять мѣры къ скорѣйшему введенію тамо ученія по нормальнымъ правиламъ, заимствуя оныя изъ Устава народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи нами апробованнаго, и снесяся о томъ съ Коммиссіею о народныхъ училищахъ; для переводу же потребныхъ къ тому книгъ употребить тѣхъ муллъ, которые переводили Учрежденія наши, или и другихъ людей по вашему усмотрѣнію способныхъ, съ наблюденіемъ токмо, дабы учебныя книги печатались на ихъ языкѣ вмѣстѣ съ Россійскимъ.

Четвертое, поелику многія полезныя предложенія Киргизцамъ дѣлаемыя оставляютъ они безъ исполненія до возвращенія Сырымъ-Батыря, къ руководству коего имѣютъ они полную вѣру и который по собственному вашему свидѣтельству преимущественно другихъ достоинъ нашего покровительства, то не упустите сильнѣйшимъ образомъ дать восчувствовать Эрали-султану, что дальнѣйшее задержаніе имъ помянутаго Сырымъ-Батыря подвигнетъ на него праведный нашъ гнѣвъ, и всемѣрно настоять, дабы онъ немедленно его отпустилъ въ орду свободно и безвредно.

Пятое, усугубить колико можно бдѣніе по линіи о пресѣченіи набѣговъ Киргизскихъ въ границы наши, и приложить стараніе, дабы вновь на таковое злодѣйство покусившіеся непремѣнно отысканы и наказаны, а захваченные ими люди и лошади возвращены были.

18.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 28-го 1786.

Прибывшихъ въ Оренбургъ Киргизскихъ депутатовъ, по случаю отсутствія нашего изъ здѣшней столицы, повелѣваемъ препроводить къ намъ въ Кіевъ, распорядя отправленіе ихъ такъ, чтобъ они поспѣли туда прежде нежели наступитъ время къ продолженію дальняго нашего путешествія; въ Кіевъ же мы считаемъ прибыть 25-го Генваря и остаться тамъ до вскрытія водъ, полагая оное примѣрно въ первыхъ числахъ Апрѣля.

19.

Въ Царскомъ Селѣ, Генваря 5-го 1787.

На доносеніе ваше о письмѣ къ вамъ присланномъ Средней Киргизскайсацкой орды отъ Вали-хана, почитаемъ мы за нужное дать вамъ знать, что отвѣтъ вами сдѣланный весьма основателенъ, и остается только отклонить Вали-хана отъ посылки къ двору нашему какого либо изъ его братьевъ какъ въ разсужденіи того, что дѣла Меньшой орды до него не касаются, такъ и по случаю предпріятаго нами путешествія въ полуденный край Имперіи, которое продолжится немалое время.

20.

Въ Кіевѣ, Апрѣля 21-го 1787.

Киргизкайсацкой Меньшей орды султанъ съ старшинами и первыми изъ ихъ рода, въ качествѣ депутатовъ здѣсь бывшіе, удостоились предстать намъ и при семъ случаѣ взнесли всеподданнѣйшія ихъ прошенія, по разсмотрѣніи коихъ повелѣваемъ вамъ.

Первое, взятыхъ у нихъ въ прежнія времена плѣнниковъ ихъ возвратить имъ, исключая такихъ только, кои бы приняли уже вѣру православнаго нашего исповѣданія, и особливо когда они приложатъ стараніе о возвращеніи захваченныхъ ихъ однородцами Россійскихъ.

Второе, назначеніе имъ удобныхъ мѣстъ для содержанія скота въ зимнее время зависѣть будетъ отъ лучшаго вашего усмотрѣнія,

предохраняя какъ ихъ самихъ отъ всякаго имъ притѣсненія и озлобленія, такъ и взявъ всѣ нужныя осторожности къ предупрежденію съ ихъ стороны какого-либо безпорядка по благовременному сношенію съ окрестными генералами-губернаторами по силѣ прежнихъ нашихъ о томъ предписаній.

Третіе, въ случающихся между ими распряхъ и обоюдныхъ жалобахъ доставлять имъ посредствомъ учрежденнаго Пограничнаго Суда скорое и справедливое удовольствіе.

Четвертое, стараться снабдить ихъ потребнымъ числомъ изъ людей достойныхъ извѣстнаго поведенія и въ вѣрности испытанныхъ, каковыхъ можно имѣть изъ Казанской губерніи, по сношенію съ тамошнимъ генераломъ-губернаторомъ.

Пятое, при всякомъ случаѣ не только словомъ удостовѣрять, но и дѣломъ доказывать, что настоящее ихъ положеніе, соблюденіе общаго покоя и тишины и сохраненіе намъ подданнической вѣрности и повиновенія суть единыя средства удобныя возвести народъ сей на верхъ блаженства и удостоиться вящшаго нашего покровительства и благоволенія. Впрочемъ, что̀ касается до тѣхъ старшинъ, о коихъ вы списокъ прислали къ нашему гофмейстеру графу Безбородко, рекомендуя ихъ какъ отличныхъ къ награжденію, мы желали бы знать напередъ, въ чемъ вы оное полагаете; и по полученіи о томъ мнѣнія вашего не преминемъ снабдить васъ повелѣніемъ.

21.

Въ С.-Петербургѣ, Августа 20-го 1787.

По содержанію донесенія вашего отъ 28-го Іюля можно заключать, сколь малую надежду полагать надлежитъ на Эрали-султана Киргизскаго, на котораго сверхъ уклоненія его освободить Сырымъ-Батыря и новыя еще открываются подозрѣнія. Естьли вы по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію найдете, что захваты сего султана, освобожденіе Сырымъ-Батыря послѣдовать и многія затѣмъ слѣдующія распоряженія гораздо лучше сдѣланы быть могутъ, а притомъ и возможность къ тому окажется чрезъ Уральскихъ казаковъ: то и не оставьте приказать произвесть оное въ дѣйство, употребя всѣ нужныя предосторожности.

22.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 10-го 1787.

Секретно.

Нашему генералъ-порутчику, правящему должность генерала-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго барону Игельстрому.

Сверхъ предписаннаго въ указѣ нашемъ къ вамъ о наблюденіи порядка и тишины въ губерніяхъ вамъ ввѣренныхъ и о надлежащей осторожности въ разсужденіи подвластныхъ намъ народовъ въ тѣхъ губерніяхъ или близъ оныхъ обитающихъ или кочующихъ, мы находимъ нужнымъ присовокупить, дабы вы обратили вниманіе ваше и имѣли самоприлежнѣйшее надзираніе, чтобъ въ тѣхъ народахъ не могли случиться каковыя либо непріязненныя намъ подсылки и вредныя внушенія или разглашенія отъ единовѣрныхъ имъ или отъ другихъ злонамѣренныхъ, и буде бы въ томъ подозрительные люди оказалися, таковыхъ брать для законнаго изслѣдованія и по осужденіи наказанія, наблюдая жъ однако, чтобъ тутъ напрасныя прицѣпки, притѣсненія и другаго рода злоупотребленія мѣста имѣть не могли; вредныя же внушенія или разглашенія стараться испровергать и зло въ самомъ началѣ пресѣкать средствами, поколику возможно кроткими, увѣдомляя насъ благовременно о всемъ и въ подробности. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

23.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 10-го 1787.

Нашему генералу-порутчику правящему должность генерала-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго барону Игельстрому.

Изъ манифеста нашего въ 7-й день сего Сентября даннаго извѣстны вы, какимъ вѣроломнымъ и неистовымъ образомъ Порта Оттоманская объявила намъ войну и тѣмъ побудила насъ обратить оружіе наше на оборону православной церкви и достоинства Имперіи нашей. Мы хотя увѣрены, что вы и всегда не преставали имѣть по ввѣреннымъ вамъ намѣстничествамъ должное радѣніе о сохраненіи надлежащаго порядка и тишины; но отъ избытка осторожности не можемъ оставить на настоящее время, чтобъ не подтвердить вамъ объ усугубленіи со стороны вашей таковаго наблюденія и о предписаніи настоящимъ подъ начальствомъ вашимъ комендантамъ, городничимъ, земскимъ исправникамъ и нижнимъ земскимъ судамъ, дабы они имѣли недреманное ихъ бдѣніе, чтобъ въ вѣдомствѣ каждаго изъ нихъ ничто доброму устройству несогласное и общественной тишинѣ противное не происходило, чтобъ всякъ изъ нихъ другъ другу по дѣламъ службы нашей и пользы общей подавалъ руку помощи, чтобъ о всемъ къ тому относящемся начальство свое увѣдомляли немедленно и въ чемъ слѣдуетъ и гдѣ разрѣшеніе начальства нужно, требовали онаго для лучшаго надзиранія въ прехожденіи помянутыми чинами служенія

ихъ и въ исполненіи вышеписаннаго. Еслибы другія важнѣйшія дѣла вамъ не дозволяли самолично осматривать губерніи вамъ порученныя, вы можете возлагать сіе на губернаторовъ и на другихъ чиновниковъ, коихъ отлучка не причинитъ въ теченіи прочихъ дѣлъ остановки. Относительно подвластныхъ намъ народовъ въ губерніяхъ вами управляемыхъ или близъ оныхъ обитающихъ и кочующихъ, не оставьте наблюдать всевозможную осторожность, не позволяя имъ приключать обиды и притѣсненія, въ коихъ должно давать имъ законную управу; но и не допуская ихъ притомъ до хищеній, къ каковымъ многіе развращенные между ними сродны, и всякое своевольство заранѣе упреждая и пресѣкая. О состояніи намѣстничествъ вамъ ввѣренныхъ вы долженствуете присылать къ намъ по прежнему дважды въ мѣсяцъ рапорты, изъясняя въ нихъ всякое происшествіе, которое могло бы заслуживать вниманіе, смотря же по важности и кромѣ того времени, да иногда и съ нарочными таковыя донесенія буде надобно доставляя. Впрочемъ гдѣ польза государственная востребуетъ обязаны вы съ окрестными генералами-губернаторами или правящами должность, а въ небытность ихъ съ губернаторами производить сношеніе и другъ другу взаимно подавать руку пособія къ сохраненію порядка, исполненія законовъ и удержанію спокойства и безопасности общественной. Пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

24.

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 27-го 1787.

Секретно.

Нашему генералу-поручику, правящему должность генерала-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго барону Игельстрому.

Для свѣдѣнія вашего препровождая у сего копію указа нашего, къ правящему должность Кавказскаго губернатора посланнаго, о прилежномъ наблюденіи за народами по ввѣренной ему губерніи пребывающими магометанскаго закона и о предосторожности противу всякой ихъ колеблемости, повелѣваемъ исполнять и наблюдать со стороны вашей все тутъ предписанное, поколику оное до васъ и губерній вамъ ввѣренныхъ относится. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

Копія. *Секретно.*

Въ С.-Петербургѣ, Сентября 27-го 1787.

Нашему статскому совѣтнику, правящему должность Кавказскаго губернатора Алексѣеву.

По доходящимъ къ намъ извѣстіямъ, что Порта Оттоманская старается усилить войска свои противъ границъ нашихъ Кубанскихъ и Кавказскихъ, мы находимъ за нужное вновь подтвердить вамъ о всеприлежномъ наблюденіи за разными народами магометанскаго закона въ губерніи вамъ ввѣренной пребывающими, дабы между ними тишина и всевозможный порядокъ сохраняемы, подсылки отъ единовѣрныхъ имъ къ Турецкой сторонѣ прилѣпившихся и всякая связь съ ними благовременно отвращаемы были и ни малѣйшей колеблемости отъ сихъ народовъ не происходило, для чего нужно вамъ имѣть сношеніе съ командующимъ корпусами войскъ нашихъ на Кубани и Кавказскимъ или же въ случаѣ отдаленія его по надобностямъ военнымъ съ тѣми, кто ближайшими къ границамъ нашимъ отрядами командовать будетъ, о чемъ и дали мы знать нашему генералу-фельдмаршалу князю Григорью Александровичу Потемкину-Таврическому, дабы сіи начальники войскъ отъ него наставлены были извѣщать о надобномъ къ предосторожности васъ и прочихъ ближайшими губерніями управляющихъ, а въ случаѣ нужды подать всемѣрное пособіе къ удержанію спокойствія и безопасности внутренней. Не меньше потребно усугубить примѣчаніе и за Киргизкайсаками на случай прихода ихъ для зимовья на луговую сторону рѣки Волги, имѣя тутъ частое сношеніе съ генералами-порутчиками, правящими должность генераловъ-губернаторовъ Уфимскаго и Симбирскаго барономъ Игельстромомъ и Саратовскаго и Воронежскаго Чертковымъ. Сверхъ сего соизволяемъ, чтобъ вы намъ представили, поколику достаточны у васъ способы къ сохраненію желаемаго между сими народами устройства и охраненію прочихъ подданныхъ нашихъ отъ хищенія и другаго вреда своевольными изъ оныхъ причиняемаго. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

25.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 11-го 1787.

Жалованье опредѣленное отъ насъ Средней Киргизъ-Кайсацкой орды султану Худай-Мендѣ по смерти его повелѣваемъ производить Меньшей орды Каибъ-султану, покуда онъ въ вѣрности и благонамѣренныхъ къ намъ расположеніяхъ пребудетъ.

26.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 27-го 1787.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 6-го сего мѣсяца содержаніе отвѣта даннаго вами султанамъ, старшинамъ и народу Киргизкайсац-

кой Средней орды десяти родовъ, управляемыхъ Тагиръ-султаномъ, въ разсужденіи желанія ихъ по случаю смерти сего султана отдаться начальству старшаго его сына Айчуванъ-султана, мы апробуемъ оный и соизволяемъ, чтобъ помянутый Айчуванъ-султанъ, объ усердіи коего и добромъ расположеніи къ нашей сторонѣ вы свидѣтельствуете, утвержденъ былъ начальникомъ надъ родами въ управленіи отца его бывшими, тѣмъ болѣе, что сіе согласно и съ извѣстными вамъ нашими предположеніями, дабы Киргизкайсацкія орды управлялись не однимъ ханомъ, но разными начальниками, зависящими отъ нашего главнаго въ томъ краѣ командира, и что посредствомъ такого раздѣленія удобнѣе содержать ихъ въ тишинѣ и укрощать самовольства и набѣги, къ коимъ сіи народы склонны. Относительно прошенія Маметъ-султана пріѣхать сюда, въ томъ ему не препятствовать и въ отправленіи его подать съ вашей стороны всякое пособіе. Что же касается до прочихъ пунктовъ желанія сего султана, оные по полученіи отъ васъ мнѣнія послѣ разрѣшены быть могутъ.

27.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 7-го 1787.

Донесенія ваши отъ 9-го Ноября, съ нарочнымъ присланныя, мы получили исправно. Пріемля за благо все произведенное вами въ дѣйство для пользы и спокойствія подвластныхъ намъ Киргизскихъ народовъ и для утвержденія безопасности тамошняго края попеченію вашему ввѣреннаго, въ разрѣшеніе разныхъ представленій вашихъ предписываемъ вамъ слѣдующее.

Первое, открытіе въ Меньшей Киргизкайсацкой ордѣ трехъ расправъ и штатъ онымъ отъ васъ представленный, мы всемилостивѣйше апробуемъ, равно какъ и опредѣленіе главныхъ и родовыхъ старшинъ, предоставляя на лучшее ваше усмотрѣніе пользы, надобности и времени, прибавить еще трехъ главныхъ и десяти родовыхъ старшинъ въ Алимуменской, Баулинской и Семиродской главные роды, и по таковому положенію на жалованье всѣмъ главнымъ и родовымъ старшинамъ и на содержаніе трехъ расправъ въ ордѣ учрежденныхъ, указали мы нашему д. т. с. и генералу-прокурору князю Вяземскому отпускать ежегодно денегъ по четыре тысячи четыреста рублей серебряною монетою, да хлѣба по сту по шестидесяти одной четверти, о чемъ вы съ своей стороны съ нимъ сношеніе имѣть не оставьте; выдачу же вами таковаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья не въ зачетъ за годъ, для поощренія сихъ людей къ вящшему усердію, мы утверждаемъ.

Второе, въ разсужденіи многихъ султановъ къ новому преобразованію орды не приставшихъ и по причинѣ потерянія прежней власти своей недовольныхъ мы будемъ ожидать отъ васъ представленія тѣхъ средствъ, кои вы обѣщаете изыскать къ успокоенію и привлеченію и ихъ въ единомысліе съ прочими благонамѣренными, почитая, что добровольное склоненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ службу здѣшнюю, гдѣ бы они могли быть опредѣляемы къ тамошнимъ нерегулярнымъ или жъ и къ другимъ войскамъ, а по времени и случаямъ ободряемы повышеніемъ чинами, послужило бы непослѣднимъ способомъ къ привязанію ихъ къ намъ и къ приласканію самыхъ недовольныхъ.

Третіе, султана Каиба родному брату Карабай-султану за усердную его службу производить жалованья по двѣсти рублей на годъ, покуда онъ въ вѣрности пребудетъ, удаляяся самъ и воздерживая подчиненныхъ своихъ отъ всякихъ своевольствъ и хищенія.

Четвертое, присылка депутатовъ Киргизскихъ отъ всѣхъ родовъ избираемыхъ намъ благоугодна, и вы можете отправленіе ихъ всѣхъ сорока человѣкъ распорядить такимъ образомъ, чтобъ они въ дорогѣ не потерпѣли, ни отъ нихъ какихъ безпорядковъ не произошло, увѣдомя насъ, къ которому времени и сколько точно ихъ числомъ сюда прибудетъ, дабы о принятіи и помѣщеніи ихъ здѣсь заранѣе учрежденіе сдѣлано быть могло.

Пятое, заслуги Сырымъ-Батыря и подвиги его въ ордѣ на пользу общую произведенные пребудутъ всегда во всемилостивѣйшемъ нашемъ уваженіи, которое объявите вы ему и при нынѣшнемъ случаѣ, увѣря его, что мы не инако какъ съ монаршимъ благоволеніемъ приняли письмо его, свидѣтельствующее продолжительное его къ намъ и Имперіи нашей усердіе и преданность.

Шестое, относительно извѣстій сообщенныхъ вами въ письмѣ къ гофмейстеру нашему графу Безбородко о неблагонамѣреніи къ намъ Бухарцовъ, мы почитаемъ, что представляемыя вами для предосторожности отъ того мѣры, особливо въ настоящее время, весьма полезны не только противу покушеній Бухарскихъ, но и для обузданія самихъ Киргизкайсаковъ. Не отрицаемъ мы, что въ числѣ таковыхъ полезныхъ способовъ есть изъ главныхъ укомплектованіе гарнизоновъ Оренбургскихъ; но какъ учиненное уже росписаніе рекрутъ изъ послѣдняго набора для армій нашихъ противъ непріятеля дѣйствующихъ не позволяетъ теперь тѣмъ гарнизонамъ таковаго усиленія сдѣлать рекрутами: то покуда оное въ другое время совершится и доколѣ еще не видно въ самихъ Киргизкайсакахъ никакихъ злыхъ умысловъ, мы возлагаемъ на ваше усердіе и искусство, не найдете ли вы удобности по крайней мѣрѣ между тѣмъ для нужной въ крѣпостяхъ стражи,

вмѣсто полевыхъ регулярныхъ войскъ, употребить тамошнихъ казаковъ, считаемыхъ въ немаломъ количествѣ, хотя съ произвожденіемъ употребляемымъ въ таковую дѣйствительную службу жалованья противъ прочихъ нерегулярныхъ войскъ. Для усиленія же корпуса вамъ ввѣреннаго конницею позволяемъ вамъ составить полкъ изъ добровольно вступающихъ въ службу Башкирцовъ и Мещеряковъ на основаніи прочихъ казачьихъ полковъ; и сколько на содержаніе сего полку потребно суммы, намъ донести, дабы объ отпускѣ ея въ ваше распоряженіе могли мы кому надлежитъ дать повелѣніе. Равнымъ образомъ не оставимъ распорядить, какъ скоро время и способность дозволятъ, чтобъ прокормленіе войскъ нашихъ и снабдѣніе оныхъ на случай дальнѣйшаго движенія обезпечить заведеніемъ на линіи запаснаго магазейна.

Впрочемъ всѣ вышеписанныя мѣры не инако употреблять вы должны, какъ въ прилежномъ соображеніи положенія наставшей войны, поколику осторожность теперешнему случаю потребная дозволитъ производить въ дѣйство, отлагая изъ того, что̀ по усмотрѣнію вашему оказалося бы невмѣстнымъ на сей разъ до удобнѣйшей поры и избѣгая касаться средствъ, хотя полезныхъ въ самомъ существѣ тому народу, но ежели оныя подавать бы могли поводъ къ крайнему неудовольству и волнованію, въ чемъ мы на собственное ваше усердіе, искусство и осторожность полагаемся.

28.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 7-го 1787.

Сверхъ доставленныхъ отъ васъ съ нарочнымъ увѣдомленій о разныхъ благоустройствахъ въ ордѣ Киргизкайсацкой получили мы донесенія ваши о сохраненіи во все теченіе настоящаго года тишины со стороны сея орды, объ успѣхахъ въ торговлѣ, о приращеніи таможенныхъ доходовъ и о прочемъ. Мы пріемлемъ съ особливымъ благоволеніемъ ваши усердныя о всемъ томъ старанія и отъ продолженія оныхъ надѣемся еще и вящаго спокойствія и порядка въ томъ краѣ. Снабдивъ васъ рѣшеніемъ нашимъ по прочимъ вашимъ представленіямъ, осталося намъ здѣсь предписать вамъ: *первое*, объ употребленіи всемѣрныхъ вашихъ настояній, дабы обнадеженія вамъ данныя отъ Киргизцовъ о возвращеніи товаровъ изъ каравановъ прежде ими пограбленныхъ на дѣлѣ и безъ отлагательства исполнены были, и *второе*, чтобъ для отвращенія Башкирцовъ отъ кражи скота у Киргизцовъ препоручили вы имамамъ ихъ дѣлать при случаяхъ удобныхъ приличныя увѣщеванія.

29.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 7-го 1788.

По представленію вашему указали мы д. т. с. и генералу-прокурору князю Вяземскому доставить вамъ, на отправленіе сюда Киргизскихъ депутатовъ, десять тысячъ рублей, въ дополненіе той суммы, какая въ Оренбургской пограничныхъ дѣлъ экспедиціи на лицо нынѣ состоитъ, дабы не сдѣлать оскудѣнія и для прочихъ тамъ нужныхъ расходовъ.

30.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 19-го 1788.

Для надобности службы нашей въ здѣшнемъ краѣ повелѣваемъ вамъ назначить тысячу Башкиръ надежныхъ и доброконныхъ, раздѣля ихъ въ два полка и пріуготовя такъ, чтобъ по первому за симъ нашему указу оные могли сюда отправиться; причемъ даемъ вамъ знать, что какъ скоро оные изъ жилищъ своихъ выдутъ, то и должны будутъ получать жалованье, провіантъ и фуражъ противъ Донскихъ казаковъ.

31.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 25-го 1788.

Вы уже извѣстны отъ генерала-поручика правящаго должность генералъ-губернатора Воронежскаго и Саратовскаго Черткова о учиненной Киргизкайсаками на рѣчкѣ Царевкѣ продерзости разбитіемъ хуторовъ, захваченіемъ людей и отогнаніемъ скота; почему и повелѣваемъ вамъ предписать кому слѣдуетъ о употребленіи всевозможнаго старанія, дабы таковые преступники переловлены и для поступленія съ ними по строгости законовъ надлежащему суду преданы, а захваченные люди, скотъ и прочее имѣніе конечно возвращены были, въ чемъ учрежденные отъ васъ въ Киргизкайсацкой ордѣ расправы и родовые старшины обязаны всемѣрно приложить попеченіе.

32.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 2-го 1788.

Донесенія ваши отъ 7 Маія мы получили и по содержанію оныхъ даемъ вамъ знать, что о сношеніи Турковъ съ Бухарцами и о возбужденіи сихъ послѣднихъ къ поднятію противу насъ оружія мы уже

имѣли и съ другой стороны извѣстія; на благоразуміе однакожъ и осторожность вашу полагаемся, что вы не упустите ничего того, что̀ можетъ служить къ сохраненію въ томъ краю прежняго спокойствія и къ недопущенію всякимъ вреднымъ послѣдствіямъ. О наполненіи войскъ полевыхъ Оренбургскаго корпуса и гарнизоновъ тамошнихъ учинены уже достаточныя распоряженія; но что̀ касается до представляемаго вами соединенія корпусовъ Сибирскаго и Оренбургскаго, сего мы не можемъ принять за благо, ибо состояніе границы Сибирской требуетъ также особаго уваженія и распоряженія по мѣстному усмотрѣнію тамошняго начальства; командующіе же обоими сими корпусами и безъ соединенія оныхъ долженствуютъ о всемъ, что̀ касается на пользу службы, сноситься между собою и въ случаѣ надобномъ подавать другъ другу руку помощи.

33.

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 17-го 1788.

Въ слѣдствіе указа нашего отъ 19 Апрѣля къ вамъ посланнаго повелѣваемъ назначенные два полка или тысячу человѣкъ Башкирцовъ отправить тотъ часъ сюда, придавъ имъ, для наблюденія порядка, воздержанія ихъ отъ своевольствъ и доставленія имъ нужнаго, изъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ число неизлишнее по вашему разсмотрѣнію и предписавъ слѣдовать по маршруту отъ васъ присланному. Деньгами потребными на слѣдованіе ихъ снабдите изъ тамошнихъ кригсъ-комисарской и провіантской коммисій, въ коихъ расчетъ учиненъ будетъ немедленно нашимъ д. т. с. и генераломъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ. Впрочемъ полагаемся мы на ваше усердіе къ службѣ нашей, что тутъ выбраны будутъ изъ Башкирцовъ люди къ употребленію надежнѣйшіе.

34.

Въ С.-Петербургѣ, Іюля 6-го 1788.

По содержанію донесенія вашего отъ 31-го Маія въ резолюцію предписываемъ: что принятіе отправляемаго ко двору нашему отъ Бухарскаго правительства посланника въ настоящемъ положеніи дѣлъ можетъ быть полезно; и для того когда сей посланникъ прибудетъ въ Оренбургъ, доставя ему всѣ потребныя выгоды къ безпрепятственному продолженію пути, препроводите его сюда со всѣми осторожностями, какія по благопризнанію вашему могутъ быть нужны, учредя притомъ трактъ его отъ Оренбурга чрезъ Симбирскъ, Нижній-Новго-

родъ на Москву и снесяся съ генералами-губернаторами и правящими ту должность лежащихъ на семъ трактѣ губерній, дабы и съ ихъ стороны къ принятію и препровожденію далѣе сего посланника благовремянныя распоряженія сдѣланы были.

35.

Въ С.-Петербургѣ, Іюля 19-го 1788.

По выкомандированіи сюда двухъ полковъ Башкирскихъ повелѣваемъ собрать вновь еще одинъ таковой же полкъ изъ пятьсотъ человѣкъ Башкирцовъ и имѣть ихъ всегда въ резервѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и отряженные въ собраніи состояли, дабы изъ нихъ можно было какъ сюда посланные полки наполнять въ случаѣ убыли, такъ и имѣть тамъ въ готовности для умноженія по мѣрѣ надобности въ другихъ мѣстахъ легкихъ войскъ. Сіи на службу назначенные Башкирцы, долженствуютъ получать содержаніе казенное на основаніи прежнихъ о томъ указовъ нашихъ.

36.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 26-го 1788.

Видѣвши изъ донесеній вашихъ отъ 6 и 27 Сентября перемѣну прежняго поведенія Киргизской Меньшой орды Эрали-султана, который имѣетъ нынѣ благонамѣренное къ намъ расположеніе и проситъ какъ о позволеніи ему отправить сюда нѣсколько человѣкъ депутатовъ, такъ объ отпускѣ въ орду брата его Нурали-хана, повелѣваемъ вамъ: что̀ касается до первой просьбы Эрали-султана, въ оной его совершенно удовлетворить и въ отправленіи къ намъ избранныхъ отъ него депутатовъ подать всякое зависящее отъ васъ пособіе по примѣру другихъ подобныхъ присылокъ; относительно же возвращенія въ орду Нурали-хана, мы желаемъ, чтобъ вы доставили намъ точное ваше мнѣніе, не можетъ ли быть для насъ неудобнымъ и неполезнымъ, естьли помянутый ханъ отпущенъ будетъ; а при томъ соизволяемъ, чтобъ вы впредь по таковымъ дѣламъ представленія для удобнѣйшаго ихъ здѣсь разрѣшенія присылали съ присовокупленіемъ своего разсужденія.

37.

Въ С.-Петербургѣ, Генваря 18-го 1789.

Изъ рапорта вашего отъ 23 Ноября съ вѣдомостьми о всемъ происшедшемъ въ минувшемъ 1788 году со стороны Киргизцовъ на

верхней и нижней Уральскихъ линіяхъ и о успѣхѣ торга, происходившаго между Россійскимъ купечествомъ, Бухарскимъ, Хивинскимъ и Киргизкайсацкимъ народами, видимъ мы съ удовольствіемъ благоуспѣшность прилагаемаго вами старанія о выручении захваченныхъ Киргизцами подданныхъ здѣшнихъ. Отдавая въ томъ должную справедливость усердію и попеченію вашему, мы признали за нужное предписать вамъ, чтобы вы продолжали употреблять всѣ возможныя мѣры къ такому выручению и къ пресѣченію впредъ подобныхъ со стороны Киргизцовъ продерзостей.

38.

Въ Царскомъ Селѣ, Апрѣля 30-го 1789.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 28-го Марта поступокъ, коимъ остановили вы исполненіе изданнаго своевольно въ Меньшой Киргизкайсацкой ордѣ отъ Каибъ-султана узаконенія, апробуемъ оный, соизволяя и на произведеніе въ дѣйство мнѣнія вашего о снабдѣніи того народа нужными законами; поелику же вамъ свойство и обычай его болѣе извѣстны, то и возлагаемъ на попеченіе ваше приказать составить выписку приличныхъ къ тому законовъ, соображаяся съ родомъ случающихся тамо преступленій и тяжебъ и оную къ намъ представить на апробацію.

39.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 25-го 1789.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 18-го Сентября, какой сдѣлали вы отвѣтъ Киргизкайсацкой Меньшой орды старшинѣ и Баулинской расправы засѣдателю Суфрѣ-бею по случаю полученнаго Киргизцами отъ Бухарскаго Аталына письма, возмущающаго Киргизскій народъ къ поднятію противу имперіи нашей оружія въ пользу неприятеля нашего Порты Оттоманской, находимъ содержаніе того отвѣта весьма приличнымъ, равно какъ и прочія распоряженія ваши по сему случаю учиненныя полезными, которыя и пріемлемъ за благо. Но притомъ нужно есть, чтобъ вы, имѣя въ командѣ своей немалой корпусъ войскъ нашихъ, учредили и по сей части нужныя мѣры осторожности, а для взятья таковыхъ же сообщили и Кавказскому губернатору на случай кочеванія зимой въ тамошнихъ предѣлахъ Киргизкайсаковъ; о чемъ не оставьте также снестися заранѣе и съ главнокомандующимъ Кавказскою нашею арміею генераломъ графомъ Салтыковымъ, дабы повсюду надобная осторожность принята была не только

на уничтоженіе замысловъ враговъ нашихъ, но и на обращеніе оныхъ въ собственную ихъ погибель. Впрочемъ нужно, чтобъ вы о пограничныхъ обстоятельствахъ, кои требуютъ осторожности военной и связи между частями войскъ нашихъ, помянутаго генерала извѣщали.

40.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 13-го 1791.

Четвертаго дня въ вечеру къ особливому удовольствію нашему получили мы отъ генерала фельдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго извѣстіе о подписаніи прелиминарныхъ артикуловъ мирныхъ между Имперіею нашею и Портою Оттоманскою, которое въ приложеніи при семъ вамъ сообщаемъ, пребывая вамъ благосклонны.

41.

Въ разсужденіи, что главная провіантская канцелярія по отдаленности губерній, вамъ ввѣренныхъ, не можетъ сама распоряжать заготовленіемъ провіанта и фуража для войскъ въ нихъ находящихся, возлагаемъ отъ нынѣ впредъ на васъ, въ отсутствіи же вашемъ на губернаторовъ, сходственно съ учрежденіями нашими, попеченіе о таковомъ заготовленіи провіанта и фуража въ означенныхъ губерніяхъ и о доставленіи его куда надлежитъ, съ тѣмъ, чтобъ вы съ казенною палатою производили оное по сношенію съ главною провіантскою канцеляріею о количествѣ потребнаго и о деньгахъ за то изъ суммъ на сіе опредѣленныхъ, съ наблюденіемъ всевозможнаго хозяйства посредствомъ добровольныхъ закупокъ или же подрядовъ, какимъ образомъ для казны выгоднѣе, отвращая всякое тутъ злоупотребленіе или притѣсненіе для жителей и учреждая недостатокъ въ пропитаніи войскъ тамошнихъ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ А. А. ШАХОВСКАГО.

Эти воспоминанія писаны въ 1836 году, въ то время, когда готовился памятникъ на Бородинскомъ полѣ, уже воздвигнута была передъ Зимнимъ дворцомъ Александровская колона, и въ одной изъ залъ царскаго жилища собрана портретная галлерея славныхъ участниковъ великой борьбы. Молодость Государя Николая Павловича протекла подъ обаяніемъ „грозы двѣнадцатаго года“, ея предварительныхъ раскатовъ и послѣдующей славы. Воцарившись, онъ дѣятельно озаботился увѣковѣченіемъ этой всемірно-исторической эпохи, при томъ не однимъ воздвиженіемъ вещественныхъ памятниковъ, но и собираніемъ всякаго рода повѣствованій. По его волѣ приступлено было А. И. Данилевскимъ къ написанію Исторіи Отечественной войны, для которой и доставлялись со всѣхъ сторонъ даровитому, трудолюбивому, хотя и не безпристрастному историку, памятныя записки. Къ числу ихъ принадлежатъ и нижеслѣдующія воспоминанія, изложенныя въ видѣ письма къ Данилевскому.

Авторъ, извѣстный драматическій писатель Александръ Александровичъ Шаховской (1777—1846) въ это время уже окончилъ свое писательское поприще, успѣвъ вывести на Русскую сцену

Своихъ комедій шумный рой,

и спокойно доживалъ вѣкъ въ Москвѣ. Тетрадь его, въ современномъ спискѣ, сохранилась въ замкѣ Фаллѣ, между бумагами графа А. Х. Бенкендорфа, которому, какъ старому товарищу (молодые годы обоихъ протекали за театральными кулисами, и Бенкендорфъ привезъ изъ Парижа славную мамзель Жоржъ), она вѣроятно была доставлена самимъ авторомъ, передающимъ живыя и любопытныя подробности и объ его участіи въ событіяхъ 1812 года. Приносимъ благодарность нашу внучатному племяннику автора, г-ну Ревельскому губернатору князю Сергѣю Владимировичу Шаховскому и внуку графа Бенкендорфа, князю П. Г. Волконскому за дозволеніе вновь обнародовать эти любопытныя воспоминанія. П. Б.

*

Ваше превосходительство желали знать, что̀ я видѣлъ, слышалъ, думалъ и чувствовалъ, во время вступленія нашего въ очищенную отъ непріятеля Москву, и я всею душею радъ исполнить желаніе ваше. Хотя давность, лѣта и скорби одряхлили мою память; но чув-

ствую, что священный огонь, запалившій въ 1812 году Русскія сердца, не вовсе потухъ, и авось вспыхи его, пробуждая давнишнія ощущенія и проясняя прошедшее, помогутъ мнѣ удовлетворить любопытство ваше.

Я случился въ Твери, при возвращеніи чрезъ нее покойнаго Государя Императора изъ арміи и Москвы въ Петербургъ, и имѣлъ счастіе первый изъ принадлежавшихъ ко двору вступить съ высочайшаго соизволенія въ Тверскія дружины. 15-го Августа начался поуѣздно наборъ ополченія; а передъ вечеромъ 30-го Августа полкъ мой первый выступилъ изъ Твери къ Москвѣ. Когда онъ построился четвероугольникомъ для принесенія съ колѣнопреклоненіемъ молебствія Богу браней, хлѣбные амбары за гостиннымъ дворомъ загорѣлись, и пожаръ быстро распространился, однако не прервалъ нашего священнаго обряда. Молебствіе кончилось. Соборный протоіерей окропилъ новыхъ воиновъ святою водою; весь полкъ довольно порядочно зашелъ повзводно; два барабанщика, взятые изъ пересыльныхъ плѣнныхъ Нѣмцовъ, ударили походъ. Тутъ, съ твердою вѣрою, но не безъ тщеславнаго воспоминанія, я повторилъ воинскій крикъ предка моего Мстислава Храбраго: «*Съ нами Богъ!*» [1]) Его громогласно подхватили всѣ дружины, и мы, съ Богомъ, выступили изъ пылавшей за нами Твери, навстрѣчу ужаснѣйшему пожару, очистившему и осіявшему заревомъ вѣчной славы нашу Святую Русь.

Остановясь для осмотра на походѣ дружинъ, я не успѣлъ пропустить мимо себя двухъ баталіоновъ, какъ Приволжскіе пѣсельники впереди перваго (Кашинскаго), съ кларнетомъ и двумя гобоями отданныхъ въ ополченіе господскихъ музыкантовъ, грянули дружно: «*Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*». Пѣсня мигомъ оживила не одныхъ холостыхъ ребятъ, но и отцевъ семействъ, съ которыми они только успѣли слезно проститься, и недавно понурые крестьяне бодро зашагали храбрыми воинами за Царя и Отечество. Каждый изъ молодцевъ готовъ былъ поднять на зубки товарища своего, горемычно повѣсившаго голову, и заушить всякаго чужеземца. Этотъ скорый переходъ изъ унынія въ храброваніе не удивитъ васъ: вы вѣрно видали, какъ плаксиваго рекрута одна солдатская шапка превращаетъ въ удальца, часто начинающаго военную службу побоями своего отдатчика. Таковъ Русской обычай, и это внезапное дѣйствіе перемѣны платья, ка-

---

[1]) Князья Шаховскіе прямо происходятъ отъ Рюрика. П. Б.

жется, оправдываетъ наружное преобразованіе Петра Перваго, сохранявшаго впрочемъ самобытное свойство своего народа.

Остановясь на дневку въ Клину, мы услышали отъ выѣздцовъ изъ Москвы, что непріятель въ нее вступаетъ. Ополченное молодечество не хотѣло вѣрить этимъ несбыточнымъ, особливо послѣ Бородинскаго сраженія, вѣстямъ, и вѣстовщики, разруганные лгунами и трусами, едва не были отпотчиваны нашими ратниками, какъ отдатчики рекрутъ. Но въ ночи дальнее зарево широко зардѣлось съ прямаго направленія отъ Москвы: Русскія вѣщія сердца замерли, и вскорѣ прискакавшій къ намъ съ приказаніемъ остановить насъ, гдѣ застанетъ, увѣрилъ въ ужасной истинѣ. Она, какъ Крещенскій морозъ, ледѣнила наши члены; мы, отъ стыда за нашу родину, не смѣли взглянуть другъ на друга, и, кажется, лучше бы желали провалиться сквозь землю, чѣмъ носить на ней позоръ Русскаго имени. Но благовѣстъ къ обѣднѣ заставилъ всѣхъ перекреститься и молча войти въ церковь. Я никогда не забуду этой минуты, въ которую жизнь моя казалась мнѣ нестерпимымъ поношеніемъ; но какъ начальникъ, обязанный не показывать робкаго унынія моимъ подчиненнымъ, я, стараясь придумывать, чѣмъ бы ихъ ободрить, самъ ободрился: вспомнилъ о Пожарскомъ и, при выходѣ изъ церкви, воскликнулъ «Россія не въ Москвѣ!» Это слово произвело сильное дѣйствіе уже не на театральной сценѣ, а въ настоящемъ бытѣ, повторенное, ровно чрезъ 200 лѣтъ, на попираемой врагами Русской землѣ. Мрачныя думы прояснились, воображеніе оживилось, каждый изъ ополченныхъ дворянъ началъ по своему предугадывать, разсуждать, соображать бывшее съ настоящимъ и, наконецъ, неизмѣнная надежда на Бога, Государя и Русскую непотдатливость, быстро одушевила всѣ дружины, и чрезъ часъ, при Московскомъ заревѣ, раздались пѣсни Тверскихъ воиновъ и Клинскихъ ямщиковъ; а старые солдаты, приданные къ дружинѣ для обученія ратниковъ, сидя на завалинахъ избъ, съ досады на новобранцевъ, не отстоявшихъ первопрестольнаго города, пустились разсказывать о славныхъ походахъ Суворова, при которомъ они этихъ же Французовъ, какъ куръ, душили въ чужой, дальней землѣ.

Отставной корнетъ Постельниковъ, бывшій за баталіоннаго адъютанта, хватски отрапортовалъ мнѣ, что кручина спала съ удалыхъ головъ, какъ съ гуся вода, и между помѣщиковъ-офицеровъ по прежнему составились бостонцы и банчики, въ ожиданіи что прикажутъ дѣлать, куда поведутъ и гдѣ Господь приведетъ подраться съ злодѣями.

Вы знаете, что, по взятіи непріятелемъ Москвы, Тверское ополченіе поступило подъ начальство генералъ-адъютанта барона Винцингероде, отрѣзаннаго съ своимъ отрядомъ отъ арміи и оставшагося на

Петербургской дорогѣ. Я получилъ отъ него приказъ явиться къ нему въ Подсолнечное, гдѣ былъ встрѣченъ моими молодыми пріятелями, нынѣшнимъ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ и Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Ихъ бодрая веселость разбудила и мою; а разсказы о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ фельдмаршала, сколько можно было, меня успокоили. Послѣ обѣда, къ которому было прислано съ изобиліемъ всякаго съѣстнаго запаса, садовыхъ и оранжерейныхъ плодовъ изъ разныхъ подмосковныхъ, я вышелъ на улицу, гдѣ увидѣлъ ямскую сходку, столпившуюся около старика, который, уткнувъ сѣдую бороду о длинную палку, что-то толковалъ молодежи; а на мой вопросъ, о чемъ у нихъ идутъ поговорки, отвѣчалъ: «Да все о матушкѣ Москвѣ.—«Что же вы думаете?»—«Да вотъ пока ее матушку супостаты не взяли, такъ думалось и то и се; а теперь думать нечего. Ужъ хуже чему быть?.. И только бъ батюшка нашъ Государь милосердый, дай Богъ ему много лѣтъ царствовать, не смирился съ злодѣемъ, то ему у насъ не сдобровать. Святая Русь велика, народу многое множество; укажи поголовщину, и мы всѣ шапками замечемъ, аль своими тѣлами задавимъ супостата». Въ это время баронъ Винцингероде подошелъ къ намъ. Я ему перевелъ крестьянскія рѣчи, и онъ, схвативъ меня съ привычнымъ ему судорожнымъ движеніемъ за руку, сказалъ: «Я только одного желаю, чтобъ вельможи наши думали какъ эти крестьяне. Сегодня же напишу къ Императору ихъ слова. О! я увѣренъ, что онъ никакъ не помирится съ Бонапарте, и Россія будетъ гробомъ его». Я тогда вспомнилъ говоренное мнѣ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, покойнымъ инженернымъ генераломъ Л. Л. Карбонье, что Наполеоново торжество продолжится, пока онъ будетъ воевать съ арміями, а не съ народомъ. Гишпанія и Россія оправдали нынче очень древнюю истину, что народы покоряются не руками, а словами.

Мнѣ поручено было начальство надъ авангардомъ ополченія, расположеннымъ между Клиномъ и Тверью, и надзоръ за провожденіемъ плѣнныхъ, которыхъ одинъ отрядъ барона Винцингероде, состоявшій едва ли изъ 2500 человѣкъ, переслалъ до 6000 захваченныхъ около Москвы и даже въ самыхъ Московскихъ огородахъ (куда они, за недостаткомъ хлѣба, ходили вырывать картофель.) Не знаю, отъ кого вышелъ переданный мнѣ приказъ: имѣть особое попеченіе о Гишпанцахъ, почему въ Завидовѣ я зашель въ избу, отведенную для нихъ [2]). Хозяйка ея, стоя на колѣняхъ, омывала раненую ногу пожи-

---

[2]) Лѣтомъ 1812 года, въ Великихъ Лукахъ, Россія заключила оборонительный союзъ съ Испаніею. П. Б.

лаго полоненника; увидя меня, она испугалась, вскочила и стала извиняться, что взмилилась надъ супостатомъ, который чай не по охотѣ оставилъ жену и дѣтокъ. Разумѣется, что я не побранилъ ея. Однажды (это было въ Воскресенье и въ самый часъ обѣдни) привели въ Городню кучу нахватанныхъ въ плѣнъ разнородцевъ. Случившіеся между ними Кроаты нашего исповѣданія остановились и стали креститься на церковь по нашему. Ихъ окружили крестьяне и, понявъ изъ Славянскаго нарѣчія, что они захватомъ взяты на войну противъ Россіи, тотчасъ нанесли имъ папушниковъ, пироговъ, и ямщики просили позволенія на своихъ лошадяхъ подвезти ихъ въ Тверь. Вотъ природное свойство Русскихъ и дѣйствіе нашей всетерпящей церкви, основанной на христіанской любви, а не на страхѣ, внушаемомъ папскимъ душевластіемъ.

Но тѣже сердца, которыя радушно готовы помогать страждущимъ, закипали яростію при видѣ вражеской силы и поруганія церквей. Тогда уже иноземецъ, идущій противъ Бога и Святой Руси, переставалъ казаться имъ человѣкомъ. Графъ Бенкендорфъ разсказывалъ, что онъ, отправясь въ Волоколамскъ для захвата тамъ Французскихъ фуражировъ, уже не нашелъ въ городѣ ни непріятелей, ни Русскихъ: одни въ расплохъ перерѣзаны или сожжены въ домахъ, а другіе, т.-е. собравшіеся на удальство крестьяне, скрылись. Онъ однакожъ узналъ отъ явившагося къ нему, что, между прочихъ раздѣлокъ съ злодѣями, служанка казначея заколола поварскимъ ножемъ двухъ Французскихъ подлипалъ, ворвавшихся одинъ послѣ другаго въ чуланъ, гдѣ она спряталась. Помнится, онъ же, или братъ его Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ (новый нашъ партизанъ, промѣнявшій перо на саблю для защиты отечества), узнавъ въ Волоколамской отчинѣ княгини Голицыной, что крестьяне спасли изъ ея дома все богатое имущество и Французы не могли допытаться, куда они его спрятали, спрашивалъ ихъ: «Вѣрно вамъ хорошо было жить за княгинею?»—«Нѣтъ», отвѣчали они; «насланные ею всякіе иноземцы для науки и экономіи разорили насъ въ конецъ; да отецъ и дѣдъ покойнаго князя жаловали нашихъ отцовъ и дѣдовъ, такъ намъ грѣшно отдать супостату наслѣдство его дѣтокъ». Вотъ такова преданность къ господамъ тѣхъ, кого надѣялся Наполеонъ взбунтовать своими прокламаціями. Храбрые Сычевскіе крестьяне, отчины графа Панина и другихъ немелкопомѣстныхъ дворянъ, вооружились чѣмъ попало и, составя мѣстное ополченіе, въ родѣ Гишпанскихъ Гверильясовъ, подъ начальствомъ уѣзднаго предводителя Богуславскаго, не давали по своей округѣ прохода мелкимъ непріятельскимъ отрядамъ, дрались безпощадно пѣшіе и на коняхъ, и я слышалъ ужасныя

дѣйствія ихъ народной мести. Но не это ли (пусть и варварство) помогло Русскому Царю сорвать поносныя цѣпи слишкомъ своекорыстнаго просвѣщенія? У насъ встрѣчали Наполеонцевъ не съ хлѣбомъ и солью, а съ топоромъ и рогатиной; однакоже наши войска, артиллерія, флотъ и учебныя заведенія не уступятъ въ благообразіи, устройствѣ и военномъ дѣлѣ ничьимъ въ свѣтѣ; наши столицы красивѣе всѣхъ другихъ, и въ нихъ большія общества блестятъ роскошью просвѣщенія, если не больше, то вѣрно не меньше прочихъ. А со всѣмъ тѣмъ наши чужелюбцы хлопочутъ о какомъ-то европейсствѣ; неужели объ умствованіяхъ и перемудреніяхъ, вовлекшихъ Европу въ порабощеніе, изъ котораго мы же выручили ее нашей кровью? Извините это отступленіе отъ обѣщаннаго вамъ разсказа. Вы знаете, что отъ избытка сердца уста глаголятъ, а старость болтлива. Но возвратимся къ опозоренной и сожженной Москвѣ.

Скача безпрестанно взадъ и впередъ на праздныхъ тогда почтовыхъ по Тверской дорогѣ, я пріѣхалъ въ Чашниково, гдѣ остановилась главная квартира барона Винцингероде, въ тотъ самый день какъ Французы, чтобъ скрыть отъ его отряда (который они, какъ я узналъ изъ перехваченныхъ бумагъ, считали сильнымъ корпусомъ) выступленіе свое изъ Москвы, выслали противъ нашего авангарда, находившагося тогда во Всесвятскомъ, нѣсколько эскадроновъ изъ разныхъ полковъ, тотчасъ прогнанныхъ козаками подъ начальствомъ молодца Иловайскаго и спасенныхъ отъ совершеннаго истребленія дѣйствіемъ пушекъ, поставленныхъ на пригородномъ острогѣ. Въѣхавъ въ Чашниково, я встрѣтилъ нѣсколько Нѣмецкихъ фигуръ въ изорванныхъ сюртукахъ, очень важно несшихъ духовые инструменты, и еще не успѣлъ спросить, откуда взялись эти чудаки, какъ остановившій меня графъ Бенкендорфъ разсказалъ, что они приведены были къ нему какъ непріятельскіе музыканты, но оказались очень пріятельскими, а именно: барона Фитингофа. Онъ себя и ихъ изъ Риги переселилъ въ Москву, самъ уѣхалъ отъ непріятеля, а ихъ оставилъ на произволъ судьбы, которая сдѣлала изъ нихъ оркестръ Французскаго театра, оставшагося въ Москвѣ; а когда оголодавшимъ Французамъ пришло не до музыки, то ихъ съ хлѣба долой выслали изъ Москвы, и теперь они, изъ кушанья, составляютъ столовую гармонію при бивакахъ генеральской квартиры и исполняютъ свою должность съ большимъ усердіемъ. Войдя въ избу, гдѣ присталъ баронъ Винцингероде, я услышалъ вдругъ отъ всѣхъ бывшихъ въ ней о побѣдахъ Витгенштейна и о Тарутинскомъ сраженіи, котораго подробности, не имѣя прямаго сообщенія съ арміей, никто не могъ знать; но всѣ довольно вѣрно угадывали его слѣдствія, т.-е. скорый выходъ Наполеона изъ Москвы,

а естьли фельдмаршалъ успѣетъ его погнать по той же дорогѣ, по которой онъ пришелъ, то конечную гибель его войска, и звали ему на встрѣчу нашу слишкомъ запоздалую осень.

Передъ обѣдомъ наши партизаны привели плѣннаго непріятельскаго коммисара. Баронъ Винцингероде, скрѣпя сердце, пригласилъ еще перваго Француза къ своему столу. Мы съ графомъ Бенкендорфомъ посадили его между собою и подливали ему съ обѣихъ сторонъ вина, посланнаго изъ Парижа для Наполеона и отбитаго отрядомъ майора Пренделя (напоминавшаго вахмистра Бранта, котораго живо представилъ въ своемъ лучшемъ романѣ Пиго-Лебрень). Плѣнный коммисаръ, изъ національной гордости, или чтобы намъ пустить, какъ говорятъ Французы, пыль въ глаза, превозносилъ великія доблести воинственнаго императора, спасшаго свое отечество отъ ужасовъ безначалія; но, послѣ многихъ осушенныхъ бокаловъ, началъ пробалтываться и, наконецъ, развеселенный роднымъ виномъ, разхрабренный своимъ республиканскимъ Марсельезомъ (который, помнится, по приказанію Л. А. Нарышкина, заиграли наши Нѣмцы) и разодолженный нашей радушной бесѣдой, захохоталъ и сказалъ: «Я вижу, господа, что вы люди благовоспитанные и умные, такъ отъ васъ не утаишь, что императоръ Бонапарте, конечно, славенъ и полезенъ, но только для себя, а не для Франціи, въ которой скоро, отъ преждевременныхъ конскрипцій, не будетъ ни одного молодаго человѣка, и ему придется населять ее своими Корсиканцами и Итальянцами». In vino veritas! [3]) вскричалъ графъ Бенкендорфъ; мы засмѣялись, а Французъ еще больше расхохотался. Кто-то вошелъ и сказалъ, что козаки привезли коляску съ хорошенькой женщиной и дитятею. Мы бросились посмотрѣть эту необыкновенную добычу и только сошли съ крыльца, какъ услышали за собою визгливый крикъ: Ah! ma femme! а изъ коляски: Ah! mon mari! и тотчасъ увидѣли мужа и жену обнимающихъ очень миленькаго ребенка. Коммисаръ былъ схваченъ при выѣздѣ изъ Москвы на встрѣчу женѣ, которую ожидалъ изъ Польши; а жена попалась въ полонъ вмѣстѣ съ провожатыми своими на Смоленской дорогѣ. Извѣстно, что Наполеонъ тащилъ за своею арміею другую армію разнаго рода ремесленниковъ, маркитантовъ, женщинъ, дѣтей, которыми, какъ почти всѣ они были увѣрены, хотѣлъ населить и просвѣтить Россію. По крайней мѣрѣ множество Французскаго сброда обоего пола нахватано нашими козаками. Однакожъ, надобно отдать справедливость Донцамъ: они не обирали женщинъ, изъ уваженія ли къ прекрасному

---

[3]) Въ винѣ правда.

полу, или отъ того, что уже тогда довольно нажились и чужимъ, и Русскимъ добромъ, котораго лучше таможенной стражи не пропускали за границу, и почти все, что захватили непріятели въ Москвѣ, отправилось на Донъ.

Нѣкоторые чиновники полиціи, вышедшіе изъ Москвы, переряженные ходили въ нее и приносили разныя извѣстія барону Винцингероде. На другой день пріѣзда моего въ Чашниково, они его увѣдомили, что Наполеонъ намѣренъ взорвать Кремль. Оставшись послѣ ужина одинъ съ барономъ, я съ ужасомъ сказалъ ему, что взрывъ Кремля, гдѣ покоются мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привыкшую почитать святыню Кремля своимъ Палладіумомъ. Сердце генерала, быстро воспаляемое благороднымъ ощущеніемъ, вспыхнуло; онъ измѣнился въ лицѣ и, вскоча со стула, вскрикнулъ: «Нѣтъ, Бонапарте не взорветъ Кремля. Я завтра дамъ ему знать, что естьли хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіеся къ намъ Французы будутъ повѣшены». На другой день, какъ вы подробно знаете изъ письма Л. А. Нарышкина, нашъ отрядной начальникъ самъ въѣхалъ съ нимъ въ оставленную Наполеономъ Москву, былъ схваченъ и потомъ избавленъ отъ смерти удальствомъ нынѣшняго графа Чернышова. Кажется, я не обманываюсь, полагая причиною, пусть и безразсуднаго смѣльства барона Винцингероде наслѣдственную запальчивость его рыцарскаго характера, которая затушила въ умѣ его все, кромѣ мысли, что спасеніемъ Кремля отъ взрыва онъ спасетъ Русскихъ отъ унынія и сохранитъ имъ ихъ святыню. Любовь и благодарность къ нашему Государю и Отечеству почти равнялись въ немъ съ ненавистію къ Наполеону и Французамъ, разорившимъ его родину и лишившимъ его самого родовыхъ правъ и достоянія. Непримиримый врагъ революціи и ея приверженцевъ, онъ, какъ я слышалъ отъ Л. А. Нарышкина, сказалъ въ глаза называемому имъ Бонапарте: «Я служилъ всегда тѣмъ государямъ, которые объявлялись вашими врагами, и искалъ вездѣ Французскихъ пуль». Признаюсь, я долго винилъ себя, что, можетъ быть, моимъ ужасомъ возбудилъ пагубную для него мысль; но почти неимовѣрное спасеніе ревностнаго поборника нашей святыни успокоило мою совѣсть, и я больше прежняго увѣрился, что порывъ души, восторженной усердіемъ къ Церкви, Царю и Отечеству, не можетъ и нечаянно произвести зла, и что доколѣ сохранится въ Русскихъ сердцахъ вѣра къ небесной и усердіе къ сей земной Троицѣ, то ничто въ мірѣ не одолѣетъ могущества Россіи.

Еще разъ прошу извинить мое отступленіе; но, слишкомъ 40 лѣтъ драматическій писатель, говоря языкомъ страстей, я на 60-мъ году не могу отстать отъ долгой привычки. Впрочемъ мнѣ невозможно обой-

тись безъ отступленій, наводящихъ меня на прямой путь. Начиная письмо мое, я отчаивался удовлетворить, какъ желалъ, ваше любопытство: въ головѣ моей мелькали отрывками нѣкоторыя воспоминанія; но когда они отозвались въ душѣ и закипятили въ ней родимыя чувства, пылавшія въ дни тяжкаго испытанія нашего, тогда туманъ, подернувшій давно прошедшее, началъ разсѣеваться. Нерѣдко забывая видѣнное мною вчера и вдругъ воспоминая нѣкогда сильно чувствуемое, я убѣдился, что человѣкъ имѣетъ двѣ памяти: одну тѣлесную или органическую, какую мы замѣчаемъ во всѣхъ животныхъ, а другую свышевдохновенную, которую богословы называютъ силою души, и она-то помогаетъ мнѣ въ изображеніи пробужденнаго ею же времени.

Мы ожидали въ Чашниковѣ къ обѣду возвращенія барона Винцингероде и Нарышкина; замедленіе ихъ очень насъ безпокоило; смерклось, но ихъ еще нѣтъ. Я задремалъ одинъ въ свѣтелкѣ, гдѣ пріютился къ Нарышкину, какъ графъ Бенкендорфъ вбѣжалъ и отъ горести едва могъ разсказать о беззаконномъ захватѣ нашего душевно любимаго начальника, а вмѣстѣ съ нимъ и милаго товарища. Потомъ онъ приказалъ бригадѣ своей, состоявшей изъ эскадроновъ лейбъ-козаковъ и Изюмскихъ гусаръ, выступить къ Москвѣ; мы же сами поѣхали впередъ. Увидя издали прежнее сіяніе золотыхъ главъ Русской святыни, уцѣлѣвшей отъ пожара и взрыва, я перекрестился и воскликнулъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ Его!» И этимъ душевнымъ возгласомъ начато извѣстное вамъ обнародованіе отъ имени генерала Иловайскаго, который, какъ старшій, вступилъ въ начальство нашего отряда.

При въѣздѣ, на погорѣлищѣ царской столицы, мы увидѣли подлѣ Каретнаго ряда, первозажженнаго безкорыстною доблестію Русскихъ, старуху, выходившую изъ новыхъ развалинъ; она, взглянувъ на насъ, вскрикнула: «А!.... Русскіе!»... и въ изступленіи радости, перекрестясь, она поклонилась намъ въ землю. Это полоумное изъявленіе сильнаго радушія заставило насъ улыбнуться, хотя слезы сверкали на глазахъ нашихъ, увидя съ Тверскаго вала чрезъ пепелище, уставленное печными трубами и немногими остовами каменныхъ домовъ и церквей, даже Калужскіе ворота! Но по Тверской улицѣ уцѣлѣло нѣсколько палатъ, и мы нашли въ комнатахъ одного купца, котораго имени не помню, нашего внезапнаго начальника.

Графъ Бенкендорфъ и я тотчасъ принялись за дѣло. Онъ поѣхалъ къ Воспитательному Дому, гдѣ нужна была скорая помощь оставленнымъ въ немъ безъ пищи воспитанникамъ и Русскимъ раненымъ офицерамъ; а я въ Китай-городъ и Кремль, гдѣ еще продолжались пожары зажженныхъ непріятелемъ зданій. Изъ находящихся у васъ дѣловыхъ бумагъ вы знаете главныя обстоятельства занятія

Москвы и важнѣйшія слѣдствія варварскаго мщенія просвѣщеннаго повелителя почти всей чуждой намъ Европы. И такъ мнѣ остается только разсказать вамъ видѣнныя мною подробности.

Съ небольшимъ конвоемъ козаковъ и двумя вѣстовыми Изюмскаго полка, я подъѣхалъ къ Иверскимъ воротамъ и вошелъ въ нихъ мимо опустѣлой часовни, въ которой за два мѣсяца предъ тѣмъ я слышалъ слезныя молитвы о избавленіи Россіи отъ вражескаго вторженія. (Въ самыхъ воротахъ я почти споткнулся на тѣло, судя по мундиру, Испанца, убитаго, по словамъ полицейскаго чиновника, его драгунами, за что я не похвалилъ его невидимыхъ драгунъ). За воротами, зажженная отъ близкаго взрыва стѣны или непріятелемъ казенная палата еще горѣла [4]). Торопясь войти въ Кремль и найдя Спасскіе ворота заваленными изнутри замка, а Никольскіе загроможденными отъ взрыва ближней стѣны, я принужденъ былъ вкарабкаться съ помощію двухъ гусаръ, по грудамъ развалинъ, и закричалъ на козаковъ, остановленныхъ мыслію, что можетъ быть еще могутъ вспыхнуть взрывы, изъ которыхъ послѣдній они не очень давно слышали; но увидя меня сходящаго въ Кремль, они бросились и мигомъ очутились, уже прежде меня, предъ догоравшимъ дворцомъ и Грановитой Палатой. При сходѣ моемъ въ Кремль уже совсѣмъ смерклось, и древнее зданіе, гдѣ я праздновалъ при священномъ вѣнчаніи двухъ императоровъ нашихъ, какъ потухающая свѣча, еще ярко вспыхивало и, повременно освѣщая мрачную окрестность, показало мнѣ чудесное спасеніе храмовъ Божіихъ, вкругъ которыхъ и даже прикосновенное къ нимъ строеніе сгорѣло или догорало. Огромная пристройка къ Ивану Великому, оторванная взрывомъ, обрушилась подлѣ него и на его подножіи; а онъ, стоя также величественно (какъ только что воздвигнутый Борисомъ Годуновымъ въ голодное время) будто насмѣхался надъ безплодною яростію варварства XIX вѣка.

Занявшись распоряженіемъ къ прерванію, сколько можно было, пожара, я просилъ явившагося ко мнѣ, Богъ знаетъ откуда и какъ, инженернаго офицера [5]) осмотрѣть, нѣтъ ли еще гдѣ огнепроводовъ, не-

---

[4]) Вѣроятно то прекрасное, допетровское зданіе, которое допустили разрушить въ прошлое царствованіе и на мѣстѣ котораго высится нынѣ Историческій Музей. П. Б.

[5]) Надобно замѣтить, что во время нашей народной войны, все кипѣло усердіемъ, какъ будто само собою отыскивалось, двигалось, переносилось и поспѣвало гдѣ было нужно. Вездѣ царствовали какой-то самодѣльной порядокъ, повиновеніе и исправность. Въ 1812 году у насъ недоставало войска, чтобъ удержать вторженіе соединенныхъ силъ почти всей Европы; а въ 1813 году, приведя кадры набранной въ Ригѣ дивизіи въ запасную армію, я слышалъ отъ ея главнаго начальника, что ему некуда помѣщать из-

задавленныхъ взрывами; поставилъ часовыхъ къ главнымъ соборамъ, послалъ привести караулъ, и въ хлопотахъ не замѣтилъ тогда, что крестъ съ Ивана Великаго былъ снятъ, также какъ и деревянный Московскій гербъ съ крыши Сената, на трофеи взятія Москвы; но хвала Всевышнему, ни одна изъ добычъ Кремлевскихъ не перенеслась за предѣлы Россіи, а памятникъ ея чистой славы, воздвигнутый христолюбивымъ императоромъ, въ общій всѣмъ христіанскимъ церквамъ день Пасхи, въ Парижѣ, на лобномъ мѣстѣ богоотступленія и цареубійства, не изгладится вѣками изъ скрижалей бытія.

Возвратясь изъ Кремля въ квартиру генерала Иловайскаго, я уже нашелъ въ ней графа Бенкендорфа, успѣвшаго осмотрѣть весь кварталъ Воспитательнаго Дома, привести въ устройство госпиталь, найти пищу три дня голодавшимъ воспитанникамъ и не только нашимъ, но и непріятельскимъ раненнымъ, заставить тотчасъ убрать тѣла ихъ товарищей, валявшіяся по корридорамъ и лѣстницамъ [6]); отрядить своихъ офицеровъ съ явившимися уже въ мундирахъ Московскими полицейскими для осмотра и вспоможенія, въ другихъ больницахъ для запечатанія разныхъ зданій сохраненныхъ стоявшими въ нихъ и для учрежденія карауловъ на заставахъ, изъ полковъ расположенныхъ по бывшимъ нѣкогда городскимъ валамъ. Москва, освѣщенная тогда вокругъ бивачными огнями, представляла чудное, несообразное ни съ чѣмъ зрѣлище. Мертвую тишину ея прерывали охриплый крикъ часовыхъ, ржаніе лошадей и топотъ разъѣздовъ, никакъ не напоминавшихъ той столичной суеты и жизни, которыя еще недавно въ ней повсемѣстно слышались. Я, какъ начальникъ пѣшаго казачьяго полка, командуя точно пѣшими казаками, написалъ съ общаго совѣта, какъ членъ Русской Академіи, рапортъ къ Государю; а какъ восторженный милосердіемъ Божіимъ поэтъ и учредитель зрѣлищъ сдѣлалъ распоряженіе торжественнаго благодаренія Господу браней, долженствовавшаго произвести сильное дѣйствіе въ душахъ всѣхъ оставшихся, вступившихъ и уже собиравшихся въ Москву.

Изнуренные самымъ дѣятельнымъ днемъ, мы съ графомъ Бенкендорфомъ бросились въ заднемъ покоѣ на покрытое коврами сѣно, оставя старшаго генерала въ гостинной комнатѣ у освѣщеннаго до-

---

лишнихъ для военныхъ дѣйствій 150,000 чел. пѣхоты, кромѣ конницы и артилеріи, совершенно всѣмъ снабженныхъ и готовыхъ къ сраженію. И это сотворилось въ то самое время, когда непріятель проникъ въ сердце нашей имперіи и открылъ, едвали ей самой извѣстныя, силы и средства ея.

[6]) Мнѣ показывали въ комнатахъ, гдѣ лежали раненные Французы, трупы умершихъ, между ними приставленные къ печкамъ и нарумяненные кирпичемъ: вотъ до чего дошло циническое кощунство, порожденное богоотступной революціей!

гаромъ пожара и бивакамн окна. Надежда наша заснуть непробуднымъ сномъ была разрушена неожиданными вопросами начальника сторожевыхъ казаковъ. Отдѣленный отъ насъ только деревянной стѣною, ген. Иловайскій громко спросилъ сперва меня, какъ я думаю, не возвратятся-ли опять Французы въ Москву. Я ему отвѣчалъ отрицательно. Потомъ онъ повторилъ тотъ же вопросъ, только въ другихъ словахъ, моему засыпавшему сосѣду; тотъ отвѣчалъ почти также, какъ и я. Немного погодя возобновились подобные же распросы, по прежней очереди; но, видя, что односложные отвѣты наши не удовлетворяютъ вопросителя, мы наконецъ рѣшились не слышать и не отвѣчать и, закутавши головы, заснули до возвращенія разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ для осмотра и приведенія въ дѣйство нужныхъ распоряженій.

Тогда, вскоча полуодѣтые и накинувъ поскорѣе мундиры, мы пустились по вчерашнему каждый въ свою сторону. Подъѣхавъ къ Лобному мѣсту, я удивился, увидя на немъ казака, стоявшаго съ пикой подлѣ плачущей и довольно порядочно одѣтой, хотя и босой, дѣвушки (Французы обоего пола, нуждаясь въ обуви, разули всѣхъ оставшихся въ Москвѣ). Я спросилъ, что̀ это значитъ? и узналъ отъ плачущей дѣвушки, что она дочь Нѣмца-профессора, который, не говоря чисто по-русски, не смѣлъ выйти изъ Москвы, чтобъ его не приняли, какъ и случалось, за непріятельскаго шпіона [7]), и пришла просить хлѣба для больнаго отца у Русскихъ; какой-то начальникъ тотчасъ далъ ей папушникъ, но, услыша топотъ нашихъ лошадей, побѣжалъ въ Кремль и приказалъ своему казаку ея не пускать. Я догадался, что это должна быть любезность Татарина Ельмурзина, командовавшаго Кремлевскими караулами, велѣлъ отпустить дѣвушку, обѣщавъ прислать все нужное ея семейству, пошелъ въ очищенные Спасскіе ворота, но увидя на нихъ незамѣченный мною ввечеру образъ въ позолоченной ризѣ съ висящею передъ нимъ серебряною лампадой въ совершенной цѣлости, не вдругъ повѣрилъ глазамъ моимъ, и отъ какой-то безотчетной радости у меня сорвалось съ языка приказаніе, не знаю кому, чтобъ тотчасъ затеплили лампаду. По выходѣ моемъ изъ Кремля, я увидѣлъ, что сказанное мною наобумъ было кѣмъ-то въ точности исполнено, и лампада попрежнему теплилась; но я ужъ вамъ замѣтилъ, что въ это время сильнаго напряженія Русскаго толка, смѣтливости и досужества, все какъ будто само собою дѣлалось, а собравшимся послѣ меня на площади народомъ распущенъ слухъ, будто лампада Спас-

---

[7]) Этотъ же страхъ удержалъ въ Москвѣ многихъ Нѣмецкихъ ремесленниковъ; они принуждены были работать на непріятелей изъ хлѣба и добродушно дѣлились имъ съ немощными Русскими, скрывавшимися въ ихъ жилищахъ.

скихъ воротъ не угасла во все пребываніе непріятеля въ Москвѣ, и что онъ пораженный этимъ чудомъ не смѣлъ дотронуться до иконы. Хотя мнѣ и очень извѣстно, что лампада угасла; а все-таки не знаю, какимъ образомъ икона и прочіе найденные мною въ Кремлѣ священные предметы нашего вѣрованія уцѣлѣли отъ самаго безбожнаго грабительства. Не постигая этой чудесности, но убѣжденный невидимо во всемъ и вездѣ ощущаемымъ мною Вышнимъ Промысломъ, я принужденъ сказать, какъ мудрецъ Сократъ: *знаю, что ничего не знаю*, и, чувствуя свыше положенный предѣлъ умственному, такъ же какъ и вещественному зрѣнію, не ищу проникать за него, чтобы вовсе не ослѣпнуть и не дать себя видѣть слѣпцамъ, о которыхъ говорилъ Божественный Просвѣтитель всего человѣка. Благоговѣйное сознаніе въ невѣжествѣ моемъ предъ Спасскими воротами еще сильнѣе повторилось, когда я нашелъ на Никольскихъ уцѣлѣвшій образъ подъ стекломъ и висящую предъ нимъ на тонкой цѣпочкѣ лампадку, хотя большое пространство стѣны и самыхъ воротъ, почти вплоть до образа, было взорвано. Но возвратимся въ Кремль. Въ немъ первый встрѣтилъ меня любезникъ Ельмурзинъ, и на вопросъ, зачѣмъ онъ отдалъ подъ караулъ профессорскую дочь? онъ отвѣчалъ: «я изъ жалости хотѣлъ напоить ее сбитнемъ!» Посовѣтовавъ ему не быть впредъ такъ жалостливу, я поручилъ вошедшимъ за мною монаху и священнику, не помню какого полка, осмотрѣвъ главные соборы, привести сколько можно въ порядокъ, что въ нихъ еще сохранилось священнаго и, запретя часовымъ впускать народъ въ церкви, пошелъ осмотрѣть слѣдствія взрыва и пожара, который, какъ вамъ извѣстно, истребя все жилище людей, не прикоснулся храмовъ Божіихъ, хотя старая церковь Спаса на Бору была заметана опламененными выбросками горѣвшаго надъ ней зданія, а внѣшнія двери Благовѣщенскаго собора зауглились. Словомъ, все посвященное Богу не истребилось ничѣмъ, кромѣ прямаго святотатства рукъ человѣческихъ; но и онѣ, кажется, отшиблись нетлѣнными мощами св. митрополита Іоны. По входѣ моемъ въ Успенскій соборъ, я нашелъ въ немъ посланнаго моего монаха (патріаршаго ризничаго). Онъ покрывалъ пеленою тѣло святителя и, указавъ на его обитую серебромъ раку, съ которой только было взодрано четверть аршина верхней личинки, на большой подсвѣчникъ и саблю, лежавшія на землѣ, сказалъ: «Вы видите, что все это цѣло, когда въ соборѣ не осталось не только лоскутка серебра, но и латуни; я нашелъ святыя мощи выброшенными на помостъ, они также невредимы какъ въ день успенія чудотворца, кромѣ вражескаго разруба святительской выи, кажется, этой саблей. Безъ сомнѣнія чудотворецъ поразилъ ужасомъ безбожниковъ, и они не дерзнули ни къ

чему прикоснуться». Я точно видѣлъ все мнѣ сказанное: открытое лицо и руки святаго были совершенно цѣлы, и я съ благоговѣніемъ къ нимъ приложился. Въ продолженіи войны, разспрашивая многихъ плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ Наполеоновой гвардіи, я не могъ однакожъ ничего узнать о причинѣ сего единственнаго во всѣхъ соборахъ уцѣлѣнія: все прочее было ограблено и разрушено. Рака св. митрополита Филиппа не существовала, и мы, собравъ обнаженные отъ одежды и самаго тѣла останки его, положили на голый престолъ предѣла. Гробница надъ бывшими еще подъ спудомъ мощами митр. Петра была совершенно ободрана, крыша сорвана, могила раскопана. Я не имѣлъ ни досуга, ни дерзновенія спуститься внизъ, но послѣ узналъ, что съ того времени мощи открылись, согласно предсказаніямъ, слышаннымъ задолго до нашествія Наполеона, отъ митрополита Платона, *что мощи святителя Петра должны открыться только тогда, когда враги возмутъ Москву.* Въ Успенскомъ соборѣ отъ самаго купола, кромѣ принадлежащаго къ ракѣ св. Іоны, не осталось ни лоскута металла, ни ткани. Досчатыя надгробія могилъ Московскихъ архипастырей были обнажены; но одно только изъ нихъ изрублено, и именно патріарха Гермогена, и это заставляетъ меня думать, что въ Успенскомъ храмѣ помѣщались Наполеоновы гвардейскіе уланы и что тоже буйство, которое подняло руку убійцъ на служителя Божія, благословлявшаго возстаніе Русской земли на ея губителей, чрезъ двѣсти лѣтъ, посрамилось храброваніемъ надъ утлыми досками, прикрывающими его могилу. Сіе видимое сближеніе 1612 съ 1812 же годомъ проблеснуло въ памяти моей всегдашную судьбу нашего отечества. Небесный Царь, укоренившій въ немъ православную церковь и во всѣ времена ущедрявшій его мудрыми единовластителями [8]), неоднократно наказуя, явно миловалъ вѣрный ему народъ. Не Всевышній-ли Промыслъ, наложа Татарское иго на раздробленную Русскую землю, соединилъ ее въ цѣлое государство? Не Онъ-ли, попустя коварный захватъ Москвы и измѣну призванныхъ на помощь противъ насъ же самихъ сосѣдей нашихъ, примирилъ внутреннія вражды? Не Его-ли благимъ наитіемъ съединодушилось избраніе царя Михаила Θеодоровича, и все государство его слилось въ краеугольный камень,

---

[8]) По хронологическому сравненію прочихъ Европейскихъ государей съ нашими самодержцами, вы увидите чрезвычайное преимущество нашихъ. Во Франціи съ Карла Великаго до Наполеона начтется пять мудрыхъ государей, въ томъ числѣ и поруганный нынче всѣми писателями Людовикъ XI-й. А у насъ съ Рюрика до нашего времени не сыщется больше пяти такихъ, которыхъ владычество всею Россіею можно почесть, по ихъ неспособности, несчастнымъ временемъ. Исторія Германіи, Англіи, Италіи, Испаніи и прочія гораздо скуднѣе нашей благотворительными вѣнценосцами.

о который разбились и военная доблесть Карла XII-го, и великость властолюбія Наполеона, отвергшаго и опытъ Шведскаго героя, и благоразумную политику Татаръ, оказывавшихъ уваженіе къ нашей святынѣ. Каждый шагъ Наполеоновыхъ Европейцевъ въ Россіи былъ ознаменованъ грабительствомъ и святотатствомъ; однако должно сказать, что въ Кремлѣ, кромѣ сплошнаго ободранія церквей, я могу только представить одно явно умышленное богохульство: въ алтарь Казанскаго собора втащена была мертвая лошадь и положена на мѣсто выброшеннаго престола. Правда, что въ Архангельскомъ соборѣ грязнилось вытекшее изъ разбитыхъ бочекъ вино [9]), была набросана рухлядь, выкинутая изъ дворцовъ и Оружейной Палаты, между прочимъ двѣ обнаженныя чучелы, представлявшія старинныхъ латниковъ, а большая часть прочихъ соборовъ, монастырей и церквей были превращены въ гвардейскія казармы, ибо кромѣ гвардіи никто не былъ впускаемъ при Наполеонѣ въ Кремль. Въ Чудовѣ монастырѣ не оставалось раки св. Алексія: она была вынесена и спрятана Русскимъ благочестіемъ, также какъ и мощи св. царевича Димитрія, и я нашелъ въ гробницѣ его только одну хлопчатую бумагу.

По очищеніи церквей Божіихъ отъ хлама, я запечаталъ ихъ моей печатью, до возвращенія духовенства и, вышедъ изъ Кремля, былъ удивленъ уже не небеснымъ, а земнымъ промысломъ: наваленныхъ въ Кремлевскомъ рву и валявшихся по улицамъ человѣчесвихъ тѣлъ и конской падали не стало. Подмосковные крестьяне, конечно самые досужіе и смѣтливые, но за то самые развратные и корыстолюбивые во всей Россіи, увѣрясь въ выходѣ непріятеля изъ Москвы и полагаясь на суматоху нашего вступленія, пріѣхали на возахъ, чтобы захватить недограбленное. Но графъ Бенкендорфъ разчелъ иначе: онъ приказалъ взвалить на ихъ возы тѣла и падаль и вывезти за городъ, на удобныя для похоронъ или истребленія мѣста, чѣмъ избавилъ Москву отъ заразы, жителей ея отъ крестьянскаго грабежа, а крестьянъ отъ грѣха. Но естьли подмосковная промышленность встрѣтила неудачу въ дурномъ намѣреніи, то она успѣла въ добромъ. Я нашелъ на площади противъ дома главнокомандующаго цѣлую ярмарку. Она была уставлена телѣгами съ мукой, овсомъ, сѣномъ, печеными хлѣбами,

---

[9]) Въ Архангельскомъ соборѣ и именно въ алтарѣ его, г-жа Оберъ-Шальме, бывшая долгое время поставщица Французскихъ модъ для Московскаго барства, спабжавшая нашихъ щеголей и щеголихъ всякими заморскими товарами изъ огромнаго магазина своего (нынѣ домъ Обидина, въ Глинищепскомъ переулкѣ, между Тверской и Большой Дмитровкой), въ правленіе старика графа Гудовича игравшая большую роль въ Москвѣ и сдѣлавшаяся по вступленіи Наполеона въ Москву приближеннымъ къ пему лицомъ, придумала устроить кухню для великаго императора! П. Б.

папушниками, сайками, калачами, самоварами съ сбитнемъ, даже разной обувью, и ясно показывала, что около Москвы не было пропитанія только непріятелямъ. И къ народной чести надобно замѣтить, что цѣна на съѣстные припасы ни мало не возвысилась противъ прежней; а изобиліе безпрерывно умножалось по мѣрѣ наполненія опустѣлой Москвы. Объѣзжая правую сторону обширнаго пепелища, я заѣхалъ въ уцѣлѣвшій домъ Познякова [10]), гдѣ жилъ вице-король Италіи и давались оставшимися въ Москвѣ Французскими актерами спектакли. При въѣздѣ моемъ на большой дворъ, обоняніе мое было поражено ужаснымъ запахомъ, а глаза отвратительнымъ видомъ нѣсколькихъ уже давно издохшихъ лошадей и всякой мерзостной нечистоты. Во внутренности дома не только все уцѣлѣло, но еще было нанесено множество фортепьянъ и не принадлежащихъ къ нему зеркалъ и мебелей, а за сценою домашняго театра брошены остатки священническихъ ризъ, изъ которыхъ выкроены кафтаны и костюмы для комедій, разгонявшихъ тоску жертвъ Наполеонова властолюбія.

Проѣздя почти до вечера по городской пустынѣ, я пріѣхалъ къ Иловайскому, гдѣ уже шумѣло многолюдное собраніе вступившихъ, пріѣхавшихъ и отыскавшихся въ Москвѣ. Первый поздоровался со мною Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, бывшій тогда адъютантомъ всегда близкаго къ непріятелю графа Милорадовича. Онъ, посланный имъ пробраться къ Москвѣ, чтобъ узнать въ ней о дѣйствіяхъ непріятеля, прямо въѣхалъ къ друзьямъ и обрадовалъ насъ извѣстіями о торжествующей уже арміи. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ бывшій потомъ камергеромъ и губернаторомъ Кривцовъ, разсказывали намъ, что могли знать о Наполеонѣ, т.-е, что онъ остановился сперва въ домѣ главнокомандующаго, перебрался отъ пожара въ Петровской дворецъ, и потомъ плотно загородился съ своей старой гвардіей въ Кремлѣ отъ шумнаго ропота голодающихъ Французовъ. Онъ имъ издалека еще показывалъ Москву, какъ вѣнецъ ихъ трудовъ, обѣщалъ въ ней довольствіе, обогащеніе и самый прибыльный миръ, котораго они давно требовали и который онъ, въ тогдашнее время, столько же долженъ былъ полюбить, сколько нашъ Императоръ и Русскіе возненавидѣть. Я помню, что баронъ Винцингероде показывалъ мнѣ письмо, гдѣ онъ называлъ миръ съ Наполеономъ политическимъ рабствомъ и внутренней враждой. Разсказъ старика Тутолмина, оставшагося начальникомъ Воспитательнаго Дома съ малолѣтной частью его питомцевъ, ограничивался представленіемъ его къ

---

[10]) На Большой Никитской, па углу Леонтьевскаго переулка, нынѣ Ю. А. Воейковой. П. Б.

Наполеону, стоявшему предъ каминомъ, и переводнымъ съ нимъ разговоромъ, который заключался въ вопросахъ. «Кто остался въ Воспитательномъ Домѣ?»—Малолѣтныя.—«Нѣтъ ли въ немъ помѣщенія для лазарета?»—Найдется довольно.—И еще нѣсколько словъ, удовлетворившихъ старика Тутолмина [11]). Онъ хотя разсказывалъ одно и тоже особо всякому, кто входилъ въ комнату, однако не могу точно всего припомнить; но увѣренъ, что изъ 1,001 старикова разсказа нѣсколько до васъ дошло. Движущійся остовъ престарѣлаго генералъ-поручика Сипягина, схваченнаго Французами при запоздаломъ выѣздѣ его изъ Москвы, по обыкновенію ихъ, разутаго и принужденнаго нѣсколько времени въ телѣжкѣ возить землю для укрѣпленія Кремля, разжалобилъ всѣхъ собесѣдниковъ. Но отставной шталмейстеръ Загряжской никого не умилилъ: хотя онъ и не былъ, какъ разнесся слухъ, въ Наполеоновой службѣ, но по прежней будто пріязни съ Коленкуромъ, въ добромъ здоровьи оставался подъ его покровительствомъ въ чужой Москвѣ, для сохраненія своего имущества, а можетъ быть и для благопріобрѣтенія къ нему, въ случаѣ мира, имъ однимъ изъ Русскихъ желаемаго.

Я забылъ сообщить вамъ нѣчто достойное наблюденія. При нашемъ въѣздѣ въ Москву, къ намъ явился книгопродавецъ Рисъ и разсказывалъ, что, принужденный остаться при своей лавкѣ и вдругъ услыша издали трубы и барабаны, вышелъ на улицу; его схватили, представили Наполеону, помнится у Дорогомиловскаго моста, и вотъ ихъ разговоръ: «Кто ты?»—Французскій книгопродавецъ. «А!... стало мой подданный».—Да, но давнишній житель Москвы.—«Гдѣ Растопчинъ?... Выѣхалъ.—«Гдѣ Московское городское правительство? (Magistrat)—Также выѣхало. «Кто же остался въ Москвѣ?» Никого изъ Русскихъ.—«Быть не можетъ!» Рисъ, кажется, поклялся въ истинѣ своихъ показаній. Тогда Наполеонъ нахмурилъ брови и, простоявъ довольно долго въ глубокой думѣ, наконецъ, какъ бы рѣшась на очень опасное дѣло, вскрикнулъ: маршъ! впередъ! Но этотъ маршъ, какъ я потомъ слышалъ отъ плѣннаго племянника и адъютанта маршала Бертье, походилъ не на торжественное вшествіе побѣдителей, а на погребальный ходъ за покойникомъ.

Послѣ обѣда мы перебрались, съ корпусной канцеляріею, ввѣренною моему надзору, въ домъ князя Бѣлосельскаго [12]), гдѣ жилъ мар-

---

[11]) Старикъ Тутолминъ, кажется, представлялъ себѣ Наполеона такимъ же страшилищемъ какъ Французы побѣдоноснаго Суворова. Такъ его улыбка и довольно ласковый видъ произвели надъ нимъ тоже дѣйствіе, какъ роза посланная Суворовымъ съ выпущеннымъ изъ плѣна генераломъ Викторомъ молодой женѣ его произвела надъ Парижанами.

[12]) Нынѣ Малькіеля, на углу Тверской и Козицкаго переулка. П. Б.

шалъ Бессьеръ и въ которомъ величественная зала и библіотека, вѣроятно, маршальскою свитою превратились въ безымянное между порядочными людьми мѣсто. Намъ очистили на другомъ концѣ дома княгинины комнаты; тамъ, сидя у камина и разговорясь, о чемъ тогда только и говорилось, пустились мы въ предузнаніе слѣдствій оканчиваемой Наполеономъ, а начинаемой нами войны. Надобно вамъ знать, что Дорогобужской дворянинъ Богдановичъ, служившій капитаномъ въ Смоленскихъ командахъ, нѣкогда охотою составленныхъ противъ Пугачева, вышедшій съ той поры въ отставку и сохранившій тогдашній мундиръ свой, т.-е. синюю куртку съ алой выпушкой, при вступленіи непріятеля въ Великороссійскія границы, сѣлъ на коня съ своими двумя слугами, присталъ къ отряду барона Винцингероде, прилѣпился къ графу Бенкендорфу и, перейдя съ нами на новоселье, сидѣлъ въ круговинкѣ у камина. Онъ долго ничего не выпускалъ изъ своего рта, кромѣ табачнаго дыма; наконецъ, оторвавъ отъ него огромную трубку и ударивъ по саблѣ, гордо сказалъ: «Я эту дуру сниму только въ Парижѣ!» Мы улыбнулись такому неожиданному пророчеству; однакожъ пророкъ точно снялъ свою непраздную дуру въ Парижѣ. Я думаю, что онъ оттого вѣрнѣе насъ предузналъ волю Небеснаго Промысла, что мы судили по земнымъ разчетамъ и по понятіямъ иноземныхъ воспитателей нашихъ, а онъ просто по Русской вѣрѣ, уповая на святость нашей православной церкви, на всемогущество Русскаго царя и твердую грудь Русскаго народа.

Вы конечно не подумаете, чтобы я, пожертвовавъ всѣми выгодами представлявшимися мнѣ, въ жизни моей, любви къ отечественному просвѣщенію и страсти къ свободнымъ художествамъ, захотѣлъ быть проповѣдникомъ невѣжества; нѣтъ, я очень знаю, что не телѣсная, а умственная сила человѣка, покоряетъ ему не только свирѣпыхъ животныхъ, но разнородныя произведенія природы и самыя стихіи. Я твердо увѣренъ, что одно только просвѣщеніе укрѣпляетъ государства и возводитъ людей къ высокой цѣли ихъ земнаго бытія; но я хочу прочнаго просвѣщенія сообразнаго народному самобыту, образованія не искажающаго его природныхъ красотъ и знаній не сбивающихъ насъ съ Русскаго толка; требую отъ наставниковъ нашего юношества наукъ полезныхъ общему дѣлу, а не траты свѣжей памяти его на повтореніе пустословныхъ умствованій, ни къ чему, ни намъ и никому не служащихъ; добиваюсь отъ писателей нашихъ творенія вдохновеннаго собственно ихъ Русскимъ геніемъ, или сочиненій извлеченныхъ изъ кореннаго свойства ихъ родины, но не буквальнаго перевода, часто непонятаго ими чужемыслія, вредящаго нашимъ искони благочестивымъ нравамъ и искажающаго на чужой ладъ нашъ

пока еще, богатый, сильный, благоразумный языкъ. Молю Бога, чтобъ здравопросвѣщенная Россія, ни въ словесности, ни въ какихъ изящныхъ искусствахъ, знаніяхъ, полезныхъ ремеслахъ, промышленности и досужествѣ, не уступала никому въ мірѣ и оставалась все-таки Россіею, которая отдѣльнымъ самобытомъ, огромностію своихъ силъ и пространствомъ земли уже не только Европейское государство, но значительная часть всего свѣта. Итакъ она, чтобы сплотить себя въ одно цѣлое тѣло, обязана соединять съ своимъ самобытствомъ всѣ ея разнообразныя пріобрѣтенія, укоренить прочное и свое образованіе, внушающее единомысліе и единодушіе. Сверхъ того Россія должна быть единственною и прямою просвѣтительницею полудикихъ ордъ обладаемыхъ ею, до чего никогда не достигнетъ, довольствуясь только подражаніемъ и переимчивостію: ей необходимо нужно основать и укоренить на своей вѣрѣ, на своихъ законахъ, на своей народности и на своемъ языкѣ, политическое и нравственное достояніе свое; о чемъ, слава Богу, нынѣ видимо печется правительство наше, сосредоточенное въ священной власти сильнаго волею и народолюбиваго Государя. Вотъ опять отступленіе отъ разсказа моего; но воспоминаніе о томъ, что я готовился вамъ сообщить, увлекло меня.

Къ третьему дню нашего пребыванія въ Москвѣ уже все было пріискано, принаровлено и готово для благодарственнаго молебствія. Одна только большая церковь въ Страстномъ монастырѣ нашлась удобною къ совершенію Божественной литургіи. Французы, изъ всегдашняго уваженія къ прекрасному полу, исполнили просьбу оставшихся въ монастырѣ, хотя только престарѣлыхъ, монахинь и учтиво не осквернили въ немъ храма Божія. Нѣсколько священниковъ отыскались; но серебряные сосуды были вывезены; и кто-то, сохранившій древній стеклянный, явился съ нимъ къ досужему земляку моему, подполковнику Кедрину, которому я поручилъ хлопотать о исполненіи придуманнаго мною сильнаго дѣйствія, нѣсколько въ сценическомъ родѣ. Этотъ радушный человѣкъ былъ, если его уже нѣтъ на свѣтѣ, изъ числа тѣхъ проворныхъ людей, которыхъ, какъ говаривалъ графъ П. А. Паленъ, не встрѣтишь нигдѣ кромѣ Россіи. Вся жизнь ихъ безпрестанная скачка верхомъ или въ тележкѣ; единственное желаніе ихъ все отыскать, всѣмъ услужить и вездѣ поспѣть. Я только намекнулъ досужему земляку моему, какъ оживить для торжественнаго молебствія замерлую Москву, и все было сдѣлано. На всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольняхъ явились звонари, церковники, мѣщане, посадскіе мальчики, и ожидали условленной повѣсти. Прежде 9 часовъ ударилъ большой колоколъ Страстнаго монастыря, и вдругъ широко раздался благовѣстъ по всей погорѣлой обширности Москвы. Вѣрно тогда не было никого,

чье бы сердце не воздрогнуло, на чьихъ глазахъ не навернулись слезы, и кто бы перекрестился не только по одной привычкѣ. Москва будто ожила, когда повсемѣстно загудѣли милые ей колокола, которыми она искони тѣшилась и славилась [13]). Передъ входомъ нашимъ въ монастырь, дворъ его, переходы, паперть и церковь были уже наполнены богомольцами, и вся тогдашняя столица Всероссійскихъ царей втѣснилась въ одно не очень обширное зданіе. Сильный трезвонъ, заколебавшій Московское поднебесье, усилилъ ожиданное мною дѣйствіе; всѣ какъ будто встрепенулись, и конечно съ побѣды Пожарскаго и всенароднаго избранія царя Михаила Ѳеодоровича не было ни одной обѣдни пѣтой въ Москвѣ съ такимъ умиленіемъ и слушанной съ такимъ благочестіемъ; но когда, по ея окончаніи, священный клиръ возгласилъ передъ царскими дверями: «Царю Небесный, Утѣшителю!» всѣ наполнявшіе монастырское зданіе, начальники, воины, дворяне, купцы, народъ, Русскіе и иностранцы, православные и разновѣрные, даже Башкирцы и Калмыки, пали на колѣни, и хоръ рыданій смѣшался съ священнымъ пѣніемъ, всемѣстнымъ трезвономъ колоколовъ и, помнится, пальбою, какихъ-то пушекъ. Богъ привелъ меня, ровно за 12 лѣтъ предъ тѣмъ, быть свидѣтелемъ въ Ахенѣ очень умилительнаго дѣйствія первой обѣдни, пѣтой послѣ Французской революціи, въ древнемъ соборѣ, гдѣ короновался Карлъ Великій. Я, хотя иностранецъ и другаго исповѣданія, не могъ безъ слезъ видѣть усерднаго моленія старыхъ католиковъ и женщинъ, сохранившихъ въ сердцахъ своихъ Господа Бога и вѣру, во время безпримѣрнаго богоотступленія, превратившаго Божіи храмы въ магазины и воспрещавшаго исполнять христіанскій долгъ. Но я тогда соучаствовалъ, какъ человѣкъ и христіанинъ, въ чужой радости; а въ Москвѣ, очищенной отъ непріятелей, духъ мой былъ выше всего, что̀ можетъ постигнуть и чувствовать еще тѣлесный человѣкъ. Мнѣ случалось иногда въ піитическомъ изступленіи отторгаться отъ земли, не видать, не слыхать, не понимать что̀ вокругъ меня происходило, и даже въ дни грусти и оскорбленія наслаждаться минутами невещественной жизни поэта. Но тогда, въ уединенномъ покоѣ, одинокая душа моя отдѣлялась отъ людства, восторгъ мой отчуждалъ меня отъ моихъ ближнихъ; а тутъ, въ свѣтломъ велелѣпіи Русскаго святилища, душа моя, сліянная въ отечественный ликъ, торжественно возносилась къ Источнику общаго спасенія, общей радости; она какъ бы осязала соприсущное ей Божество Спасителя, Чьимъ

---

[13]) Огромный колоколъ Вестминстерскаго собора вылитъ въ Москвѣ, что̀ доказываетъ его Русская надпись.

милосердіемъ къ нашей родинѣ, исторгая изъ плѣна первопрестольный градъ моихъ государей, уцѣлѣла въ пламени наша святыня и возсіяла изъ пепла Русская слава. Я только въ эту минуту почувствовалъ всю силу благодарности къ произведшему меня на свѣтъ человѣкомъ, христіаниномъ и Русскимъ. Въ сей истинно-Божій часъ, не только умиленныя просвѣщеніемъ, но и закаленныя въ непріятельской крови или очерствленныя старовѣрствомъ сердца вспыхнули священнымъ огнемъ богодохновенія, также пламенно, какъ сердце стихотворца, которому однакожъ 40-лѣтняя привычка говорить, и не совсѣмъ безъ успѣха, языкомъ страстей не помогаетъ вполнѣ изъяснить то, что въ немъ тогда происходило, хотя чрезъ 24 года тогдашнія ощущенія еще сильно отзываются въ его душевной памяти.

Усиліе оживотворить торжественный день нашего спасенія такъ взволновало и животную, и духовную память мою, что я пропустилъ разсказанное намъ на другой день вступленія графомъ Бенкендорфомъ. Онъ рано поутру поѣхалъ въ Спасскія казармы, служившія больницею Русскихъ и Французовъ, изъ которыхъ по его распоряженію уже начали вывозить больныхъ въ полусожженный Петровскій дворецъ. При входѣ въ казармы, онъ былъ пораженъ убійственнымъ зловоніемъ и нашелъ между страждущихъ и умирающихъ полусогнившіе трупы, коихъ съѣденныя смертностію мышцы уже не скрѣпляли распадающихъ членовъ, и они, при усиліи подымавшихъ тѣла, отъ нихъ отрывались. Ужасъ и омерзѣніе, произведенные этимъ, болѣе чѣмъ варварскимъ презрѣніемъ къ человѣку, преслѣдовали цѣлый день добродушнаго сострадальца полумертвецамъ, просящимъ жизни почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, и онъ только тогда отдохнулъ, когда послѣ полудни удостовѣрился, что всѣ больные были перенесены и перевезены по его назначенію, и имъ подавали возможную тогда помощь, подъ бдительнымъ надзоромъ полковника Орловскаго и подполковника Оленина.

На другой день запахъ Французскаго пребыванія въ залѣ и библіотекѣ, проходя въ наши комнаты, выгналъ насъ изъ палатъ князя Бѣлосельскаго въ домъ моихъ родственниковъ, который напоминалъ намъ вечера, въ немъ радостно проведенные, во время коронаціи покойнаго императора. У меня также вышло изъ головы, въ этой или прежней квартирѣ остановился у насъ прежній нашъ сослуживецъ генералъ-адъютантъ графъ Сенъ-При, присланный фельдмаршаломъ для начальства нашимъ отрядомъ; однакоже не истратилась изъ сердца тогдашняя утѣха моего самолюбія. Графъ сказывалъ, и при всѣхъ, что фельдмаршалъ, прочтя присланное къ нему обнародованіе отъ имени генерала Иловайскаго и зная уже, что я вошелъ въ Тверское ополченіе, сказалъ: «А! Шаховской въ Москвѣ», и этотъ лестный

отзывъ, безсмертнаго мудростію полководца очень обрадовалъ мое авторство. Къ слову объ авторствѣ, я не могу утерпѣть, чтобы не сообщить вамъ, какъ меня вскорѣ послѣ того поддѣло авторство, только не мое. Фельдъегерь, присланный отъ военнаго министра, подалъ мнѣ толстый пакетъ. Судя по письму А. С. Шишкова и по Высочайшему благоволенію къ нашимъ дѣйствіямъ, я ожидалъ найти въ немъ звѣздное или, по крайней мѣрѣ, крестное одобреніе моей, отдѣльной отъ ополченія, службы; но, развернувъ пакетъ не безъ сердечнаго трепета, я увидѣлъ въ немъ... что̀ вы думаете?... кипу печатныхъ стиховъ графа Хвостова, который былъ, къ моему несчастію, зятемъ министра и нашимъ сочленомъ въ Русской Академіи, а потому прислалъ мнѣ 120 экземпляровъ радостной оды своей на освобожденіе Москвы. Вы можете себѣ представить, какъ обрадовала меня эта радостная ода, и только то утѣшило, что никого не было въ комнатѣ; стало-быть, никто не видалъ забавнаго для другихъ измѣненія лица моего.

Прибытіе изъ Твери по Высочайшему повелѣнію нынѣшняго графа Голенищева-Кутузова [14]) для принятія въ команду отряда перемѣнило еще начальника, и я по вступленіи его остался въ Москвѣ, гдѣ долженъ былъ дождаться графа Растопчина, чтобъ изустно объяснить ему все найденное и сдѣланное съ выступленія непріятеля.

Явившійся оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ съ своими подчиненными снялъ печати и часовыхъ, охранявшихъ строенія, въ которыхъ были склады разныхъ уцѣлѣвшихъ вещей и запасовъ. Я не помню, чѣмъ Французы наполнили палаты графа Растопчина, князя Куракина и нѣкоторыя другія, но не забылъ, что оберъ-церемоніймейстера Валуева были превращены въ свѣчной магазинъ, а магазинъ Шальме [15]) пополнился многими сносами съ Кузнецкаго моста. По снятіи печати и осмотрѣ этого дома, въ которомъ жилъ Лейтъ (родившійся въ Архангельскѣ, путешествовавшій съ Лаперузомъ, бывшій Французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и Наполеоновымъ префектомъ въ Москвѣ), оберъ-полицеймейстеръ нашелъ въ комнатахъ г-жи Шальме все въ большомъ безпорядкѣ: накрытый столъ и на немъ полуразрѣзанный кусокъ говядины, съ воткнутою въ него вилкою. Эти явные признаки торопливаго выѣзда жильцовъ, въ томъ числѣ и начальника

---

[14]) Идя съ нами къ обѣдни въ Страстной монастырь, онъ замѣтилъ на углу ограды, изъ приваленнаго къ ней дрязга, высунувшуюся ногу человѣческую, и открылось, что тутъ были заметаны чѣмъ попало тѣла шести Московскихъ мѣщанъ, схваченныхъ, обвиненныхъ въ зажигательствѣ и повѣшенныхъ на фонаряхъ подлѣ Тверскихъ воротъ.

[15]) См. выше примѣч. 9-е. П. Б.

города, доказываютъ, что Наполеона вовсе неожиданно выпугнуло изъ Москвы Тарутинское дѣло, и что надежда на позорный для Россіи миръ длилася въ немъ хитростію старой лисицы, какъ, говорятъ, онъ называлъ нашего мудраго полководца.—Въ тотъ же день объѣзжая Москву съ г-мъ Ивашкинымъ, мы взобрались кое-какъ въ развалины сгорѣвшей залы Благороднаго Собранія. Вздыхая о прошедшемъ ея великолѣпіи и не воображая еще нынѣшняго, я почувствовалъ, что нога моя уткнулась въ нѣчто твердое, высунувшееся концомъ изъ груды щебня и, наклонясь, увидѣлъ палецъ мѣдной руки. Тотчасъ полицейскіе, привыкшіе вырывать всякія поклажи, открыли бронзовую статую Екатерины II-й. Вы можете себѣ представить, какъ я восхитился, видя, что этотъ памятникъ благодарности Русскаго дворянства, за дополненіе благодѣянія Петра III-го, не достался Наполеону. Богъ его не допустилъ никакой явной добычей ознаменовать въ Парижѣ плѣненіе Москвы, опалившей своимъ собственнымъ пожаромъ крылья его фортуны, которыхъ уже не могъ отростить и уцѣлѣвшій геній его.—Поѣхавъ отъ собранія по тогдашней топи, а нынѣшней прекрасной площади, мы между обломковъ, завалившихъ дворъ Университета, увидѣли бѣлый будто мраморный бюстъ; но прикосновеніе къ нему открыло, что это верхняя часть человѣческаго тѣла, вѣроятно выброшенная въ извѣстной смѣси Кремлевскимъ взрывомъ.

Меня обрадовалъ пріѣздъ Московскаго гражданскаго губернатора Николая Васильевича Обрѣзкова, очень умнаго и любезнаго человѣка, который, по хорошему знакомству нашему, захотѣлъ остановиться въ одномъ домѣ со мною. Я отъ него узналъ многія обстоятельства и происшествія, предварившія входъ непріятеля; между прочемъ о горючемъ шарѣ, который долго и тайно приготовляли въ подмосковной князя Репнина. Нѣсколько оставшихся отъ него, начиненныхъ горючимъ веществомъ бумажныхъ трубокъ были выставлены уликою въ зажигательствѣ Москвы несчастныхъ, схваченныхъ и повѣшенныхъ по военному Наполеонову суду, давно извѣстному на Руси подъ именемъ Шемякина. Намъ принесли сторублевыя ассигнаціи Французской работы, которыя отъ настоящихъ мы могли только отличить по выгравированной подписи. Я слышалъ, что фабрика или заводъ этого безздѣльства находился въ Кёнигштейнѣ, куда до самаго освобожденія Саксоніи отъ Наполеоновскаго ига никого не впускали; но я увѣренъ совершенно только въ томъ, что повелитель почти всего западнаго материка Европы промышлялъ фальшивыми ассигнаціями [16]).

---

[16]) Самъ Тьеръ не отрицаетъ, что Наполеонъ прибѣгалъ къ этой мѣрѣ. Онъ не оправдываетъ ея, но старается облегчить вину своего героя тѣмъ, что вѣдь Англичане

Наконецъ, графъ Растопчинъ въѣхалъ въ колясочныхъ дрожкахъ на пепелище оставленной имъ, хотя и опустѣлой, но еще прекрасной Москвы. Я встрѣтилъ его у церкви Василія Блаженнаго, какъ прежній его знакомецъ, стихами Крюковскаго:

И пеплъ родимыхъ стѣнъ потомству возвѣститъ,
Что славу Россъ свою всѣхъ выше благъ цѣнитъ.

Онъ, кажется, отнеся эти стихи, и ненапрасно, къ себѣ, обнялъ меня, какъ обнимаются единокровные на прародительскомъ кладбищѣ. Мы обходили сперва Кремль, гдѣ онъ приказалъ оставить мои печати до возвращенія преосвященнаго Августина, потомъ объѣхали часть города, и уже вечеромъ мы вошли въ уцѣлѣвшій домъ его и пробесѣдовали втроемъ съ Н. В. Обрѣзковымъ всю ночь. Я донесъ главнокомандующему въ Москвѣ обо всемъ, что онъ желалъ знать; но какъ тогдашнее сочувствіе всѣхъ Русскихъ сближало и дальнѣйшія чиновныя разстоянія, то разговоръ нашъ сдѣлался почти пріятельскимъ. Графъ Растопчинъ съ самодовольствіемъ говорилъ и о томъ истинно славномъ дѣлѣ (отъ котораго чрезъ нѣсколько лѣтъ печатно отрекся въ Парижѣ), почти съ такимъ же самодовольствіемъ прочелъ мнѣ черновое письмо свое къ фельдмаршалу и старался дать почувствовать игру словъ или каламбуръ, въ упрекъ фельдмаршалу, что онъ *своимъ покоемъ очень безпокоитъ всю Россію.* Лицо мое, болтливое не меньше языка и пера, не скрыло отъ него, чего бъ, изъ учтивости, словами я ему не сказалъ. Большіе глаза графа Растопчина, искавшіе можетъ-быть моей улыбки, опустились вдругъ на недочитанное письмо, и сочинитель его захотѣлъ объяснить мнѣ, что онъ неоднократно ѣздилъ въ лагерь и, какъ главнокомандующій въ Москвѣ, требовалъ видѣть главнокомандующаго арміею; но ему отвѣчали каждый разъ, что его сіятельство только изволилъ успокоиться и не приказалъ никого къ себѣ принимать, а потому онъ былъ вынужденъ хотя письменно объяснить не только названному имъ княземъ Невидимкой, но и всей Россіи, какъ онъ чувствовалъ и думалъ. Зная, что списки этого письма ходили по арміи, и графскій каламбуръ повторялся шопотомъ въ ея главной квартирѣ, я самъ нашелся вынужденнымъ объяснить языкомъ болтовню моего лица, т.-е., что упрекъ фельдмаршалу, такъ остроумно выраженный знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ, могъ вредить довѣренности подчиненныхъ къ

же, воюя съ Франціею, наводняли ее фальшивыми бумажками. Нашъ ученый историкъ войны 1812 года, въ тупости своей и угодничествѣ, совсѣмъ отрицалъ существованіе Русскихъ фальшивыхъ ассигнацій, изготовленныхъ Наполеономъ! П. Б.

начальнику, отъ котораго зависѣла судьба Россіи. «Но этотъ начальникъ», возразилъ графъ, «долженъ былъ имѣть довѣренность къ другому начальнику, удостоенному довѣренности самого Государя». Я представилъ его сіятельству, что фельдмаршалъ, какъ извѣстно, держался правилъ великаго полководца, не хотѣвшаго, чтобъ и подушка, на которой онъ спалъ, знала его намѣренія. Графъ нашелъ это правило Аннибала совсѣмъ неумѣстнымъ съ человѣкомъ, на котораго фельдмаршалъ могъ и долженъ былъ полагаться. И потому-то, мнѣ кажется, отвѣчалъ я, уже улыбнувшись, ему не было нужды съ вами видѣться. Удивленный моимъ отвѣтомъ и улыбкой, онъ спросилъ: «А это почему?» —«Потому же, почему Суворовъ предъ Измаильскимъ приступомъ, приказывая дежурному генералу обойти начальниковъ колоннъ, одному растолковать, другому разсказать, Рибасу намекнуть, примолвилъ: а генералъ Кутузовъ и Рибаса обманетъ. Такъ, стало, и говорить ему не было нужды».

Примѣръ подѣйствовалъ, и я спросилъ болѣе развеселившагося однодомца моего Николая Васильевича: «Еслибъ фельдмаршалъ и цѣлые сутки протолковалъ съ графомъ, то могло-ли отъ того что-нибудь сдѣлаться лучше и удивительнѣе бывшаго? Москва преспокойно и безъ всякой суматохи опустѣла, никто въ дорогѣ не умеръ съ голода, никого не ограбили, всѣ доѣхали благополучно, куда кто хотѣлъ, и изъ 180.000 Московскихъ жителей насилу отыскали одного, да и то Француза, чтобъ объявить Наполеону, перебравшему большую часть Европейскихъ столицъ, неимовѣрную для него новость, за что Московскій главнокомандующій удостоился отъ него ругательствъ, которыя онъ вѣрно не промѣняетъ на оды и не графа Хвостова». Тутъ не вовсе безпристрастные слушатели мои разсмѣялись, а старшій прибавилъ, что Наполеонъ не только удостоилъ его своихъ ругательствъ, но и пронырствъ, приказавъ непремѣнно отстаивать домъ его, чтобъ внушить противъ него подозрѣніе въ предосторожностяхъ взятыхъ имъ для сохраненія своей собственности будто отъ распоряженнаго имъ же пожара; но хозяинъ сохраненнаго дома доказалъ цѣлому свѣту свою безкорыстность, сожегши самъ принадлежащую ему прекрасную подмосковную.

Это воспоминаніе истинно-безкорыстнаго и прямо-Русскаго подвига совершенно развеселило графа, и онъ, съ его обыкновенною любезностію, пустился, по своему, въ разсказы слышанныхъ или видѣнныхъ имъ проказныхъ случаевъ по выѣздѣ изъ Москвы, откуда, какъ онъ мнѣ замѣтилъ, благополучно доѣхали кто куда хотѣлъ всѣ совершенно-Русскіе; а съ иностранцами и полу-Русскими случались маленькія непріятности, и къ нему представляли связанныхъ, а иныхъ

и растрепанныхъ знакомыхъ ему учителей и даже чиновниковъ, и будто привели на веревочкѣ одного сентиментальнаго поэта и Московскаго бальнаго щеголя, говорившихъ между собою о блѣдной лунѣ и о Кузнецкомъ мостѣ по-французски. Николай Васильевичъ къ этому прибавилъ, что и въ арміи казаки подстрѣлили одного адъютанта, принявъ по Французскому разговору его съ товарищемъ за непріятеля. «Знаете-ли, прервалъ графъ, что слухи о подобныхъ непріятностяхъ съ иноязычниками едва не уморили вывезеннаго съ моею канцеляріей изъ Москвы общаго пріятеля нашего, славнаго Итальянскаго живописца, но не очень угомоннаго Русскаго помѣщика, философа Тончи [17]? Ужасъ быть убитымъ крестьянами, а можетъ быть и слугами своими, распалилъ пламенное воображеніе и загналъ его въ лѣсъ. Вся канцелярія моя, не зная куда онъ дѣвался, пустилась съ казаками и крестьянами отыскивать его по дорогѣ и въ лѣсу; начали аукать, кричать, кликать. Онъ, слыша со всѣхъ сторонъ свое имя, совершенно рехнулся, и уже отысканный и приведенный въ домъ, отъ страха, чтобъ его не убили, самъ чуть не зарѣзался бритвою; къ счастію, успѣли ему помочь, успокоить, наконецъ совсѣмъ образумѣли, и онъ, въ память своего спасенія и уцѣлѣнія, обѣщался написать запрестольный образъ для соборной Владимирской церкви». Потомъ графъ Растопчинъ разсказалъ между прочаго Русскаго своедѣлья, что онъ встрѣтилъ кучу непріятельскихъ мородёровъ, веденныхъ вооруженными въ ихъ же оружіи мужиками, подъ предводительствомъ дородной бабы, гордо выступавшей съ длинной саблей, повѣшенной чрезъ плечо сверхъ Французской шинели. Графъ узналъ отъ провожатыхъ, что она ихъ старостиха Василиса и хотя ея женское дѣло, а она на свою руку охулки не положила. На вопросъ, много-ли они перевели бусурманской саранчи, Василиса за всѣхъ отвѣчала: «Таки ихъ посильно мѣсто передушила наша вотчина; да та бѣда, что сперва наши съ глупа боялись ихъ убивать, чтобъ не попасть за окаянныхъ въ отвѣтъ и только что отъ нихъ хоронились; а какъ узнали,

---

[17]) Вотъ какъ самъ Тончи объясняетъ причину его сумашествія. Отославъ за долго по совѣту графа Растопчина жену свою, урожденную княжну Гагарину, въ Рязань, онъ остался въ домѣ графа, который обѣщалъ его, когда нужно будетъ, отправить къ ней. Непріятель близко, Москва пустѣетъ. Тончи въ страхѣ приходитъ къ графу и напоминаетъ его обѣщаніе. Графу было не до Тончи; онъ отвѣчаетъ: вы будете отправлены куда надо, и при немъ грозно приказываетъ своему правителю канцеляріи г-ну Руничу взять его съ собою. Эта необыкновенная суровость поражаетъ Итальянца; встревоженное воображеніе представляетъ ему, что его хотятъ отправить въ Сибирь и когда Руничъ повезъ его не по Рязанской дорогѣ, ужасъ ссылки довелъ его до изступленія. Онъ бѣжалъ въ лѣсъ и проч.

что нѣтъ запрета изводить злое сѣмя, то и пошли всѣхъ душить на кого нападутъ врасплохъ; только, видишь, начальники не вѣрили мужицкимъ разсказамъ и дали такую повѣстку, чтобы-де мы видѣли ваше усердіе и промыслъ, то берите больше въ полонъ супостатовъ и кого намъ живаго представите, за того будетъ награда, а за мертвыхъ награды не будетъ [18]). Вотъ тутъ наши и взялись за умъ. Какъ заслышали этихъ супостатовъ, притаилися по задворью. Въ моемъ домишкѣ осталось таки довольно винца и пивца; вотъ они, какъ голодные волки, вбѣжали въ деревню, да позарясь на бѣлую избу, взошли въ нее гурьбой, отыскали хмѣльное, ружья къ сторонѣ, и ну бражничать, да и ошалѣли. Тутъ, выждя ночи, наши нагрянули, и ну работать; кто заборахтался, тому карачунъ, а кто не ерошился, тѣхъ живьемъ привели къ вашей милости, чтобъ товаръ лицомъ продать».

Николай Васильевичъ прибавилъ къ графскому разсказу донесенное ему исправникомъ. Вечеромъ взошла въ деревню шайка Французовъ; а какъ, вслѣдствіе приказа земскаго начальства, по всѣмъ селеніямъ были учреждены отводные караулы, то они дали вѣсть крестьянамъ; тѣ спрятались куда знали. Усталые мародёры забрались въ избу на ночлегъ, мужики обѣщались выстроить хозяину новую, да около полуночи подослали въ подклѣть мальчика прислушать, что̀ дѣлаютъ незваные гости? Храпятъ! Крестьяне, благословясь, потихоньку подкрались, приперли бревенцомъ дверь, привалили хворосту къ сѣнцамъ, зажгли и потѣшили свою душеньку крикомъ и воемъ горящихъ съ избою злодѣевъ Святой Руси.

Эта крестьянская потѣха, отъ которой какъ говорится, меня по кожѣ подернулъ морозъ, перебросила разговоръ къ тогдашнимъ, единственнымъ сподвижникамъ нашимъ Испанцамъ. Мы, сравнивая ихъ народную войну съ нашею, были поражены чудеснымъ сходствомъ судьбы и свойства двухъ народовъ, живущихъ совершенно въ различныхъ климатахъ и на противоположныхъ концахъ Европы [19]). Разговорясь о Русскомъ бытѣ, графъ съ

---

[18]) Фельдмаршалъ, чтобъ унять крестьянъ отъ ужасныхъ убійствъ попадавшихъ къ нимъ въ руки непріятелей, приказалъ это обвѣстить по отчинамъ и за безвредный приводъ плѣнныхъ давать награды.

[19]) Испанцы, покоренные Маврами, какъ мы Татарами, сохранили свой самобытъ, уничтожили также покорителей и усиліемъ противъ нихъ соединили раздѣленное отечество свое. Они также какъ и мы всячески истребляли общихъ намъ и всей Европѣ враговъ. Они отличались такою же какъ и мы привязанностію къ церкви и родинѣ. Послѣ насъ никто меньше ихъ не служитъ и не подданствуетъ чужимъ государямъ. Въ Гамбургѣ жена Американскаго консула, родившаяся въ Лиссабонѣ, зная нѣкоторые голоса Малороссійскихъ думокъ, увѣряла, что онѣ напоминаютъ Испанскія и Португальскія народныя пѣсни. Послѣ того въ Неаполѣ, на вечерѣ у Французскаго посла, природная

улыбкою спросилъ меня, что̀ я думаю о его обнародованіяхъ? Не хотя оскорбить самолюбіе сочинителя или согрѣшить противъ моей совѣсти, я объяснилъ, что̀ нахожу въ нихъ хорошаго; то-есть, что они, писанныя точно простонароднымъ слогомъ, должны были дѣйствовать въ нижнихъ сословіяхъ сильнѣе и вѣрнѣе высокопарнаго ораторства; что, читая ихъ, Русскія сердца запалялись малодечествомъ; но умолчалъ, что площадной языкъ черни казался мнѣ не вовсе приличнымъ въ обнародованіяхъ отъ имени главнокомандующаго столицей, который долженъ говорить всѣмъ сословіямъ. Хотя графъ Растопчинъ въ этомъ могъ бы оправдаться предположеніемъ, что просвѣщенные люди не имѣли надобности въ его побужденіяхъ на подвигъ, внушаемый имъ честью и любовью къ отечеству; можетъ быть онъ такъ и думалъ; но, кажется, хотѣлъ своими площадными обнародованіями возбудить старорусскій духъ Московской черни противъ новомыслія полупросвѣщенной молодежи. Это я замѣтилъ изъ объясненія его поступка съ купецкимъ сыномъ Верещагинымъ, обучавшимся иностраннымъ языкамъ въ Московскомъ университетѣ, «гдѣ давно уже мартинистъ Шварцъ и недавно Нѣмецкій философъ Буле трудились заводить Русскій умъ за чужой разумъ и не взмилить нашъ православный бытъ. Угорѣвшій отъ чада новопросвѣщенія, купчикъ Верещагинъ пустился переводить, толковать и распускать въ народѣ Наполеоновы прокламаціи, когда онъ самъ ужъ былъ подъ Москвою, гдѣ начали проявляться другіе Верещагины и верещать по заморскому; то должно было, чтобъ узнать своихъ и показать чужимъ Русскую ненависть къ ихъ соблазнамъ, предать одного народной казни и ея ужасомъ, если не образумить, то хотя устрашить прочихъ сумасбродовъ». Я не сталъ возражать противъ жестокости казни къ которой иногда принуждаютъ и очень сострадательныхъ народоправителей время, обстоятельства и необходимость примѣра; хотя не нахожу разъяренія черни средствомъ свойственнымъ законному правительству.

Проведя всю ночь въ неумолчной бесѣдѣ, я уже при дневномъ свѣтѣ простился, и навсегда, съ графомъ Растопчинымъ, за которымъ безпристрастное потомство, надѣюсь, утвердитъ почетное мѣсто въ Исторіи 1812 года, какъ современники отдаютъ справедливость его, замысло-

---

Испанка, вышедшая за Итальянскаго маркиза, котораго имени я не могъ затвердить, пѣніемъ своихъ отечественныхъ романсовъ удостовѣрила меня въ удивительномъ сходствѣ напѣва ихъ съ нашимъ Украинскимъ; пантоминный танецъ важной фанданки очень сближается выразительностію и тѣлодвиженіемъ съ Русской степной пляской. Нельзя не согласиться, что Испанія была и тогда во многомъ похожа на Россію, но только какъ прибодрившаяся старуха на здоровую и свѣжую молодицу. Испанія уже заблекла, а Россія еще процвѣтаетъ.

ватому, хотя и невсегда добродушному острословію, изъ котораго во Франціи сдѣлали бъ цѣлую Растопчіану. Между прочихъ его замысловатостей замѣчательна едвали не послѣдняя его шутка: въ одномъ изъ Парижскихъ театровъ, гдѣ всѣ освистывали дурнаго дебютанта, онъ одинъ апплодировалъ и отвѣчалъ спросившимъ его, что́ это значитъ: «боюсь, какъ сгонятъ его съ театра, то онъ къ намъ отправится въ учители». Но, слава Богу, нынче трудно этому случиться.

Чтобъ вамъ не показалось нѣсколько неестественнымъ такое подробное припомненіе моего разговора съ графомъ Растопчинымъ, я долженъ объяснить, что онъ недавно возобновился въ моей памяти попавшимся мнѣ между старыми бумагами началомъ письма моего къ покойному графу В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу. Этотъ самый незлобивый, доброхотный, честный и русолюбивый человѣкъ любилъ иногда особливо со мною спорить и въ слѣдствіе противурѣчія моей давнишней увѣренности, что Наполеонъ можетъ ворваться въ Россію, но цѣлый не вырвется изъ нея и моего же мнѣнія о графѣ Растопчинѣ, я, по возвращеніи въ полкъ, принялся было писать къ нему, но за хлопотами и скорымъ походомъ не дописалъ и не послалъ письма, котораго уцѣлѣвшій листокъ мнѣ теперь пригодился. Но пора кончить мой утомительный разсказъ выѣздомъ изъ Москвы.

Держась буквально Корнеліева изрѣченія: Faites votre devoir et laissez faire les dieux [20]), я почелъ моею обязанностію не оставлять ополченія, въ которое судьба меня привела, и возвратился въ полкъ, которымъ начальствовалъ по избранію моихъ тогдашнихъ сослуживцевъ; но не могу утаить, что гонка непріятеля изъ Москвы, по дорогѣ нераззоренной произвела нравственную перемѣну въ нѣкоторыхъ избирателяхъ моихъ. Они, какъ оказалось на дѣлѣ, раздѣлялись на природныхъ дворянъ въ старинномъ смыслѣ этого слова [21]) и на помѣщиковъ, схватившихъ кое какъ офицерскіе чины или добравшихся по приказамъ даже до 9-го класса и купившихъ на промышленныя деньги деревни. Первые, припомня въ ополченіи прежнюю воинскую службу и внушенныя ею чувства народной чести, охотно шли въ походъ и рады были подраться съ непріятелемъ; а нѣкоторые изъ вторыхъ, вступя ретиво въ ополченіе, служили усердно, пока отдавался въ ихъ Русскихъ сердцахъ воспалительный крикъ: нашихъ бьютъ; когда же наши стали бить, то смекнувъ, что незваннымъ гостямъ у насъ не водъ и почтя военное служеніе свое на защиту отечества

---

[20]) Т.-е. Исполняйте свой долгъ и предоставляйте дѣйствовать богамъ.

[21]) Въ старину званіе родоваго дворянина означало не только принадлежащихъ къ княжескимъ и царскимъ дворамъ, но и простыхъ воиновъ, служившихъ изъ рода въ родъ въ ихъ полкахъ.

уже конченнымъ, старались отлынять подъ разными предлогами отъ дальнѣйшихъ безпокойствъ и на зиму убраться въ теплые хоромы свои. Кромѣ сихъ главныхъ раздѣленій на ополченныхъ дворянъ и помѣщиковъ, были еще два разряда. Одинъ—отставныхъ офицеровъ, проживавшихъ въ губерніи; услыша, что непріятель сильно идетъ на Россію, они по старой привычкѣ тотчасъ прямо явились на службу царю и отечеству и не думали покидать ее, пока война совсѣмъ не кончилась. Второй—молодыхъ канцелярскихъ чиновниковъ, воспитанныхъ въ губернскихъ училищахъ и не успѣвшихъ еще оподъячиться. Они ради были случаю вырваться изъ-за приказныхъ столовъ и сдѣлаться, какъ говорится въ нижнихъ сословіяхъ, людьми. Офицерскіе мундиры ихъ тотчасъ омолодечили; но, не имѣя денегъ и не зная благородныхъ игръ въ карты, они, отчужденные помѣщиками, прильнули къ дворянамъ, сдружились съ бывшими военнослужащими и потомъ съ ними вмѣстѣ вступили въ кадры дивизіи, набранной изъ жалкихъ Остзейскихъ рекрутъ, которыхъ подъ моимъ начальствомъ довели въ порядкѣ, исправности и цѣлости въ Варшаву.

При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, уже въ самомъ концѣ Октября, показался первый снѣгъ и, по выступленіи ополченія вслѣдъ за арміей, начался запоздавшій холодъ; но еще при переправѣ нашей въ Зубцовѣ через Волгу я принужденъ былъ пропускать мимо себя весь полкъ по одному человѣку чрезъ наложенныя по полыньямъ доски и не находилъ нигдѣ недостатка въ жизненныхъ припасахъ: стало-быть, непріятель, вопреки иностраннымъ писателямъ, погибъ не отъ холода и голода; ибо тамъ, гдѣ побѣжденные сыты, побѣдитель не можетъ быть безъ хлѣба, и во всѣхъ покоренныхъ Наполеономъ земляхъ не войска его, а жители ихъ мерли голодной смертью. Онъ долженъ былъ знать, что Русская зима начинается въ срединѣ Французской осени, и по крайней мѣрѣ противу нея запастись шубами, что̀ легко было сдѣлать завоевателю тамъ, гдѣ нищіе безъ нихъ зимою не ходятъ. Но чтобы, не взирая на эти ощутительныя доказательства истинной причины гибели нашихъ враговъ, они не могли всклепать на морозы дѣло пламенной любви къ вѣрѣ, царю и отечеству, Богу угодно было продлить въ Россіи теплоту до того, что въ этотъ годъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ непріятель, два раза косили луга [22]).

[22]) Показаніе очень важное и не принятое до сихъ поръ къ соображенію ни Русскими, ни иностранными историками, продолжающими вѣрить Наполеону, который на выступленіе свое изъ Россіи приказалъ выбить медаль съ изображеніемъ воина, гонимаго Эоломъ. П. Б.

Вотъ кажется все, чтò я могъ припомнить къ исполненію вашего желанія. Чувствую и признаюсь, что мое письмо слишкомъ многословно; но, право, я по возможности хотѣлъ очистить и окоротить, да не могъ. Торопясь сообщить вамъ все, чтò большею частію чрезъ сердце проходило мнѣ въ голову, я боялся, чтобъ какое нибудь новое горе не помѣшало мнѣ навсегда кончить начатое. Но, слава Богу, я успѣлъ кое-какъ удовлетворить ваше любопытство, не безполезное даже и для самаго меня. Я вамъ благодаренъ за часы, которые, воспоминаніемъ хотя тяжкаго, но славнаго времени, извлекали меня изъ одуренія, нагнаннаго на воображеніе мое горестями и каверзами вцѣпившейся въ меня ябеды [23]. Если я наскучилъ вамъ собою, то право не отъ самолюбія. Я только желалъ и желаю одного, чтобъ опытность моя не пропала даромъ, и увѣренъ, что извлеченное вами изъ моего многословія послужитъ хотя нѣсколько къ указанію истинныхъ причинъ прочнаго возвышенія нашего отечества.

[23]) Чтò за обстоятельства, на которыя намекаетъ здѣсь князь А. А. Шаховской, намъ неизвѣстно. Не разумѣлъ ли онъ тутъ своей тяжбы съ Пассеками по наслѣдству князя Кантемира? Тяжба эта тянулась цѣлые десятки лѣтъ и, сколько знаемъ, кончилась мировою, по которой часть громаднаго наслѣдства досталась и князьямъ Шаховскимъ. П. Б.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО КЪ КНЯГИНѢ СОФІИ СЕРГѢЕВНѢ МЕЩЕРСКОЙ.

Предлагаемое вниманію историковъ письмо Александра Благословеннаго, написанное изъ Троппау, принадлежитъ къ последнему десятилѣтію его царствованія и ясно выражаетъ религіозное настроеніе Императора. Это послѣднее десятилѣтіе его жизни возбуждаетъ въ нашей печати строгія сужденія. По поводу этихъ сужденій мы вмѣняемъ себѣ въ пріятную обязанность напомнить соотечественникамъ безпристрастныя и краснорѣчивыя слова князя П. А. Вяземскаго, котораго богато одаренная природа вмѣщала въ себѣ и талантъ глубокомысленнаго историка. Еще Гоголь замѣтилъ, что въ князѣ Вяземскомъ „слышенъ въ одно и тоже время политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни,—словомъ всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ; и если бы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія Фонъ-Визина, написано было все царствованіе Екатерины, то можно сказать почти навѣрное, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа“.

„Александръ“, повѣствуетъ князь Вяземскій, „въ послѣднее десятилѣтіе уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ годовъ. Онъ прошелъ школу событій и тяжкихъ испытаній. Либеральные помыслы его и молодыя сочувствія болѣзненно были затронуты и потрясены грубою дѣйствительностью. Заграничныя революціонныя движенія, домашній бунтъ Семеновскаго полка, неурядицы, строптивыя замашки Варшавскаго сейма, на который еще такъ недавно онъ полагалъ лучшія свои упованія, догадки и болѣе чѣмъ догадки о томъ, что и въ Россіи замышлялось что-то недоброе, всѣ эти признаки, болѣзненные симптомы, совокупившіеся въ одно цѣлое, не могли не отразиться сильно на впечатлительномъ умѣ Александра. Въ Александрѣ не могло уже быть прежней бодрости и самонадѣянности. Онъ вынужденъ былъ сознаться, что добро не легко совершается, что въ самихъ людяхъ часто встрѣчается какое-то необдуманное, тупое противо-

дѣйствіе, парализующее лучшіе помыслы, лучшія заботы о пользѣ и благоденствіи ихъ... Тяжки должны быть эти разочарованія и суровыя отрезвленія. Александръ ихъ испыталъ: онъ извѣдалъ всю ихъ уязвительность и горечь. Строгіе судьи, умозрительные и безпощадные, могутъ, конечно, сказать, что человѣкъ съ твердою волею, одаренный могуществомъ духа, долженъ всегда оставаться выше подобныхъ житейскихъ невзгодъ и сопротивленій. Можетъ быть. Но мы не чувствуемъ въ себѣ достаточной силы, чтобы пристать къ этимъ строгимъ приговорамъ. Мы полагаемъ, что если и были ошибки, то многія изъ нихъ были искуплены подобными испытаніями и подобнымъ горемъ. Мы здѣсь не осмѣливаемся судить: мы можемъ только сострадать".

Но „какъ не старайся скептическая, а болѣе всего мѣщанская и будничная исторіографія понизить величавость Исторіи и стереть съ нея блескъ поэтической дѣйствительности, все же не успѣетъ она въ своемъ иконоборствѣ. Народная любовь сохранитъ иконы и праздники свои. Она съ гордостью будетъ помнить и перечитывать нѣкоторыя праздничныя и эпическія страницы бытописанія своего. Что ни говори, но Александръ I-й вплелъ такую яркую и незабвенную страницу въ нашу народную исторію". (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. СПБ. 1882 года, VII, 425—464*).

Строки, посвященныя митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Михаилу, даютъ намъ утѣшительное свидѣтельство, что святители Русской церкви, держась преданія своихъ древнихъ, святыхъ и приснопамятныхъ предшественниковъ, не чуждались такъ называемаго *общества* и не противопоставляли его *народу*. Они не дѣлили людей на аристократовъ и демократовъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Тѣ и другіе въ глазахъ ихъ были люди Божіи, „чающіе Христова утѣшенія". Тѣ чувства, которыя питалъ императоръ Александръ къ митрополиту, питаетъ въ душѣ своей къ своимъ помазаннымъ святителямъ и каждый православный христіанинъ.

И дай Богъ, чтобы это святое чувство, не оскудѣвая, пребывало въ сердцахъ православныхъ, „дондеже свѣтъ стоитъ и солнце сіяетъ".

Являющійся нынѣ въ свѣтъ историческій документъ сообщенъ намъ Анастасіею Николаевною Мальцевою съ правомъ его обнародовать. Самый же подлинникъ, по снятіи съ него съ дипломатическою точностью списка, какъ драгоцѣнный царскій автографъ, внесенъ Анастасіею Николаевною въ Императорскую Публичную Библіотеку, для вѣчнаго тамъ храненія.

Николай Барсуковъ.

27 Сентября 1886 года.
Село Михайловское,
Московской губ. Подольскаго уѣзда.

Troppau, le 23 Oct. 1820.

Je m'empresse de vous remercier, madame [1]), pour votre lettre du 8 Octobre, que j'ai reçue il y a trois jours. Je l'ai lue avec le plus grand intérêt. Ce que vous me dites sur la manière dont cette Divine Providence vous a fait reconnaître un tort qui se cachait en vous, m'a servi d'une nouvelle preuve d'une vérité, que j'ai été si souvent dans le cas de reconnaître pour moi-même.— Heureux ceux qui observent attentivement des sensations de ce genre et qui se hâtent de se conformer et de suivre des directions pareilles.—Remerciez mille fois le Métropolite [2]) pour son souvenir et surtout pour sa bénédiction, que je

---

[1]) Княгиня Софія Сергѣевна Мещерская, изъ рода Всеволожскихъ, род. 19 Ноября 1775 г., скончалась 4 Октября 1848 г., была второю супругою князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго. У нихъ дѣти: 1) князь Сергѣй Ивановичъ, женатый на княжнѣ Александрѣ Борисовнѣ Голицыной, родной сестрѣ Татьяны Борисовны Потемкиной; 2) князь Николай Ивановичъ, женатый на княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой; 3) князь Петръ Ивановичъ былъ женатъ два раза, первая жена—дочь графа С. П. Румянцова, Екатерина Серг. Кагульская, вторая Екатерина Николаевна Карамзина; 4) княжна Софія Ивановна (другъ Чадаева) 5) княжна Марія Ивановна, въ замужествѣ за Иваномъ Николаевичемъ Гончаровымъ; 6) князь Василій Ивановичъ, женатый на баронессѣ Фитингофъ. Княгиня С. С. Мещерская, какъ извѣстно, пользовалась въ свое время большимъ значеніемъ при тогдашнемъ дворѣ. Скончалась въ Москвѣ. Погребеніе совершалъ самъ митрополитъ Московскій Филаретъ и, въ день погребенія княгини, митрополитъ сказалъ А. Н. Муравьеву: „Я дѣйствительно любилъ и уважалъ княгиню, и она, кажется, была ко мнѣ благосклонна, но не въ то время, когда пользовалась милостями Государя и принимала участіе въ дѣлахъ духовныхъ.“ Письма къ ней преосвященнаго Иннокентія епископа Пензенскаго и Саратовскаго (1817—1819) напечатаны въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1874 г. кн. 4-я.

[2]) Михаилъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, родился въ селѣ Топорковѣ, Богородскаго уѣзда Московской епархіи и былъ сынъ тамошняго церковнаго причетника. Скончался въ Александро-Невской Лаврѣ 24 Марта 1821 года и погребенъ въ алтарѣ построенной его попеченіями церкви Святаго Духа. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Семинаріи Свято Троицой Сергіевской Лавры. Докончилъ свое образованіе въ Филологической Семинаріи при Московскомъ Дружескомъ Ученомъ Обществѣ. Съ 1785 года священствовалъ при церкви Іоанна Воина, въ Москвѣ, гдѣ благоговѣйнымъ служеніемъ и проповѣдываніемъ Слова Божія снискалъ себѣ любовь народную. Въ 1797 году вызванъ императоромъ Павломъ I въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ числѣ придворныхъ пресвитеровъ. Въ 1799 году овдовѣлъ и въ томъ же году постриженъ въ монашество, въ присутствіи двора, въ Гатчинской придворной церкви, произведенъ въ санъ архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря и сдѣланъ членомъ Святѣйшаго

ne reçois jamais de sa part sans la plus vive émotion, étant persuadé que c'est une bénédiction de Plus Haut que la sienne qu'il me transmet, parce qu'il en demande la puissance *avec foi* à ce Sauveur qu' on invoque jamais inutilement. Dites lui que j'ai plus besoin que jamais de cette *bénédiction bienfaisante* et de toutes ses *prières*, parce que nous sommes occupés ici à une besogne des plus importantes, mais des plus difficiles [3]). Il s'agit de porter remède contre *l'empire du mal* qui s'étend avec célérité et par tous les *moyens occultes* dont se sert le *génie satanique* qui le dirige.—Ce remède que nous cherhons, hélas, est au-dessus de notre chétif pouvoir humain. Le Sauveur Seul par le pouvoir de Sa parole Divine peut fournir ce moyen. Invoquons Le donc de toute la plénitude, de toute la ferveur de nos coeurs, pour qu'Il daigne répandre son Esprit Saint sur nous et nous faire marcher dans la voye qui seule peut Lui plaire et qui seule peut nous conduire au salut. Les prières d'un être comme le métropolite sont immenses quand des coeurs remplis de *Foi* y ont recours avec ce sentiment de conviction dans leur éfficacité; et c'est bien mon cas vis-à-vis de lui. J'ai lu avec la plus grande attention le second chapitre de l'Apocalypse [4]) que vous me

---

Сунода. Въ 1802 году рукоположенъ во епископа Старорусскаго. Съ 1803 года епископъ, а затѣмъ архіепископъ Черниговскій. Съ 26 Марта 1818 года и до блаженной кончины митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. По отзывамъ современниковъ митрополитъ Михаилъ былъ сострадателенъ и всѣмъ доступенъ, въ обхожденіи отличался евангельскою простотою. Ненавидѣлъ духа приказнаго, особенно въ начальникахъ. Тяжбы и ссоры между духовными лицами любилъ прекращать увѣщаніями. По отзыву знаменитаго историка Русской Церкви, архіепископа Черниговскаго Филарета, *Наставленія* митрополита Михаила „назидательны, драгоцѣнны и важны въ высокой степени."

[3]) Троппау—городъ въ Богеміи, въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1820 года, прославился конгрессомъ, на которомъ Францъ I, Фридрихъ Вильгельмъ III и Александръ I, члены Священнаго Союза, съѣхались вторично (первый разъ въ 1818 г. въ Ахенѣ) для совѣщанія о Европейскихъ дѣлахъ, въ виду волненія умовъ въ Германскихъ университетахъ, ознаменовавшагося (въ Мартѣ этого года) убіеніемъ Русскаго политическаго агента въ Карлсруэ Августа Коцебу; онъ погибъ отъ руки студента Занда.

[4]) Въ этой главѣ *Апокалипсиса* между прочимъ начертано: „Вѣмъ твоя дѣла, и трудъ, и терпѣніе твое, и яко не можеши носити злыхъ *и искусилъ еси глаголющыяся быти апостолы, и не суть; и обрѣлъ еси ихъ лживыхъ*" (2, 2). „Но имамъ на тя мало, яко оставляеши женѣ Іезавели, *глаголющей себе быти пророчицу, учити и льстити моя рабы* любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую". (2, 20).

recommandez. Quoique je le conaissais à peu près par coeur et qu'il n'y a pas très-longtems que je l'avais lu, je l'ai relu encore. Ah! je ne sçais pas le quel des reproches peut-il mieux s'appliquer à moi; mais ce que je sçais très-bien, c'est que plus j'avance dans la vie et plus je reconnais combien je suis chétif, faible et enclin à tout espèce de mal, et que ce n'est que la miséricorde de ce Divin Sauveur *seule* qui me préserve encore d'être plus mauvais.

Autant les nouvelles que vous m'avez données sur vos fils et sur votre fille aînée m'ont fait plaisir, autant ce que vous me dites sur la petite m'a affligé. Quelle peut donc être la cause de ce qui lui est arrivé? Vous devriez consulter cependant quelque habile médecin, comme Müller ou Stoffreguen; car il ne faut pas perdre de tems avec des symptomes pareils.

En concience vous ne devriez plus douter, que n'importe quel gîte vous aurez, que je viendrai toujours vous voir, si Dieu m'accorde vie et santé. Cela sera à vous à juger si je suis toujours resté le même; du moins je puis vous garantir que je n'ai nulle envie de changer excepté en ce que le Sauveur me fait reconnaître de défauts et de péchés en mon chétif individu et sur les quels il est du devoir de tout Chrétien de tâcher de se corriger.

Pour vous parler aussi peu que possible d'argent, je vous dirai que mon homme vous remettra la moitié de ce qui reste et l'autre dans un mois de tems.

Adieu, madame, conservez moi vos bons sentimens et vos prières et soyez convaincue de tout l'attachement que je vous porte. A.

Переводъ.

Троппау, 23 Октября 1820.

Спѣшу поблагодарить васъ, княгиня, за ваше письмо отъ 8 Октября, полученное мною три дня тому назадъ. Я прочелъ его съ величайшимъ вниманіемъ. Разсказъ вашъ о томъ, какимъ образомъ Божественное Провидѣніе заставило васъ сознать погрѣшность, въ васъ кроющуюся, послужилъ мнѣ новымъ доказательствомъ истины, которую такъ часто случалось мнѣ признавать на самомъ себѣ. Счастливы тѣ, которые тщательно вникаютъ въ чувствованія этого рода, спѣшатъ сообразоваться съ ними и слѣдовать ихъ направленію. Тысячу разъ поблагодарите митрополита за его память, а въ особенности за его благословеніе, которое я никогда не принимаю отъ него иначе, какъ съ живѣйшимъ душевнымъ ощущеніемъ, будучи убѣжденъ, что получаемое отъ него—есть благословеніе Вышняго, такъ какъ дѣйствую-

щую силу его онъ испрашиваетъ съ *вѣрою* у Спасителя, Котораго никогда не призываютъ вотще. Скажите ему, что я болѣе чѣмъ когда либо нуждаюсь въ этомъ *благотворномъ благословеніи и въ его молитвахъ,* потому что мы заняты здѣсь однимъ изъ самыхъ важныхъ, но и трудныхъ дѣлъ. Дѣло это заключается въ томъ, чтобы изыскать цѣлебное средство противу *господства зла,* распространяющагося быстро и всѣми *тайными путями,* къ которымъ прибѣгаетъ *сатанинскій духъ,* имъ управляющій. Искомое нами врачеваніе увы! превыше нашей немощной человѣческой силы. Одинъ Спаситель, силою Своего Божественнаго Слова, можетъ даровать это средство. Призовемъ же Его отъ всей полноты и со всею горячностью нашихъ сердецъ, да ниспошлетъ Онъ на насъ Духа Всесвятаго и да наставитъ насъ слѣдовать по тому пути, который одинъ Ему угоденъ и который одинъ можетъ привести насъ къ спасенію. Сила молитвъ существа такого какъ митрополитъ безпредѣльна, когда сердца, преисполненныя вѣрою, прибѣгаютъ къ нимъ со всѣмъ чувствомъ убѣжденія въ ихъ дѣйствительности, и я нахожусь предъ нимъ въ такомъ именно положеніи.

Я съ величайшимъ вниманіемъ прочелъ вторую главу Апокалипсиса, на которую вы мнѣ указываете. Хотя я ее зналъ почти наизусть и еще читалъ не очень давно, но перечиталъ еще разъ. Ахъ, не знаю, какого упрека я наиболѣе заслуживаю; но знаю хорошо, что чѣмъ болѣе подвигаюсь на жизненномъ пути, тѣмъ болѣе сознаю насколько я немощенъ, слабъ и склоненъ ко всякому злу и что одно только милосердіе Божественнаго Спасителя предохраняетъ меня, чтобъ не сдѣлаться еще болѣе дурнымъ. Насколько сообщаемыя мнѣ вами вѣсти о вашихъ сыновьяхъ и о старшей дочери меня порадовали, настолько же то, что̀ вы мнѣ говорите о младшей, меня опечалило. Какая же причина того, что̀ съ ней произошло? Вамъ слѣдовало бы, однако, переговорить съ какимъ нибудь искуснымъ врачемъ, напримѣръ съ Миллеромъ или Штофрегеномъ, такъ какъ при подобныхъ явленіяхъ не слѣдуетъ терять времени.—По совѣсти, вы не должны были болѣе сомнѣваться, что, въ какомъ бы помѣщеніи вы ни жили, я всегда навѣщу васъ, если Богъ мнѣ даруетъ жизни и здоровья. Предоставляю вамъ рѣшить, остался ли я такимъ же какимъ былъ; могу, по крайней мѣрѣ, увѣрить васъ, что не имѣю ни малѣйшаго желанія измѣниться за исключеніемъ указуемыхъ Спасителемъ пороковъ и недостатковъ въ моемъ немощномъ существѣ, объ исправленіи которыхъ долгъ каждаго Христіанина заботиться. Чтобы говорить какъ можно менѣе о деньгахъ, скажу лишь, что довѣренный мой передастъ вамъ половину оставшагося, другую же половину черезъ мѣсяцъ. Прощайте, княгиня, сохраните мнѣ ваши добрыя чувства и ваши молитвы и будьте убѣждены во всей моей привязанности къ вамъ. А.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА МОРДВИНОВА КЪ ШЕФУ ЖАНДАРМОВЪ ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

1832—1837.

Печатаются съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" внукомъ графа Бенкендорфа княземъ Петромъ Григорьевичемъ Волконскимъ. Письма 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 13 писаны по-французски и слѣдуютъ здѣсь въ Русскомъ переводѣ.

Горестной памяти Третье Отдѣленіе имѣло первоначальною своею цѣлью отирать слезы несчастныхъ людей, терпящихъ отъ противорѣчивости нашего законодательства и обличать передъ Государемъ злоупотребленія должностныхъ лицъ. Но съ теченіемъ времени перемерли честные люди, въ родѣ его начальника А. Н. Мордвинова и Степана Васильевича Перфильева, въ рукахъ которыхъ находились дѣла этого вѣдомства, и въ послѣдніе годы прошлаго царствованія прочное гнѣздо свило себѣ въ Третьемъ Отдѣленіи враждебное Россіи направленіе, сѣявшее смуту и промышлявшее запугиваньемъ, что и побудило покойнаго Государя 6 Августа 1880 г. упразднить его. П. Б.

1.

Ваше высокопревосходительство!

Представляемое при семъ письмо графа Нессельроде, съ приложеніемъ письма къ нему г-на Пушкина, доставлено было въ канцелярію въ Воскресенье, т.-е. на другой день отъѣзда Ревельской почты, и потому не могъ я онаго отправить прежде сегодняшняго дня. Гости ваши измѣнили вамъ по причинѣ, какъ здѣсь говорятъ, что *холера на морѣ*. Земная наша холера продолжаетъ идти ровнымъ шагомъ: заболѣваетъ въ день человѣкъ 5, 4, 7, и наконецъ вчера заболѣло 10; но всѣ здѣсь совершенно спокойны, и никто о холерѣ не помышляетъ.

Новаго у насъ ничего нѣтъ, и погода все по старому, все идетъ дождь; поселяне тужатъ, что невозможно съ полей убирать хлѣба. Надѣюсь, что, по возвращеніи сюда, ваше высокопревосходительство не найдете уже здѣсь извѣстную вамъ Валевникову. Кажется, что дня черезъ два отправится она въ Полтаву. Отправленіе ея съ фельдъегеремъ въ Управу Благочинія ее очень смягчило, и она соглашается ѣхать; но остается еще превозмочь многія затрудненія. Князь Варшавскій увѣдомилъ, что одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ убійцъ происходившей въ Варшавѣ, въ Августѣ 1831 года, рѣзни пойманъ и преданъ суду. Онъ пришелъ въ Царство Польское изъ Галиціи, переодѣтый крестьяниномъ. Фамилія его Чарномскій; онъ былъ подпоручикомъ. Судя по газетамъ, Донъ-Педро совсѣмъ уничтоженъ; пишутъ, что его разбили, и что онъ принужденъ былъ сѣсть на свои корабли. Куда-то поѣдетъ?

Желая вашему высокопревосходительству многаго удовольствія въ прекрасномъ вашемъ Фаллѣ, имѣю честь быть съ отличнымъ высокопочтеніемъ и преданностію покорнѣйшій слуга

Александръ Мордвиновъ.

17-го Августа 1832.

2.

Я видѣлъ графа Нессельроде, который поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что съ вашего отъѣзда не получено никакихъ новостей изъ-за границы. Ничего еще не рѣшено относительно генерала Муравьева, который теперь здѣсь и на иголкахъ *). Ему со всѣхъ сторонъ, подъ величайшимъ секретомъ, шепчутъ, что онъ получитъ отличное, чудесное назначеніе; но какъ время тянется, то онъ начинаетъ опасаться, что кто нибудь станетъ ему поперекъ дороги. Въ особенности подозрителенъ для него графъ Орловъ; но дня черезъ два или три дѣло выяснится.

Со вчерашняго дня между гвардейскими офицерами ходитъ слухъ о войнѣ. Я полагаю, что поводомъ къ этому слуху близкая возможность столкновенія между Голандіею и Бельгіею.

Ея Величество Императрица въ добромъ здоровьи, и все спокойно. Свѣдѣнія о Варшавѣ, полученныя со вчерашнимъ курьеромъ, не заключаютъ въ себѣ ничего важнаго; они касаются только Поляковъ, которые собираются ѣхать изъ Франціи въ Алжиръ. Но частныя извѣстія изъ Варшавы поистинѣ отвратительны. Поляки и Польки совсѣмъ завладѣли управленіемъ. Образовалось что-то въ родѣ женскаго обще-

*) Говорится о предстоявшей посылкѣ къ Мегметъ-Али. Н. Н. Муравьевъ былъ двоюроднымъ братомъ А. Н. Мордвинову. П. Б.

ства подъ предсѣдательствомъ г-жи Собаньской, продолжающей имѣть большую силу надъ графомъ Виттомъ. Благодаря этому, главныя мѣста предоставляются Полякамъ, и именно тѣмъ, которые наиболѣе участвовали въ мятежѣ. Остальныхъ не призываютъ къ дѣлу, и они жалуются, что оставлены въ покоѣ. Новости эти не съ вѣтру, а вѣрны вполнѣ. Очень печально, а кто виноватъ? Одинъ человѣкъ. Смѣните его кѣмъ либо другимъ, кто смыслитъ въ дѣлахъ управленія и умѣетъ держать себя самостоятельно, и все пойдетъ гораздо лучше, и намъ нечего будетъ такъ тревожиться на счетъ Польши.

Посылаю вамъ при семъ газеты, нѣсколько бумагъ и письмо изъ Тульчина. Трюфли отправлены съ ящикомъ. Примите и пр.

С.-Петербургъ, 19 Октября 1832.

3.

Сегодня утромъ призывалъ меня къ себѣ Государь и передалъ мнѣ сочиненіе объ императорѣ Александрѣ. Оно запрещено здѣсь, и однако читается въ городѣ. Его Величество поручилъ мнѣ постараться, чтобы тѣ экземпляры, про которые я могу узнать, были изъяты изъ обращенія. За тѣмъ Государь спрашивалъ что́ мнѣ извѣстно о Прудзинскомъ и приказалъ тщательно наблюдать за нимъ. Я, съ своей стороны, доложилъ Государю нѣкоторыя подробности о настроеніи умовъ въ Новогородскихъ военныхъ поселеніяхъ, о плохомъ содержаніи и плохой пищѣ гренадерскаго корпуса, недавно пришедшаго въ Новгородъ и о неприличномъ и жестокомъ обращеніи съ людьми, каковое позволяетъ себѣ генералъ Набоковъ. Пріѣхавшій надняхъ изъ Новгорода полковникъ Григоровъ сообщилъ мнѣ про все это. Назначеніе Муравьева должно быть рѣшено сегодня вечеромъ.

С.-Петербургъ, 22 Октября 1832.

4.

Я не писалъ къ вамъ со вчерашнею почтою, предоставляя себѣ эту честь сегодня черезъ г-на Львова, который ѣдетъ къ вамъ сегодня вечеромъ.

Вотъ уже пять дней, какъ я совсѣмъ боленъ, чему я не придалъ бы никакого значенія, еслибы Государю не угодно было именно теперь поручить мнѣ нѣкоторыя дѣла. Боюсь, что болѣзнь воспрепятствуетъ мнѣ исполнить повелѣнія Его Величества съ надлежащею точностью и скоростью. Государь изволилъ еще разъ призывать меня къ себѣ и передалъ мнѣ революціонную книжечку или прокламацію, которую неизвѣстный человѣкъ бросилъ въ темнотѣ солдату, находив-

шемуся въ караулѣ у Екатерининскаго Института. Отыскать этого человѣка можно лишь случаемъ, потому что указаній не имѣется никакихъ. Затѣмъ надѣлала у насъ шуму книжка, пропущенная цензурою, напечатанная и поступившая въ продажу. Заглавіе ея: *Руския сказки казака Луганскаго.* Книжка напечатана самымъ простымъ слогомъ, вполнѣ приспособленнымъ для низшихъ классовъ, для купцовъ, солдатъ и прислуги. Въ ней содержатся насмѣшки надъ правительствомъ, жалобы на горестное положеніе солдата и пр. Я принялъ смѣлость поднести ее Его Величеству, который приказалъ арестовать сочинителя и взять его бумаги для разсмотрѣнія. Я теперь занимаюсь этими бумагами *).

Сію минуту получаю приказаніе черезъ два часа быть у Государя. Я не счелъ возможнымъ отозваться, что я боленъ, такъ какъ еще не слегъ въ постель; но чувствую страшную слабость.

Четвергъ, 7 Октября 1832.

5.

Графъ Нессельроде, котораго я сейчасъ видѣлъ, поручаетъ мнѣ передать вамъ, что онъ получилъ самыя удовлетворительныя извѣстія о дѣлахъ Бельгійскихъ. Дѣло уладится безъ шуму и безъ оружія, потому что Голандскій король согласенъ на свободное плаваніе по Шельдѣ. Если дипломатіи посчастливится привести всю эту исторію къ полюбовному соглашенію, то она поистинѣ много выиграетъ въ общемъ уваженіи. А нечего сказать, она таки не давала себѣ покоя: семьдесятъ протоколовъ, изъ которыхъ не одинъ еще не выполненъ.

Отъѣздъ Муравьева совсѣмъ рѣшенъ; онъ даже получилъ инструкцію, но еще не былъ у Государя. Графъ Нессельроде говорилъ мнѣ нынче, что Муравьевъ отправится черезъ два или три дни.

Вчера Государь былъ не такъ здоровъ и, какъ мнѣ говорили, приказывалъ ставить себѣ піявки къ головѣ.

У насъ уже три дни, какъ стоитъ великолѣпная осенняя погода: легкій морозецъ при яркомъ солнцѣ. Надѣюсь, что вы пользуетесь этою благодатью въ вашихъ готическихъ сооруженіяхъ и наслаждаетесь полнымъ здоровьемъ.

Графъ Апраксинъ еще здѣсь задержанъ на нѣсколько дней семейными дѣлами.

С.-Петербургъ, 29 Октября 1832.

---

*) Этотъ арестъ послужилъ къ извѣстности В. И. Даля: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ В. А. Перовскій взялъ его съ собою въ Оренбургъ правителемъ своей канцеляріи. П. Б.

6.

Вчера Государь получилъ извѣстіе, которое, какъ говорятъ, очень его тронуло. Внезапно скончался графъ Сухтеленъ, Оренбургскій военный губернаторъ. Апоплексическій ударъ поразилъ его въ то время, какъ онъ подписывалъ бумаги. Это великая утрата для края, въ которомъ оставалось ему еще столько устроить, и я полагаю, что замѣнить его будетъ весьма нелегко. По моему мнѣнію, туда лучше всѣхъ годился бы генералъ Горголи. Генералъ Эссенъ невѣроятно какъ возится съ дѣломъ объ игрокахъ: онъ присылаетъ мнѣ бумагу за бумагою, и я вынужденъ представить завтра Государю огромную записку по этому предмету для того, чтобы можно было составить окончательное опредѣленіе.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ боленъ. У него нарывъ въ горлѣ, уже прорвавшійся. Говорятъ, что онъ не будетъ выѣзжать въ теченіе всей Святой Недѣли.

На этихъ дняхъ, по близости отъ меня, случилось убійство: убита служанка, въ отсутствіе своей барыни, причемъ похищены всѣ бывшія въ домѣ деньги. Не знаю навѣрное, сысканъ ли убійца.

Вотъ наши невеселыя новости; но теперь же Страстная недѣля; надо полагать, что Святая насъ порадуетъ. Христосъ воскресе!

1-го Апрѣля 1833.

7.

Пожары здѣсь не прекращаются. Третьяго дни и вчера было по одному еще, оба возлѣ Знаменской церкви. Полиція дѣйствовала исправно и помѣшала огню распространиться, не смотря на то, что третьяго дня былъ сильный вѣтеръ. Послѣднія извѣстія изъ Польши незначительны. По письмамъ бѣжавшихъ Поляковъ видно, что господа эти очень пріуныли. Они жалуются на свое несчастное положеніе и на то, что Нѣмцы выражаютъ имъ мало сочувствія. «Даже во Франкфуртѣ (говорится въ одномъ письмѣ) Полякамъ пришлось ими руководить; изъ этого ты видишь, что Нѣмецкій народъ еще не приготовленъ. Въ этихъ письмахъ упомянуто, что генералъ Дембинскій, Хшановскій, Бернардъ Потоцкій и Ладислаъ Замойскій отправились къ Ибрагиму-пашѣ. Изъ нѣкоторыхъ писемъ оказывается, что захваченъ одинъ Полякъ, пытавшійся умертвить короля Французовъ. Здѣсь все спокойно; но признаюсь, пребываніе Государя въ Петергофѣ мнѣ кажется не совсѣмъ безопаснымъ. Дубельтъ передастъ вамъ подробности о встрѣчѣ Государя одинъ на одинъ съ Полякомъ.

Посылаю вамъ только одну бумагу для Великаго Князя, много газетъ и письмо графа Воронцова, очень замѣчательное.

С.-Петербургъ, 2 Іюня 1833.

8.

На сихъ дняхъ получено увѣдомленіе Виленскаго военнаго губернатора, князя Долгорукова *) о схваченномъ въ Вильнѣ Полякѣ *Шиманскомъ*. Сей Шиманскій оказался изъ числа отправленныхъ изъ Франціи Поляковъ, для произведенія возмущенія въ Польскихъ нашихъ губерніяхъ. Въ отобранномъ отъ него показаніи изложена вся система, по которой существующій во Франціи Польскій Комитетъ дѣйствуетъ. Также показалъ онъ имена другихъ его сообщниковъ и проч. Все сіе представлялъ я Государю, и по случаю того Его Величеству угодно было меня потребовать къ себѣ на Елагинъ островъ и удостоить меня изустными своими по предмету сего дѣла приказаніями, которыя мною тогда же и исполнены. Сверхъ того, Его Величество изволилъ приказать мнѣ, дабы на Елагиномъ островѣ каждый день находились два конные Черкеса въ полномъ вооруженіи. И съ того времени какъ за Его Величествомъ, такъ и за Императрицею, во время ихъ прогулокъ по островамъ, слѣдуетъ Черкесъ верхомъ. Слава Богу, что Государь изволитъ принимать предосторожности въ огражденіе безопасности своей. По крайней мѣрѣ теперь не такъ страшно.

Бывъ у Государя, я замѣтилъ, что Его Величество съ великою живостью говоритъ о замыслахъ Поляковъ и о пособіи, которое имъ оказывается во Франціи. Онъ приказалъ мнѣ тотчасъ всѣ полученныя отъ князя Долгорукова бумаги показать графу Нессельроде, а потомъ и копіи съ оныхъ ему передать и намѣревался войти въ сношеніе по сему предмету съ Французскимъ правительствомъ и настоятельно требовать изгнанія Поляковъ изъ Франціи. Графъ Нессельроде мнѣ сказывалъ, что и самъ Louis Philippe, какъ пишетъ Pozzo di Borgo, того желаетъ, но вѣроятно не имѣетъ достаточно для сего власти. Несчастное правительство!

Прусскій принцъ Альбертъ прибылъ вчера утромъ. Сегодня или завтра Государь возвращается въ Петергофъ. Во время прогулокъ Его Величества въ Петергофѣ, ни на одну минуту не теряютъ его изъ виду, и ни одинъ посторонній человѣкъ не имѣетъ возможности приблизиться къ Его Величеству наединѣ.

Государь довольно долго изволилъ со мною говорить. Всего писать неудобно. По возвращеніи вашего сіятельства, буду имѣть честь о всемъ вамъ доложить.

7-го Іюня 1833.

---

*) Князя Николая Андреевича (которымъ позднѣе тоже овладѣли Поляки). П. Б.

9.

Сегодня представляю вашему сіятельству много бумагъ къ подписанію, ибо я предвижу, что возращеніе ваше сюда будетъ немногимъ предшествовать отъѣзду вашему съ Государемъ Императоромъ, и потому вамъ здѣсь вѣроятно будетъ не очень свободно заниматься бумагами. У насъ здѣсь особенно новаго ничего нѣтъ. Сейчасъ министръ внутреннихъ дѣлъ прислалъ какого-то Француза, взятаго по подозрѣнію въ Курскѣ; но я не успѣлъ еще и бумаги о немъ прочитать.—Не знаю, слышали-ли ваше сіятельство, что генералъ-адъютантъ Демидовъ на Кавказскихъ водахъ умеръ; но мнѣ такъ сказывали, и, говорятъ, опился минеральною водою.

28 Іюля 1833.

10.

Изъ посылаемыхъ у сего газетъ ваше сіятельство изволите увидѣть, что Lafayette наконецъ умеръ. Давно ему пора. По случаю погребенія его было въ Парижѣ собрано 50 т. войска, и за тѣмъ дѣло сіе кончено совершенно тихо. Письма отъ вашего *cher ami* ничего примѣчательнаго не заключаютъ. Шиманскій завтра утромъ отправляется въ Кронштадтъ. Вчера видѣлъ я генерала Лѣсовскаго; онъ въ чрезвычайномъ огорченіи или, лучше сказать, въ иступленіи, что оставленъ еще на нѣсколько недѣль въ забытьи. Новаго у насъ ничего нѣтъ.

24 Мая 1834.

11.

Имѣю честь представить при семъ вашему сіятельству нѣкоторыя бумаги къ подисанію, письма и газеты, которыя и изволите получить съ полковникомъ Дубельтомъ.

На прибывшемъ сюда 28-го Мая пароходѣ «Николай І-й» пріѣхалъ Виртембергскій подданный купецъ *Ритнеръ*, о которомъ получено было изъ Варшавы свѣдѣніе, что онъ есть агентъ революціонной пропаганды и котораго велѣно задержать и осмотрѣть его бумаги. Сей Ритнеръ сейчасъ явился въ канцелярію для полученія контръ-марки, и я приступилъ къ исполненію даннаго мнѣ приказанія. О томъ что̀ окажется, будетъ представлено Государю. Полковникъ Пановъ удачно дѣйствуетъ къ обнаруженію здѣсь продажи запрещенныхъ иностранныхъ книгъ. Завтра полагаю представить о семъ Государю и испросить приказанія Его Величества лавки *) запереть и, продавцовъ аре-

*) Три лавки въ Гостинномъ дворѣ.

стовавъ, учинить имъ въ III-мъ Отдѣленіи допросъ. Это дѣло можетъ вести къ обширнымъ открытіямъ по предмету распространенія запрещенныхъ книгъ. Боюсь, чтобъ не попался Belisard [1]).

Государь 1-го Іюля изволитъ ѣхать въ Петергофъ, гдѣ, говорятъ, пробудетъ до 16-то числа, а тамъ опять переѣдетъ на Елагинъ островъ. Извѣстный вашему сіятельству князь Голицынъ [2]) съ разрѣшенія Государя, отпущенъ на жительство въ имѣніе Потемкиной *Гостилицы*, съ тѣмъ, чтобъ находился тамъ безвыѣздно на поручительствѣ Потемкиной. Это, кажется, она ему выпросила.

Ваше сіятельство теперь вѣроятно въ вашемъ прелестномъ Фаллѣ находитесь въ полномъ наслажденіи. Погода прелестная; но въ городѣ очень, очень знойно. Извѣстія на счетъ произрастанія хлѣбовъ довольно благопріятны. Съ Кавказской линіи отъ нашего штабъ-офицера получены хорошія свѣдѣнія: хлѣба и травы растутъ.

30 Мая 1834.

12.

Зная, сколь драгоцѣнны для вашего сіятельства немногіе свободные дни, проводимые вами въ прелестномъ вашемъ Фаллѣ, я не смѣлъ васъ обременять пустыми моими письмами, а бумагъ вамъ не посылалъ, потому что не встрѣтилось ничего важнаго, заслуживающаго особеннаго вашего вниманія. У насъ здѣсь все благополучно. О новостяхъ иностранныхъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ представляемыхъ г. Сахтынскимъ газетъ; но и тамъ мало занимательнаго, кромѣ успѣховъ Карлистовъ въ Испаніи.

Нашъ cher ami [3]) равномѣрно ничего любопытнаго не пишетъ. Видно только изъ его писемъ, Филиппъ крѣпко борется противъ своихъ министровъ, которые желаютъ помогать королевѣ Испанской. Одинъ Мезонъ держитъ сторону короля и стращаетъ прочихъ нашимъ Государемъ, упираясь на томъ, что ему извѣстно расположеніе по сему предмету Его Величества.

Вчера начались маневры, по окончаніи которыхъ Государь, какъ сказываютъ, опять на нѣкоторое время изволитъ переѣхать на Елагинъ островъ, чтобы принцу Голандскому показывать городъ.

7-го Іюня 1835.

---

[1]) Подъ этимъ именемъ, кажется, надо разумѣть проживавшаго въ Парижѣ Якова Николаевича Толстова. П. Б.

[2]) Петербургскій книгопродавецъ. П. Б.

[3]) Князь Николай Борисовичъ Голицынъ, извѣстный музыкантъ и писатель. П. Б.

13.

Графъ Воронцовъ здѣсь третій день. Онъ непремѣнно хочетъ навѣстить васъ въ Фаллѣ; я же лишенъ этого удовольствія. Дубельтъ доложитъ вамъ, почему именно, и я думаю, что вы одобрите мои доводы. У меня есть нѣсколько дѣлъ, а другія предвидятся, такъ что я не могу просить у Государя позволенія уѣхать. Его Величество въ отличномъ здоровьи и сегодня переѣзжаетъ въ Петергофъ. Приходятъ отличныя извѣстія о путешествіи Великаго Князя Наслѣдника. Это поистинѣ тріумфальное шествіе. Всюду принимаютъ его съ отмѣннымъ восторгомъ. Донесенія о томъ приходятъ къ намъ безпрестанно, но Государь не придаетъ имъ большой цѣны. Ему желательно, чтобы извѣстія были самыя краткія. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ онъ не совсѣмъ правъ; ибо вообще публикѣ пріятно было бы читать про всеобщую народную преданность къ Наслѣднику и про любовь, которую онъ къ себѣ внушаетъ повсюду.

Извѣстная вамъ г-жа Сукини опять принялась за свои мерзкія безъимянныя письма, и мнѣ кажется, что слѣдовало бы нѣсколько вразумить ее. Государь приказалъ мнѣ, чтобъ я постарался достать уликъ противъ нея. Теперь я этимъ занятъ и, можетъ быть, буду имѣть удачу.

Здѣсь давно уже занимаются дѣломъ г-жи Татариновой. Его передавали и объяснили на всякіе лады. Теперь оно кончено, и больше не говорятъ про него. Все ихъ общество въ настоящее время разсѣяно. Главныя лица разосланы по монастырямъ. Забавно, что въ домѣ у нихъ найдена бронзовая позолоченая статуя старика князя Александра Голицына, отличной работы, на подставкѣ съ символическими знаками. Повидимому онъ считался покровитемъ этого почтеннаго сборища.

На этотъ разъ не имѣю ничего больше сообщить вамъ, развѣ о томъ, что послу Дюргаму, говорятъ, данъ Андреевскій орденъ.

С.-Петербургъ 1 Іюня 1837.

14.

По приказанію Государя Императора, имѣю честь представить при семъ вашему сіятельству Французскій переводъ статьи объ Остзейскихъ губерніяхъ, назначенной къ напечатанію въ газетѣ «Allgemeine Zeitung, но цензурою не пропущенной. На семъ переводѣ рукою Его Величества написано: *Стоило бы узнать, кто это писалъ. Пошлите графу Бенкендорфу на прочтеніе, поручивъ ему показать это кому знаетъ.* Мнѣ неизвѣстно, отъ кого Государь изволилъ получить эту статью, но полагаю, что чрезъ бар. Швейцера ближе бы всего можно узнать о сочинителѣ ея. Дай Богъ, чтобъ вы скорѣе совершенно

оправились и пріѣхали къ намъ въ прежнемъ вашемъ положеніи. Я въ особенности съ большимъ нетерпѣніемъ этого ожидаю. Sans vous notre partie commence à se démoraliser: nous commençons à avoir la main un peu dure. Je fais mon possible, mais je suis si peu de chose et n'ai point de voix au chapitre. Parmi l'entourage de l' Empereur on s'occupe beaucoup à savoir, si vous serez de force à accompagner Sa Majesté dons son voyage. Cela intrigue beaucoup de monde; cela fait aussi intriguer quelques personnes, et je crois que celui, qui vous écrit la lettre ci-jointe, malgré son apparente franchise un peu brutale, n'est pas le moins actif dans cette occasion *).

Наслѣдникъ благополучно продолжаетъ свое путешествіе. Появленіе его въ Сибири есть вещь совершенно новая, необычайная для сего края, гдѣ еще никогда никто изъ Царскаго Дома не бывалъ. Ходатайство Его Высочества обратилось и на нѣкоторыхъ государственныхъ преступниковъ. Вчера послѣдовало повелѣніе объ опредѣленіи на Кавказъ рядовыми: Нарышкина, Розена, Фохта, Лорера и Лихарева. Всѣ они были поселены въ Курганѣ. Это важный для нихъ шагъ и конечно большая милость. Одоевскаго также назначили на Кавказъ, но это по письму его къ вашему сіяельству, которое я представлялъ Государю.

24-го Іюня 1837.

15.

Сюда съѣзжаются теперь гражданскіе губернаторы, назначенные для совѣщанія относительно новаго управленія казенными крестьянами; Пещуровъ, Муравьевъ и Гамалей уже пріѣхали. Все люди умные, дѣльные и знающіе хорошо бытъ крестьянъ; слѣдовательно, можно надѣяться, что къ этому важному дѣлу будетъ приступлено съ должною осмотрительностію, съ надлежащимъ благоразуміемъ, не опрометчиво; иначе могли бы надѣлать тревоги. Казенные крестьяне народъ буйный, разгульный. При этихъ перемѣнахъ легко могутъ они быть вовлечены неблагонамѣренными людьми въ безпорядки. Генералъ Киселевъ человѣкъ умный, но не имѣетъ, я полагаю, основательныхъ свѣдѣній о внутреннемъ управленіи, и притомъ расположенъ, кажется,

*) Въ ваше отсутствіе вѣдомство паше начинаетъ портиться: мы начинаемъ быть крѣпки на руку. Я дѣлаю что могу, но я значу слишкомъ мало и не имѣю рѣшительнаго голоса. Лица, окружающія Государя, заботливо стараются узнать, въ состояніи ли вы будете сопровождать его въ предстоящемъ путешествіи. Это многихъ занимаетъ; нѣкоторыя лица также интригуютъ, и я полагаю, что то лицо, котораго письмо къ вамъ здѣсь прилагается, принадлежитъ къ числу наиболѣе занятыхъ этимъ вопросомъ, вопреки кажущейся нѣсколько грубоватой его откровенности.

дѣйствовать быстро. А потому весьма полезно будетъ хладное противудѣйствіе назначенныхъ совѣщателей.

18-го Сентября 1837.

16.

(Безъ числа).

Во Вторникъ, 10-го сего Августа, по отходѣ уже почты въ Ревель, получены бумаги отъ Государя изъ Ковно, отъ 7-го Августа. Для выигранія времени къ исполненію Высочайшихъ повелѣній я рѣшился вскрыть пакетъ, на имя вашего сіятельства адресованный, и оказавшуюся въ немъ, въ числѣ прочихъ докладовъ, записку вашу съ собственноручными на ней Его Величества отмѣтками при семъ честь имѣю представить. Исполнительная бумага на счетъ бывшаго священника Романова, котораго Его Величество изволилъ повелѣть содержать отдѣльно, равномѣрно у сего представляется. Не знаю, не побраните-ли ваше сіятельство меня, что я вскрылъ пакетъ отъ Его Величества, и прошу вашего разрѣшенія, какъ на будущее время мнѣ въ подобныхъ случаяхъ поступать.

Сюда прибылъ изъ Симбирска подполковникъ корпуса жандармовъ Стоговъ. Я съ нимъ много говорилъ на счетъ донесеній его объ удѣльномъ управленіи, и долженъ признаться вашему сіятельству, что нахожу въ немъ человѣка по крайней мѣрѣ весьма благороднаго и начинаю сомнѣваться въ истинѣ всего того, что написалъ Перовскій. Разсказы Стогова тѣмъ болѣе еще убѣждаютъ меня въ точномъ существованіи многихъ злоупотребленій по удѣльному управленію въ Симбирской губерніи, что разсказы сіи во многомъ сходны съ тѣмъ, что мнѣ говорилъ Симбирскій губернаторъ Хомутовъ, съ тою разностію, что Хомутовъ гораздо воздержнѣе, а Стоговъ рѣшительнѣе и откровеннѣе изъяснялся. Онъ тотчасъ по прибытіи своемъ написалъ свое объясненіе противъ донесенія Перовскаго. Объясненія сего я не видалъ, но по словамъ его сужу, что оно должно быть разительно. Генералъ Дубельтъ вѣроятно съ нынѣшнею почтою ихъ вамъ представитъ. Вся эта суматоха вѣроятно будетъ имѣть ту пользу, что удѣльное начальство обратитъ еще большее вниманіе на своихъ чиновниковъ; но жаль того, что ваше сіятельство лишитесь, можетъ быть, хорошаго штабъ-офицера. Подполковникъ Стоговъ мнѣ говорилъ, что обстоятельства его никакъ не позволяютъ ему служить въ Вильнѣ, куда онъ нынѣ переведенъ, и что онъ по сей причинѣ вынужденъ будетъ, къ крайнему своему сожалѣнію, оставить корпусъ жандармовъ. Смѣю думать, что сохраненіе сего штабъ-офицера было бы для службы весьма полезно. Здѣсь носятся слухи, будто-бы князь Варшавскій ѣдетъ за границу и что на его мѣсто назначается графъ Толь.

СТРАННОЕ ОБВИНЕНІЕ.

Кто читалъ все, когда либо писанное мною о Кавказѣ и тамошнихъ дѣлахъ, вѣроятно не могъ не замѣтить, что я создалъ себѣ изъ поклоненія генералу Евдокимову нѣчто въ родѣ особаго культа. Съ 1851 года, когда я былъ переведенъ на службу въ Дагестанскій полкъ, гдѣ еще свѣжи были всѣ слѣды командованія полкомъ Николая Ивановича Евдокимова и гдѣ я засталъ двухъ близкихъ его родственниковъ, ставшихъ моими товарищами, личность его не переставала меня интересовать и возбуждать особое уваженіе, даже болѣе—удивленіе. Проведя самъ юношескіе годы въ горахъ, среди полудикихъ людей, наслушавшись разсказовъ о различныхъ происшествіяхъ самаго героически-воинственнаго характера, пропитавшись, нѣкоторымъ образомъ, всею дико-воинственною поэзіею Кавказа, я, само собою, не могъ не воспылать особымъ сочувствіемъ къ человѣку, подвиги котораго совершенно соотвѣтствовали моему юношески-восторженному настроенію. Когда же, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, судьба привела меня очутиться въ ближайшемъ подчиненіи этого самаго, заочно столь почитаемаго мною человѣка, когда въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, безразлучно находясь при немъ въ качествѣ исполнителя его приказаній, въ эпоху покоренія Чечни, я узналъ его вполнѣ, уже не какъ обыкновеннаго офицера, отличавшагося изумительною отвагою, смѣтливостью и находчивостью, а какъ генерала, двигающаго десятками тысячъ войскъ, выполняющаго главную задачу того времени на Кавказѣ: тогда мое поклоненіе ему стало незыблимымъ. Я выкапывалъ изъ архива все, что̀ могло дать матеріалъ для ознакомленія въ печати съ именемъ Евдокимова; въ „Русскомъ Вѣстникѣ", въ „Современникѣ", въ разныхъ газетахъ, въ той или другой формѣ, это имя стояло у меня на первомъ планѣ; я отстаивалъ его отъ нападокъ главнокомандовавшаго Головина, отъ не совсѣмъ правильныхъ отношеній генерала Фези; я изобличалъ сплетни и росказни по поводу проѣзда въ 1850 году покойнаго Государя по правому флангу Кавказской линіи; я по собственной иниціативѣ привѣтствовалъ гр. Евдокимова рѣчью, когда съ нимъ, уходившимъ на покой, прощались представители войскъ Кубанской области, и въ этой рѣчи, безъ льстивыхъ выраженій, очертилъ всю важность его заслугъ государству. Живя за границей и прочитавъ печальное извѣстіе о безвременной кончинѣ Николая Ивановича, я тотчасъ же напечаталъ въ издаваемой тогда г. Трубниковымъ большой политической газетѣ краткій некрологъ, въ которомъ, если не ошибаюсь, единственно я опять воздалъ дань великимъ заслугахъ покойнаго. Наконецъ, коснувшись въ моихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ болѣе подробно эпохи покоренія Кавказа и того значенія, какое въ этомъ отношеніи имѣлъ графъ Евдокимовъ, я прямо поставилъ его наряду съ княземъ Барятинскимъ, покорителемъ Кавказа и высказалъ, что государство должно ему поставить па-

мятникъ; при этомъ доставилъ въ редакцію „Русскаго Архива“ портретъ, снятый съ хранящейся у меня карточки съ своеручною подписью покойнаго *), все въ видахъ распространенія по Россіи извѣстности Евдокимова. И все это писалось или говорилось мною, когда я или вовсе не былъ подчиненнымъ Н. И. или онъ уже не служилъ, или отошелъ въ лучшій міръ.

Словомъ, какъ я сказалъ выше, поклоненіе г-лу Евдокимову составляло для меня нѣкоторымъ образомъ культъ, особую спеціальность. Въ Петербургѣ, когда мнѣ случалось попадать въ кругъ высокопоставленныхъ старыхъ Кавказцевъ, меня такъ и встрѣчали: „а, поклонникъ Евдокимова!“ Къ крайнему сожалѣнію, въ тѣже старыя времена на Кавказѣ, когда дѣйствовалъ Н. И. Евдокимовъ, а впослѣдствіи и по всей Россіи, утвердилась молва о небезупречныхъ распоряженіяхъ покойнаго въ дѣлахъ, сопряженныхъ съ казенными расходами. О существованіи такой молвы знали всѣ—и власти, и подчиненные, и публика. Откуда взялась молва, на чемъ она была основана, почему именно въ отношеніи Ник. Ив. такъ настойчиво ее распространяли, положительно сказать нельзя; но всеобщая молва была, и никто этого опровергнуть не съумѣетъ, ибо сохранились достаточно вѣскія письменныя данныя, именно по поводу этой молвы,—не говоря о многихъ живыхъ еще современникахъ. Вотъ именно это обстоятельство и побудило меня, описывая великія дѣла и подвиги моего героя, упомянуть и о той слабой сторонѣ, о которой такъ много трубили, чтобы читатели моихъ писаній не сказали: „можно ли вѣрить человѣку, который хочетъ выставить какого-то ангела во плоти, безгрѣшнаго, святаго, совершенство? Выставить военнаго генерала, мірянина, нечуждаго—какъ всѣ люди на свѣтѣ—разныхъ слабостей, идеаломъ, вписать его чуть не въ житія святыхъ?...“ Но упомянулъ я объ этой молвѣ не какъ обвинитель, а болѣе какъ защитникъ. Я не отвергалъ вполнѣ, но отчасти сомнѣвался и приводилъ массу смягчающихъ обстоятельствъ, даже оправдывающихъ; я прямо и рѣзко ставилъ вопросъ: кто же не дѣлалъ того же въ тѣ времена, и почему такъ настойчиво на одного обрушиваться?

Пусть со вниманіемъ прочитавшій все мною писанное безпристрастно скажетъ: есть ли гдѣ нибудь тѣнь желанія обвинять, опорочить, унизить? Не напротивъ ли, не къ защитѣ ли отъ нападокъ, не съ упрекомъ ли къ нападающимъ, не къ восхваленію и возвеличенію ли все у меня направлено? Можетъ быть, я провинился въ томъ, что вскользь упомянулъ о нѣкоторомъ вредѣ вліянія родственныхъ сферъ покойнаго и—inde ira et lacrimae...

Вдругъ находится читатель, который считаетъ своею обязанностью „на старости лѣтъ взяться за перо“ (какая скромность со стороны человѣка, проведшаго всю жизнь съ перомъ въ рукахъ!) и выступить съ *защитою* графа Евдокимова *противъ меня* (?!) Состоящій по Кубанскому казачьему войску генералъ-маіоръ Кравцовъ, въ „Русской Старинѣ“ за Іюнь и Іюль 1886 г., что называется, „обработалъ“ меня на славу.

---

*) Портретъ этотъ приложенъ къ 1-й книгѣ Р. Архива 1885 г.

Я ничего не имѣю противъ всякой полемики, противъ указанія ошибокъ, противъ опроверженія ложныхъ взглядовъ и т. д. Не ошибается никогда тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. И какой бы ограниченный человѣкъ я ни былъ, все же непогрѣшимымъ считать себя не думаю. Нужно только, чтобы полемика не прибѣгала къ извращеніямъ смысла, къ подтасовкамъ и—это главное—по возможности держалась въ предѣлахъ приличія. Дѣло вовсе не въ „обработкѣ" литературнаго противника лично, въ инсинуаціяхъ на него, а въ опроверженіи писаннаго имъ, если оно ложно, въ доказательствѣ противнаго тому—что онъ говоритъ. Я, по крайней мѣрѣ, всегда держался такихъ правилъ въ полемикѣ, не отступлю отъ нихъ и теперь и не послѣдую за г. Кравцовымъ въ его пріемахъ.

Г. Кравцовъ (см. стр. 564, Іюнь. „Р. Старина") говоритъ, что по прибытіи князя Барятинскаго осенью 1856 г. на Кавказъ, онъ вызвалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру ген. Евдокимова, и тамъ былъ рѣшенъ въ главныхъ чертахъ планъ *покоренія Кавказа*, при дѣятельномъ участіи Евдокимова. „Это признавали естественнымъ, такъ какъ Евдокимовъ зналъ *этотъ край* лучше, чѣмъ баронъ Врангель, командовавшій *въ немъ* войсками и присутствовавшій на совѣщаніи, да и самъ князь Барятинскій, а свѣтлый умъ Ник. Ивановича давно уже изучилъ какъ сильныя, такъ и слабыя стороны непріятеля, что все было извѣстно князю Барятинскому."

Во всемъ этомъ періодѣ не вижу рѣшительно никакого смысла. Если рѣчь шла о планѣ покоренія Кавказа, то какъ же тутъ вяжется фраза „Евдокимовъ зналъ *тотъ* край лучше чѣмъ Врангель, командовавшій *въ немъ* войсками?" Развѣ Врангель командовалъ войсками всего Кавказа? Или, что значитъ: да и самъ кн. Барятинскій, а свѣтлый умъ Ник. Ив. давно уже изучилъ и т. д.? Не понимаю. Можетъ быть крупная опечатка?

Я былъ тогда въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ съ ген. Евдокимовымъ и могу увѣрить г. Кравцова, что въ совѣщаніяхъ принималъ участіе командовавшій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ князь Григорій Дмитріевичъ Орбельянъ, а не баронъ Врангель, находившійся въ то время въ Петербургѣ начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи. (Собственно Дагестанъ не менѣе Евдокимова хорошо былъ извѣстенъ и кн. Орбельяну, какъ очень долго, съ оберъ-офицерскихъ чиновъ, въ разныхъ должностяхъ тамъ прослужившему.) Само собою, на совѣщаніяхъ я не присутствовалъ, но очень хорошо помню слова Ник. Ивановича, что рѣшено прежде всего главныя дѣйствія вести на Лѣвомъ крылѣ, окончательно покорить Чечню и связать оконечности Дагестана съ Лѣвымъ крыломъ прочными сообщеніями. Все это было весьма важно и, при успѣшномъ исполненіи, приближало къ цѣли; но только весною 1857 г., когда князь Барятинскій посѣтилъ Лѣвое крыло и въ Аухѣ (опять же съ ген. Евдокимовымъ и кн. Орбельяномъ) имѣлъ совѣщаніе, были рѣшены дальнѣйшіе шаги въ наступленіи на Восточный Кавказъ съ трехъ сторонъ; хотя и тогда, до выполненія предположенныхъ приготовительныхъ задачъ, особенно до покоренія Чечни, едвали была возможность опредѣлить окончательный планъ покоренія Восточнаго Кавказа. Это была

задача гораздо болѣе сложная, вслѣдствіе единства власти Шамиля и сосѣдства мусульманскаго населенія, чѣмъ покореніе Западнаго Кавказа.

(На стр. 129. Іюль,) г-нъ Кравцовъ говоритъ: „Извѣстно на Кавказѣ всѣмъ, что на изъявленную въ 1859 году генералу Филипсону покорность Абадзеховъ, присягнувшихъ будто бы на вѣчное подданство и подписавшихся на присяжномъ листѣ, смотрѣли всѣ, *а въ томъ числѣ и кн. Барятинскій*, съ полнымъ недовѣріемъ. Напротивъ, г. Зиссерманъ, въ примѣчаніи своемъ на посмертныя Записки Филипсона, которыя поручала ему редакція „Архива“ разсмотрѣть, какъ компетентному судьѣ Кавказскихъ дѣлъ (какое заблужденіе!), выразилъ мнѣніе, въ ущербъ своему благодѣтелю гр. Евдокимову, будто покореніемъ помянутаго народа достигнуты важные результаты на Кавказѣ, значительно облегчившіе его покореніе.“

Во 1-хъ, никогда редакція „Русск. Архива“ не передавала мнѣ на разсмотрѣніе Записокъ Филипсона; во 2-хъ, считаетъ ли меня редакція компетентнымъ въ Кавказскихъ дѣлахъ, не знаю: никогда объ этомъ ни съ кѣмъ не говорилъ, ничего объ этомъ не слышалъ. Въ 3-хъ, язвительное восклицаніе „какое заблужденіе!“ принимаю съ полною покорностью предъ приговоромъ столь компетентнаго человѣка, какъ высокоуважаемый г. Кравцовъ, изучившій Кавказъ на громадномъ пространствѣ отъ Баталпашинска чрезъ Александровъ до Ставрополя и обратно. Въ 4-хъ, гдѣ это г. Кравцовъ вычиталъ, что я говорилъ о покореніи Филипсономъ Абадзеховъ? Предо мною лежитъ № 3 „Р. Архива“ за 1884 годъ, гдѣ помѣщена моя замѣтка: „къ Запискамъ Г. И. Филипсона.“ Читаю и перечитываю, но ни единаго слова объ этомъ не нахожу. Я указалъ, напротивъ, на нѣсколько ошибокъ въ воспоминаніяхъ ген. Филипсона и вскользь, общими словами, упомянулъ, что кн. Барятинскій вынужденъ былъ передать покореніе Западнаго Кавказа въ энергическія руки гр. Евдокимова; ибо, при всемъ уваженіи къ ген. Филипсону, князь не могъ не видѣть, что весьма значительныя военныя средства, данныя ему въ 1860—1861 гг., не привели къ тѣмъ результатамъ, какихъ слѣдовало ожидать; но что тѣмъ не менѣе четырехлѣтнее командованіе г. Филипсона на Западномъ Кавказѣ было важнымъ подготовительнымъ періодомъ для окончательнаго покоренія Кавказа. Гдѣ же тутъ выражено мнѣніе въ *ущербъ* (!) моего *благодѣтеля* (!) о важныхъ результатахъ отъ изъявленія покорности Абадзехами? И что это за ущербъ? Какъ будто между Филипсономъ и Евдокимовымъ идетъ какое-то состязаніе, процесъ, о томъ кто покоритель Кавказа, и я выступаю въ роли судьи въ ущербъ одному, и въ прибыль другому!.. Каждому свое. Никто, никогда не думалъ приписывать ген. Филипсону роли покорителя Кавказа, менѣе всего самъ онъ приписывалъ себѣ что либо подобное; вездѣ и постоянно, напротивъ, приписываю я это гр. Евдокимову, а г. Кравцовъ, вообразивъ меня въ числѣ противниковъ Н. И., съумѣлъ прочитать въ моей замѣткѣ то, о чемъ тамъ и помина нѣтъ.

Я однако догадываюсь, какимъ образомъ г. Кравцовъ попалъ въ этотъ просакъ. Въ той же книгѣ „Р. Архива“ есть другая замѣтка по поводу вос-

поминаній Г. И. Филипсона, въ которой между прочимъ говорится о важной заслугѣ его Кавказскому краю покореніемъ въ 1859 г. Абадзеховъ, что и выражено въ рескриптѣ ему на орденъ Св. Александра Невскаго. Замѣтка эта совершенно неизвѣстнаго мнѣ автора и, къ тому же, вѣроятно не близко знакомаго съ Кавказомъ. Я никогда безъ полной подписи ничего въ журналахъ не печатаю. Еслибы г. Кравцовъ внимательнѣе читалъ эти, такъ непонравившіяся ему примѣчанія, то уже по одной крупной ошибкѣ, въ нихъ бросающейся въ глаза, долженъ бы видѣть, что я не могъ быть ихъ авторомъ: тамъ говорится и повторяется не разъ, что „въ 1859 г. покоренъ *Западный* Кавказъ, а Филипсонъ, какъ командующій войсками *Восточнаго*, составилъ проектъ о покореніи этой части „и проч. Не допускаю, чтобы г. Кравцовъ такъ далеко отвергалъ мою компетентность и полагалъ, что я даже не знаю гдѣ Восточный и гдѣ Западный Кавказъ и гдѣ командовалъ Филипсонъ. О важности значенія присяги Абадзеховъ я здѣсь распространяться не буду. Я самъ никогда подобнымъ присягамъ никакого значенія не придавалъ и такой взглядъ основывалъ на изученіи исторіи нашихъ многолѣтнихъ дѣйствій на Кавказѣ. Я зналъ, какъ почти наканунѣ общаго возстанія всего Дагестана въ 1843 году „многіе народы приняли присягу на вѣрность,“ какъ въ 1837 г., въ Тилитлѣ, даже самъ Шамиль принялъ такую присягу, и аманатовъ выдавали. Азіятцы покоряются не подписями на присяжныхъ листахъ... Г. Кравцовъ, очевидно читавшій мною писанное, долженъ бы имѣть въ виду этотъ взглядъ мой и усумниться въ возможности съ моей стороны такихъ противорѣчій, еслибы онъ приступилъ къ своей статьѣ не съ заранѣе опредѣленною заднею мыслью „обработать“ во что бы ни-стало.

Однако при этомъ нельзя не сдѣлать подого замѣчанія: во многихъ мѣстахъ г Кравцовъ ссылается на рескрипты и награды, какъ на неопровержимыя доказательства, подтверждающія его слова. Хорошо; нельзя же у такихъ актовъ отнимать значеніе. Но, въ такомъ случаѣ, почему же рескрипты и награды одному лицу служатъ доказательствомъ дѣйствительныхъ заслугъ, а для другаго они этого значенія не имѣютъ? Вѣдь генералу Филипсону въ рескриптѣ на орденъ Св. Александра Невскаго сказано, что это за покореніе Абадзеховъ и важныя заслуги, оказанныя Кавказскому краю. Вѣдь выходъ къ намъ Магометъ-Эмина, при изъявленіи покорности Абадзехами, и отправленіе его въ Петербургъ произвели тамъ немалый эфектъ и вызвали пожалованіе князю Барятинскому фельдмаршальскаго жезла; слѣдовательно, придавалось этому эпизоду, т. е. покорности Абадзеховъ, большое значеніе?..

Г. Кравцовъ находитъ вообще чѣмъ-то пошлымъ съ моей стороны основываться на бумажныхъ фактахъ; онъ самъ не держится такого пріема въ изложеніи событій, принадлежащихъ исторіи, и говоритъ, напримѣръ, рѣшительно, что на изъявленіе Абадзехами покорности въ 1859 году смотрѣли всѣ, *въ томъ числѣ и князь Барятинскій*, съ недовѣріемъ. Между тѣмъ князь, въ своемъ письмѣ къ Государю, отъ 28 Ноября 1859 г. изъ Тиф-

лиса, писалъ слѣдующее: „Я весьма счастливъ, имѣя возможность, предъ моимъ пріѣздомъ въ С.-Петербургъ, довести до свѣдѣнія Вашего Величества о *великомъ дѣлѣ*, совершившемся на Правомъ крылѣ Кавказа. Магометъ-Эминъ со своими Абадзехами, въ числѣ 100 т. душъ, покорились скипетру Вашему. Этотъ *великій успѣхъ* есть послѣдствіе хорошихъ распоряженій и неутомимаго усердія генералъ-лейтенанта Филипсона. По желанію Магометъ-Эмина быть осчастливленнымъ лично повергнуться къ стопамъ Вашего Величества, я отправляю его сейчасъ въ Петербургъ. Позволяю себѣ думать, что это *произведетъ чрезвычайный эфектъ между всѣми племенами Кавказа*; ибо хотя онъ не пользовался такою всемірною извѣстностью какъ Шамиль, однако *Кавказъ, Турція и наши западные друзья достаточно знакомы съ этимъ грознымъ именемъ*. Мнѣ нечего распространяться, какъ я счастливъ, имѣя возможность увѣрить сегодня Ваше Величество, что мы *приближаемся къ концу*, который самъ по себѣ уже обезсмертитъ Ваше царствованіе. Позволяю себѣ просить Ваше Величество о награжденіи ген. Филипсона орденомъ св. Александра Невскаго и не оставить подчиненныя ему войска безъ знаковъ Вашего благоволенія“ *).

Это было писано за годъ до назначенія графа Евдокимова на Правое крыло. Нужны ли послѣ этого коментаріи? Итакъ, по выводамъ г. Кравцова, всѣ, даже князь Барятинскій, не придавали присягѣ Абадзеховъ никакого значенія, а только я силился доказывать это въ ущербъ гр. Евдокимову; на дѣлѣ же происходитъ совершенно обратно: я не придавалъ этому особаго значенія и нигдѣ объ этомъ не упомянулъ; другіе же и князь Барятинскій называли это великимъ успѣхомъ, приближеніемъ конца...

(Стр. 130 Іюль.) Г. Кравцовъ говоритъ: „Подобно М. П. Ольшевскому, но гораздо рѣшительнѣе г. Зиссерманъ усиливается доказать мнимую основательность своихъ личныхъ разсужденій, клонящихся къ значительному умаленію заслугъ гр. Евдокимова (?!) тѣмъ, что будто бы онъ дѣйствовалъ при покореніи Западнаго Кавказа по какимъ-то *„старымъ“* проектамъ, составленнымъ другими лицами еще *въ 1857 году* (1857—1862 около пяти лѣтъ, и уже старые?); что ни мысль о выселеніи Черкесовъ и колонизаціи этого края казаками, ни даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленная, не принадлежала гр. Евдокимову, а что все это было выработано за пять лѣтъ до назначенія его въ Кубанскую область. И это свое мнѣніе г. Зиссерманъ основываетъ главнымъ образомъ на изученіи какихъ-то бумажныхъ фактовъ, а не на живомъ дѣлѣ“. Въ подтвержденіе этого обвиненія г. Кравцовъ ссылается на мою Исторію Кабардинскаго полка, томъ 3, стр. 372 и 443.

Развертываю указанную 372 стр., а для большей ясности и 371-ю Исторіи Кабард. полка и читаю: „Дѣйствія въ Закубанскомъ краѣ въ 1860 г. (по предположеніямъ кн. Барятинскаго, представленнымъ чрезъ военнаго министра Государю) должны были продолжаться *по тому же плану, какъ*

*) Переводъ съ Французскаго.

вообще въ послѣдніе годы; слѣдовало довершить казачье поселеніе между Кубанью и Бѣлой, упрочить передовыя линіи Бѣлорѣченскую и Адагумскую, для чего имѣть два отряда". Это говорилъ я не какъ мое разсужденіе, а выписывалъ изъ представленія главнокомандующаго военному министру отъ 13-го Ноября 1859 года, и г. Кравцовъ укоряетъ меня, что я основываю свои мнѣнія на *какихъ-то* бумажныхъ фактахъ. Итакъ, представленія главнокомандующаго Государю *какіе-то* бумажные факты! Дальше, приводя невозможность предпринять что нибудь со стороны моря, вслѣдствіе слабости тогда нашихъ морскихъ силъ, я указываю на общеизвѣстныя Англо-турецкія интриги, на ихъ агентовъ и разныхъ авантюристовъ, усилившихъ свою дѣятельность на Восточномъ берегу Чернаго моря и снабжавшихъ горцевъ боевыми средствами, что возбуждало среди этихъ легковѣрныхъ людей надежды на близкую помощь Европы. Это и было причиной гибели всего почти Черкескаго племени; ибо, не согласившись выселиться на плоскость подъ наше управленіе, они, послѣ страшныхъ потерь въ борьбѣ съ Русскими войсками, съ нуждою, тифомъ и оспой, припертые къ морю, рѣшились переселиться въ Турцію, гдѣ ихъ постигла ужасная судьба. Такимъ образомъ, враги Россіи оказали ей, противъ своего желанія, громадную услугу: избавили насъ отъ полумилліоннаго населенія, покорность котораго, въ теченіе еще многихъ лѣтъ, была бы весьма проблематической, требовала бы большихъ заботъ и расходовъ, и—самое важное—при первой войнѣ, въ которой Черное море оказалось бы въ рукахъ непріятеля, достаточно было высадки небольшаго иноземнаго десанта, чтобы возмутить Черкескія племена, что легко могло отозваться и на Восточномъ Кавказѣ, и поставить насъ въ крайне-затруднительное положеніе. (Событія 1877 года вполнѣ оправдали подобныя опасенія, и хорошо, что на берегахъ Кубани не было этого полумилліона Черкесовъ...)

Въ виду подобной возможности, князь Барятинскій еще въ 1857 году представилъ Государю записку Д. А. Милютина о неизбѣжности занятія всего пространства Западнаго Кавказа, по обѣимъ сторонамъ хребта, вооруженнымъ казачьимъ населеніемъ, съ учрежденіемъ опорныхъ пунктовъ и обезпеченныхъ путей сообщенія; туземное же населеніе водворить на плодородныхъ мѣстахъ лѣваго берега Кубани, подъ надзоромъ и управленіемъ нашей администраціи. Записка эта, лично доложенная Государю Д. А. Милютинымъ, встрѣтила одобреніе Его Величества. Особый комитетъ, состоявшій изъ министровъ и весьма высокопоставленныхъ государственныхъ дѣятелей, разсматривалъ ее въ Петербургѣ, находилъ изложенныя въ ней мѣры полезными, съ тѣмъ однако, чтобы не оставлять горцевъ безъ достаточнаго земельнаго надѣла и „не ставить ихъ въ отчаянное положеніе". А г-нъ Кравцовъ презрительно называетъ такіе документы *какими-то* бумажными фактами!..

Итакъ, главная цѣль дѣйствій за Кубанью заключалась въ вынужденіи туземнаго населенія покориться и выходить на указываемыя ему мѣста, или же тѣснить его постепенно съ плоскости въ горы, заселяя остав-

ляемыя ими мѣста казачьими станицами; наконецъ, вытѣснить туземцевъ изъ горъ къ морю, а затѣмъ, если не пожелаютъ принять предложенныхъ условій, то оказать имъ помощь къ переселенію въ Турцію, а горную полосу и морской берегъ тоже занять подъ казачьи поселенія.

Само собою, близко знакомыя съ мѣстными условіями лица, стоявшія во главѣ Кавказскаго управленія, желали послѣдняго, т.-е. выселенія горцевъ въ Турцію, какъ единственнаго средства упрочить спокойное владѣніе Западнымъ Кавказомъ; но прямо это не высказывалось, въ виду такихъ взглядовъ, какіе выразились въ вышеприведенномъ мнѣніи комитета: „не ставить горцевъ въ отчаянное положеніе“, и въ разныхъ высокогуманныхъ запискахъ, исходившихъ отъ нашего посольства въ Константинополѣ, отъ атамана Донскаго войска г-ла Хомутова, отъ графа Коцебу и другихъ лицъ. Все это препровождалось для соображенія къ кн. Барятинскому. Д. А. Милютинъ на каждый пунктъ обширныхъ записокъ дѣлалъ мѣткія, убѣдительныя поясненія, разбивавшія мечтательно-гуманныя разглагольствованія, въ виду неотложной государственной необходимости...

Эти записки, предположенія, соображенія и рѣшенія происходили въ 1857—58 гг. когда генералъ Евдокимовъ былъ начальникомъ войскъ Лѣваго крыла и усиленно работалъ надъ покореніемъ Чечни; когда еще нельзя было опредѣлить времени покоренія Восточнаго Кавказа и никому въ голову не приходила мысль о переводѣ Николая Ивановича на Правое крыло; поэтому, никто къ нему по дѣламъ Западнаго Кавказа не относился. Имѣлъ-ли я послѣ этого основаніе сказать, что ни мысль о выселеніи Черкесовъ и о колонизаціи всего края казаками, ни даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленныхъ, не принадлежали ему, ибо были выработаны за нѣсколько лѣтъ до его назначенія главнымъ начальникомъ Кубанскаго края? Да и сказалъ я это больше съ цѣлью оправдать покойнаго графа Евдокимова отъ обвиненій въ жестокомъ безсердечіи, въ чемъ его упрекали не только заграничныя газеты, не только разныя высокопоставленныя лица за глаза, но и въ глаза, въ бытность его въ 1864 году въ столицѣ. (Это ясно высказано мною на стр. 372 Исторіи Кабардинскаго полка, но г-нъ Кравцовъ объ этомъ умалчиваетъ).

Конечно, никто не станетъ спорить, что отъ наилучшихъ плановъ до дѣйствительнаго ихъ осуществленія еще очень далеко, и потому-то я и говорилъ, что „князь Барятинскій вынужденъ былъ передать дѣло покоренія Западнаго Кавказа въ энергическія руки геніальнаго исполнителя и организатора всѣхъ подробностей этого плана; что заслуга графа Евдокимова предъ государствомъ по истинѣ велика и Русская исторія должна считать своею обязанностью не забывать имени Евдокимова на тѣхъ своихъ страницахъ, которыя будутъ повѣствовать о покореніи Кавказа“.

И вдругъ г-нъ Кравцовъ все это считаетъ съ моей стороны умаленіемъ заслугъ графа Евдокимова, ущербомъ его славѣ! Какъ будто его заслуги, его слава, сами по себѣ такъ ничтожны, что ихъ необходимо искусственно увеличивать, приписывая ему то, что было предположеніемъ дру-

гихъ? Удивительный пріемъ!.. Я достаточно зналъ покойнаго графа Николая Ивановича и могу увѣрить г-на Кравцова, что онъ вовсе не поблагодарилъ бы его за такое излишнее рвеніе.

Эпизодъ о переселеніи казаковъ цѣлыми полками на передовыя линіи и о возникшихъ по этому случаю волненіяхъ среди Хоперскихъ и бывшихъ Черноморскихъ казаковъ, разсказанъ г-мъ Кравцовымъ не совсѣмъ такъ, какъ это было; но говорить объ этомъ теперь еще не время.

На стр. 131-й г-нъ Кравцовъ указываетъ на происходящую якобы въ моихъ доказательствахъ путаницу, потому что я мысль о колонизаціи Западнаго Кавказа казаками не приписывалъ графу Евдокимову, а между тѣмъ говорилъ, что проектъ о переселеніи казаковъ былъ составленъ графомъ въ 1860 году и доложенъ лично князю Барятинскому въ Тифлисѣ. „Путаница эта", прибавляетъ язвительно г-нъ Кравцовъ, „произошла отъ того, что все это составляетъ не болѣе, какъ вымыселъ автора".

Никакой путаницы у меня нѣтъ. Что *мысль* о выселеніи Черкесовъ и заселеніи казаками была выражена и одобрена еще въ 1857 году, уже достаточно ясно указано выше; а что *проектъ положенія о переселеніи казаковъ* былъ составленъ графомъ Евдокимовымъ и доложенъ князю Барятинскому въ Февралѣ или Мартѣ 1861 года (не *1860*, это простая опечатка) совершенно вѣрно. Дѣло въ томъ, что г-нъ Кравцовъ смѣшиваетъ двѣ совершенно разныя вещи: *идею* съ *положеніемъ* о приведеніи ея въ исполненіе, а тутъ разница большая. Мысль, идея, можетъ выразиться въ нѣсколькихъ словахъ; когда же она получитъ санкцію той высшей власти, отъ которой зависитъ разрѣшить ея исполненіе, тогда составляется проектъ положенія, какъ привести ее въ исполненіе, разработываются подробности, указанія и руководства для исполнителей. Напримѣръ, генералъ Муравьевъ имѣлъ предположеніе выселить всѣхъ Чеченцевъ на Манычъ. Еслибы эта мысль встрѣтила одобреніе Государя и ее повелѣно было бы привести въ исполненіе, хотя бы и г-лу Евдокимову, то, само собою, послѣдній составилъ бы предварительно положеніе объ этомъ, по утвержденіи котораго и приступилъ бы къ исполненію; но самая мысль все-таки осталась бы Муравьевскою, а не Евдокимовскою, и ничуть не умаляла бы заслугъ исполнителя. Тоже случилось и здѣсь: мысль о вытѣсненіи горцевъ Западнаго Кавказа и заселеніи казаками была проведена до назначенія графа Евдокимова на Правое крыло. Какъ человѣкъ умный, отлично знавшій Кавказъ, онъ, само собою, раздѣлялъ этотъ взглядъ и на совѣщаніяхъ во Владикавказѣ, осенью 1860 года, прямо поставилъ вопросъ о вытѣсненіи горцевъ въ Турцію, вмѣсто маскированнаго предположенія о выселеніи ихъ на плоскость. Кн. Барятинскій, въ душѣ желавшій того же, въ виду вышеприведенныхъ Петербургскихъ взглядовъ, не могъ прямо приказывать дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, но развязалъ гр. Евдокимову руки, увѣренный, что при предстоявшей поѣздкѣ въ Петербургъ съумѣетъ убѣдить Государя въ неизбѣжности такой системы, тѣмъ болѣе, что на добровольное соглашеніе горцевъ выселиться на плоскость не имѣлось почти надежды.

Приступивъ къ исполненію этого дѣла, графъ Евдокимовъ поручилъ составленіе положенія о заселеніи Закубанскаго края своему начальнику штаба, генералу Забудскому и докладывалъ его, какъ выше сказано, въ Тифлисѣ князю Барятинскому, весною 1861 года. Это я говорю положительно, ибо былъ тогда въ Тифлисѣ, нѣсколько разъ заходилъ въ Европейскую гостинницу, гдѣ останавливался графъ, и заставалъ за работой начальника его походной канцеляріи Грачева, который, на мой вопросъ, что это онъ такъ усердно пишетъ, отвѣчалъ: вотъ все возимся съ передѣлкой положенія о переселеніи казаковъ, съ правилами вознагражденія ихъ за оставляемые въ старыхъ станицахъ сады, мельницы и проч.—Вслѣдъ затѣмъ графъ Евдокимовъ уѣхалъ въ Ставрополь, князь Барятинскій больной за границу; а между тѣмъ произошли извѣстныя волненія казаковъ, вызвавшія рескриптъ Государя на имя графа Евдокимова и новое положеніе о переселеніи казаковъ уже не цѣлыми полками, а на другихъ основаніяхъ.

Гдѣ же тутъ путаница или вымыселъ съ моей стороны?

Г-нъ Кравцовъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ, что заселеніе казаками происходило отъ временъ Іоанна Грознаго и ничего новаго въ себѣ не заключало. Совершенно вѣрно. Но дѣло въ томъ, что прежде дѣлалось это постепенно, десятками лѣтъ, по мѣрѣ занятія нами мѣстъ и ухода горцевъ на другія, гдѣ они еще могли найти пропитаніе и гдѣ они наконецъ осѣлись; а тутъ нужно было въ кратчайшій срокъ вытѣснить къ морю полумилліонное населеніе и водворить 150 тыс. казаковъ и Русскихъ крестьянъ, частью въ мѣстностяхъ, несвойственныхъ привычкамъ Русскаго человѣка; нужно было разбить укоренившееся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ убѣжденіе въ необходимости лишь покорить Черкесовъ, а не выгнать совсѣмъ... Это и было главною мыслью записки Д. А. Милютина, основанной на извѣстномъ предположеніи генерала Вельяминова, записки, которую г-нъ Кравцовъ причисляетъ къ разряду разныхъ пустыхъ проектовъ покоренія Кавказа и совѣтуетъ объ нихъ лучше помолчать!..

Г-нъ Кравцовъ бросаетъ въ меня обвиненіемъ, что я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ назвалъ графа Евдокимова „хамомъ, кантонистомъ“ и т. п. и въ доказательство приводитъ выписку изъ написаннаго мною въ „Р. Архивѣ“.

Откровенно признаюсь, ничѣмъ г-нъ Кравцовъ въ своей статьѣ меня не оскорбилъ, хотя желаніе къ этому проглядываетъ тамъ съ достаточною ясностью, только однимъ этимъ обвиненіемъ. Даже со стороны г-на Кравцова не ожидалъ я такого извращенія смысла моихъ словъ! Ни одинъ грамотный человѣкъ, прочитавъ написанное мною объ графѣ Евдокимовѣ, не откажется подтвердить, что это обвиненіе просто клевета. Нужно только читать безъ всякой задней мысли и не выхватывать словъ по желанію.

Вотъ мои слова (стр. 98 „Р. Арх.“, кн. I, 1885): „Чему же приписать такія злорадно враждебныя, презрительныя отношенія къ Евдокимову? Во-первыхъ, низкое происхожденіе, „выскочка“, что почти никогда не прощается людямъ, особенно если они своими талантами выдаются изъ толпы. Въ человѣчествѣ, чтобы тамъ ни говорили, дурныя стороны преобладаютъ надъ

хорошими, и зависть, злорадство, готовность нагадить ближнему, ради собственнаго мелкаго дряннаго интереса пренебречь крупными, общественными—были и будутъ всегда царить. Поэтому и Евдокимову—„кантонисту, хаму", не прощались ни его превосходительный титулъ, ни его извѣстность. Даже въ Петербургѣ, когда онъ въ первый разъ, въ 1864 году, поѣхалъ туда, былъ обласканъ покойнымъ Государемъ, дежурилъ у него и пр., высокопоставленныя придворныя лица не могли воздержаться отъ запусканія шпилекъ". Далѣе слѣдуетъ разсказъ о подобныхъ шпилькахъ, разсказъ, основанный на словахъ самого покойнаго графа, передавшаго мнѣ и еще нѣкоторыя, по ненапечатанныя мною по независящимъ обстоятельствамъ.

Если вышеприведенныя мною слова привести въ связь со всѣмъ, написаннымъ на нѣсколькихъ страницахъ прежде (стр. 80—98 „Р. Арх." I. 1885), не говоря вообще о писанномъ въ разныхъ изданіяхъ и Исторіи Кабардинскаго полка, то всякому станетъ ясно, что слова: „кантонисту, хаму, выскочкѣ", принадлежатъ не мнѣ, а той враждебной Евдокимову кликѣ, бывшей къ нему въ злорадно враждебныхъ отношеніяхъ, къ которой я обращался съ вопросомъ, чему приписать такія отношенія, и въ укоръ имъ бросалъ эти грубыя слова.

Г-нъ Кравцовъ не могъ не понимать этаго: онъ вѣдь самъ говоритъ, что у графа Евдокимова было много враговъ. Что же, по его мнѣнію, эти враги величали графа нѣжно, похвальными словами? Понятно, злорадство, зависть тѣмъ и выражались, что подобные эпитеты слѣдовали рядомъ съ именемъ человѣка, къ которому относились враждебно. Такъ всегда бывало и такъ будетъ, пока существуетъ человѣчество съ его недостатками и страстями. Вотъ, напримѣръ, г-нъ Кравцовъ, повидимому не принадлежащій къ моимъ друзьямъ, какъ говоритъ онъ въ кругу своихъ знакомыхъ, безъ стѣсненія, обо мнѣ? Воображаю! Даже для печати онъ очевидно не поскупился въ этомъ отношеніи, такъ что почтенная редакція „Русской Старины" сочла за лучшее пропустить цѣлыя страницы... Очень можетъ быть, что г-нъ Кравцовъ скажетъ: если такъ, то нужно было эти слова: „хамъ, кантонистъ", обозначить ковычками. Они у меня въ рукописи и были, также, какъ и надъ словомъ „выскочка"; а отсутствіе ихъ въ печати есть простой корректурный пропускъ. Но это и значенія не имѣетъ; ибо всякій безпристрастный читатель и такъ не можетъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ смыслѣ.

Еще примѣръ. Я говорю: „еслибы, благодаря графу Евдокимову, война сократилась даже только на одинъ годъ, то и тогда" и т. д. А г-нъ Кравцовъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „нѣтъ, г-нъ Зиссерманъ, не на одинъ годъ, а на десять лѣтъ" и т. д. Успокойтесь, пожалуйста, я пойду дальше васъ: еслибы въ 1856 году князь Барятинскій не былъ назначенъ главнокомандующимъ, еслибы онъ не избралъ своимъ главнымъ помощникомъ графа Евдокимова, то, кто знаетъ, можетъ быть мы и теперь еще воевали бы на Кавказѣ. Но зачѣмъ же извращать чужія слова!

Я коснулся вопроса о памятникѣ графу Евдокимову на мѣстахъ его главной дѣятельности, т.-е. въ Веденѣ или Грозной; а г-нъ Кравцовъ на-

ходитъ умѣстнѣе ставить памятникъ въ Пятигорскѣ, потому что это центральный пунктъ, и тамъ бываетъ большой съѣздъ. Не могу съ этимъ согласиться. Мало-ли гдѣ бываетъ большой съѣздъ! Скорѣе всего во Владикавказѣ, самое названіе котораго соотвѣтствуетъ постановкѣ памятника человѣку, осуществившему главнѣйшимъ образомъ дѣйствительное владѣніе Кавказомъ. Притомъ же Владикавказъ областной городъ, на рельсовомъ сообщеніи Россіи съ Закавказьемъ, городъ съ большою будущностью.

Я упомянулъ о памятникѣ на могилѣ графа Евдокимова въ Пятигорскѣ и находилъ его хотя и дорогимъ, но не совсѣмъ удачнымъ: закрытая часовня, весьма мало замѣтная, въ которую не всегда можно проникнуть; бюстъ же, въ ней поставленный, очень мало схожъ съ покойнымъ. Я желалъ бы, чтобы памятникъ обращалъ на себя больше вниманія, чтобы пріѣзжіе военные люди спрашивали и узнавали, какъ этотъ человѣкъ своими великими заслугами достигъ высшихъ степеней и проч. Г-ну Кравцову это не понравилось, и онъ заявляетъ, что я, какъ лютеранинъ, не могу понимать, какіе памятники ставятся православнымъ людямъ. Итакъ, чтобы судить о сходствѣ бюста или красотѣ памятника, нужно принадлежать къ извѣстному исповѣданію. Теорія новая: примемъ ее къ свѣдѣнію.

Г-нъ Кравцовъ выступилъ также защитникомъ всѣхъ командировъ военныхъ частей былаго времени (кромѣ меня, конечно) и очень кстати привелъ въ доказательство много *живыхъ* высокопоставленныхъ, начальствующихъ лицъ. На эту тему я ни въ какую полемику входить не намѣренъ и остаюсь при своемъ мнѣніи. Что же касается всего, лично до меня относящагося, то ограничусь нѣсколькими словами: мы съ г-мъ Кравцовымъ такіе незначительные люди, что ни современники, ни тѣмъ паче потомство нами интересоваться не могутъ, и потому, гдѣ рѣчь идетъ о лицахъ историческихъ, намъ перемывкою своего грязнаго бѣлья (а у кого же его нѣтъ?) заниматься не приходится.... Dixi et animam levavi.

А. Зиссерманъ.

Октябрь 1886.

ПОПРАВКИ И МЕЛОЧИ.

1.

Въ 8-мъ выпускѣ Русскаго Архива, нынѣшняго года, г-нъ Кедровъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя выраженія въ Сказаніи Авраамія Палицына теперь непонятны, и между прочимъ на стр. 519 пишетъ, что изъ лавры отправлены были три мниха, подъ двѣми лошади кари, а подъ третьимъ стреката. Послѣднее слово напечатано курсивомъ; очевидно г. Кедровъ считаетъ это слово устарѣвшимъ и непонятнымъ. Между тѣмъ это названіе сохранилось и доселѣ: стрекатою лошадью называется родъ пѣгихъ лошадей, гдѣ мелкія пятна густо разсѣяны по бѣлой шерсти.

Николай Палибинъ.

Тифлисъ.

2.

На стр. 217 (въ 10-й кн. Р. Архива 1886) въ строкѣ 21-й сверху пропущены слова: „Для Европейскихъ правительствъ“.

3.

Извѣстный писатель, авторъ прекрасной книги „Плѣнницы у Шамиля“ Евграфъ Алексѣевичъ Вердеревскій въ послѣдніе годы жизни страдалъ умопомѣшательствомъ. Пришло извѣстіе о смерти любимой его невѣстки, молодой, даровитой женщины. Услыхавъ о томъ, несчастный поэтъ вдругъ очнулся и произнесъ:

Однимъ цвѣткомъ земля бѣднѣе стала,
Одной звѣздой богаче небеса.

и вслѣдъ за тѣмъ впалъ въ прежнее состояніе.

4.

Недавно скончавшійся графъ Бейстъ пользовался нѣкогда громкою извѣстностью, будучи *Саксонскимъ* министромъ. Покойный Ѳ. И. Тютчевъ въ дѣйствіяхъ Бейста видѣлъ довольно легкомысліе. Объ этомъ говорили въ одномъ пріятельскомъ кружкѣ послѣ обѣда. Кто-то, принимая кофейную чашку отличнаго Саксонскаго фарфора, сталъ любоваться ея легкостью. En fait de Saxe léger il n'y a que Beist, замѣтилъ Тютчевъ. (По части Саксонской легкости нѣтъ выше Бейста).

5.

Спросили Пушкина на одномъ вечерѣ про барыню, съ которой онъ долго разговаривалъ, какъ онъ ее находитъ, умна ли она?—„Не знаю“ отвѣчалъ Пушкинъ очень строго и безъ желанія поострить (въ чемъ онъ бывалъ грѣшенъ): вѣдь я съ ней говорилъ по-французски“.

6.

Въ шестидесятыхъ годахъ, во время одного изъ студенческихъ волненій въ Московскомъ университетѣ, студенты цѣлою толпою двинулись на Тверскую площадь предъявлять свои жалобы генералъ-губернатору П. А. Тучкову. Ихъ провожало множество народа запрудившаго и улицу, и площадь. По улицѣ ѣхалъ извѣстный писатель Н. Ф. Павловъ въ открытой пролеткѣ, держа въ рукахъ свою великолѣпную палку съ огромнымъ набалдашникомъ, по обыкновенію важный и чопорно-прибранный. Ѣхать дальше сдѣлалось невозможно за многолюдствомъ. Подходитъ къ Павлову какая-то старушка. „Кого это, батюшка, хоронятъ?“—„Науку, матушка, науку“, отвѣчаетъ Павловъ, кивая величавою головою.—„Царство ей небесное!“ умильно говоритъ старушка и осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ.